

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОЙ ШКОЛЫ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Общая тетрадь

Москва 2008

Общественно-политическое издание

Выходит раз в квартал

Наш электронный адрес:

e-mail: msps@msps.su

<http://www.msps.ru>

*Журнал зарегистрирован в министерстве РФ
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
Свидетельство ПИ № 77-7311 от 19.02.2001 г.*

Редакционный совет:

А.Н. Архангельский

Е.В. Барабанов

Р. Брейтвейт (Великобритания)

И.М. Бусыгина

С.А. Васильев

М. Мертез (ФРГ)

Б.Н. Миронов

С.В. Мошкин

Е.М. Немировская

Д. Пинто (Франция)

Б. Рубл (США)

В.А. Рыжков

Ю.П. Сенокосов

Л.П. Скопцов

А.Ю. Согомонов

А. Хиль-Роблес (Испания)

Дж. Хоскинг (Великобритания)

Главный редактор: *Ю.П. Сенокосов*

Ответственный секретарь *С.А. Максимов*

Художественный редактор: *Людмила Иванова*

Корректор: *Людмила Бусуек*

Верстка: *Ольга Козак*

Фото: *В. Иванов, О. Начинкин*

*Издание этого номера журнала осуществлено при поддержке
Корпорации Карнеги (Нью-Йорк) и Института «Открытое общество».*

Содержание

№ 1 (44) 2008

К читателю 5

Семинар

О политическом возрождении религии в начале XXI века 7
Кристофер Коукер
Дискуссия 17

Тема номера

О «национальных образах прошлого»
Обращение Международного общества "Мемориал" 26

Итоги президентства В.В. Путина

Миф о новой холодной войне 33
Стивен Коткин

Концепция

Проблема коррупции и местное сообщество 47
Вадим Бондарь

Дискуссия

«Национальный лидер» как симптом 56
Андрей Захаров

«Я не согласен...» 61
Леонид Смирнягин

Некоторые размышления о «национальном лидере» 64
Ирина Бусыгина

Патриотизм, идентичность и политика 68
Глеб Тюрин

Точка зрения

Эксперт при полуавторитаризме 74
Алексей Макаркин

*Религия и ценности:
о взаимосвязи религии и политики*
Кlaus Mertes 80

Российские реформы и общественная солидарность
Александр Согомонов 85

Жизнь в профессии

О государственной службе, политике и бизнесе: взгляд из Америки
Тоби Гати 90

Идеи и понятия

Институты
Ирина Бусыгина
Андрей Захаров 98

Наш анонс

Новый общественно-политический словарь
Предисловие
Пьер Мюллер 105

Книги

Советское детство по-английски
Андрей Захаров 108

Контрапункт
Александр Архангельский 110

Nota bene

Федерация и Россия
Георгий Федотов 114

*В оформлении номера использованы работы художников
из Бельгии, Великобритании, Германии, Италии, Ирана, Китая, Польши, США, Таиланда.*

К читателю

Думая о свободе, мы склонны считать, что люди свободны тогда, когда у них есть свобода *выбора*. И делаем вывод: чем больше возможностей выбора, тем в стране больше свободы. Но так ли это на самом деле? Когда под свободой мы понимаем только само наличие выбора, не задумываясь над тем, что выбор — это одновременно и явная непредсказуемость того, что человек может выбрать и посвятить этому свою жизнь (например, террорист).

Следовательно, эмпирическое определение свободы содержит в себе очевидное противоречие, преодолеть которое можно, лишь осознавая его двойственность. А именно, что, с одной стороны, оно открывает дорогу к утверждению неограниченной абсолютной власти, а с другой стороны, в виде реакции на нее в условиях демократии неизбежно порождает в обществе ситуацию нестабильности. Поэтому обратимся к другому, философскому определению свободы, предполагающему наличие не выбора, а внутренней дисциплины, или дисциплины ума: «Свобода — это феномен, который имеет место там, где нет никакого выбора. А есть нечто, что в себе самом содержит необходимость. То есть является необходимостью самого себя» (М. Мамардашвили).

Фактически именно в сторону такого определения свободы все более склонялись европейские мыслители в эпоху Просвещения, размышляя о свободе, гражданском обществе и правах человека. Причем все это было реакцией на сложившуюся абсолютистскую форму правления, при которой верховная власть принадлежала одному лицу (монархия, самодержавие). А завершилось, как известно, принятием в августе 1789 года знаменитой Декларации прав человека и гражданина — политического манифеста Французской революции,

Ю. П. Сенокосов,
главный редактор
журнала «Общая тетрадь»

провозгласившего неотъемлемыми правами человека свободу личности, слова, совести, равенство граждан перед законом, неприкосновенность частной собственности.

Стоит подчеркнуть, что эта Декларация подвела своего рода итог предшествующему политическому развитию европейского общества, так как до этого борьба шла лишь об *ограничении* абсолютной власти. Об этом свидетельствуют, в частности, не только Билль о правах в Великобритании (1689), который ограничил власть короля, гарантировав права и свободы парламента, но и другие документы правового и политического характера (хартии коммун и городов, жалованные грамоты, уставы и т.д.).

В основе философии свободы, воодушевлявшей европейских просветителей XVIII века, лежала идея прав человека. Каким же образом она интерпретировалась?

О правах, писали они, можно и нужно говорить, поскольку люди мыслятся во взаимном отношении друг к другу. Право — ничто вне таких отношений. И задавали вопрос: как могут сосуществовать свободные существа — ведь в этом состоит смысл всякого права? И отвечали: совместное существование людей возможно при условии, если каждый ограничивает свою свободу настолько, чтобы сохранить свободу других. Свобода одного упирается в свободу другого и имеет эту последнюю условием собственной свободы.

Реальность этих высказываний становится очевидной, когда появляется общность свободных людей. И она исчезает, как только такая общность оказывается невозможной.

«Я могу представить себе, — писал Кант в трактате “К вечному миру”, — **морального политика**, то есть такого, который устанавливает принципы государственной мудрости, совмещающейся с моралью, но не **политического моралиста**, который приспособляет мораль к потребностям государственного деятеля». И в другом месте: свобода растет вместе со степенью моральности в общественных делах.

Свобода и право — два основных понятия, с которыми напрямую связаны история европейского либерализма и становление гражданского общества.

О смысле и содержании этих понятий следует думать, когда мы продолжаем сегодня начатый поиск достижения устойчивого баланса между государством и обществом.

*О политическом возрождении религии в начале XXI века**

Я буду говорить о том, как религия вернулась на авансцену политической жизни. Таков один из многих сюрпризов, которые преподносит нам история. Для людей, которые, подобно мне, были воспитаны в духе европейского просвещения, это особенно удивительно, поскольку мы полагали, что религия должна быть отделена от политики, что это сугубо частное дело. Но я думаю, что это не менее удивительно и для вас, кто помнит Советский Союз, провозглашавший всякую религию суеверием и придерживавшийся догматов исторического материализма, в соответствии с которыми объективному движению истории, материальной реальности нашей жизни чуждо все трансцендентное. В общем, это не может не быть удивительным для тех, кто научился по-иному смотреть на религию (например, в свидетельстве о моем крещении записано, что я принадлежу к лону англиканской церкви, однако англиканская церковь тоже претерпела значительные изменения и сегодня это скорее сообщество верующих, чья цель не столько прославлять величие Бога, сколько сеять милосердие и сострадание, в том числе и среди неверующих). Повторяю, это большой сюрприз для западных либералов, с их непоколебимой верой в универсальность либеральных ценностей и уверенностью в том, что единственная модель развития современного общества связана с его дальнейшей секуляризацией. И тем не менее мы видим, что некоторые общества приходят к обновлению через религию. Например, в Турции споры о роли ислама в жизни общества не стихают уже более семидесяти лет, то есть с тех самых пор как эта страна встала на путь развития светской республики.

Таким образом, очевидно, что возрождение религии в сегодняшнем мире существенным образом повлияло на ряд наших основных предпосылок и представлений о социально-политической картине современности. И, если позволите прибегнуть к иг-

*Кристофер Коукер,
профессор,
Лондонская школа
экономики*

** Выступление на семинаре Московской школы политических исследований в Голицыно 23 июля 2007 г.*

ре слов, наши фундаментальные предпосылки и представления следует называть *фундаменталистскими*, а значит актуальными лишь для определенной эпохи и географического пространства. И в этой связи я хочу обратить ваше внимание на смысл этих слов в международном контексте, упомянув о важном событии 1948 года, а именно о принятии ООН Всеобщей декларации прав человека.

Названный документ, который уже более полувека служит краеугольным камнем современного миропорядка и является одним из основополагающих текстов светского общества, провозглашает примат прав человека, причем не только в контексте абсолютного права на жизнь (осознание которого для меня, западного человека, сопряжено с историей холокоста и Второй мировой войны), но и «права на счастье», то есть права на самореализацию. При этом напомним, что в 1948 году от голосования по принятию Всеобщей декларации воздержались семь стран. Одной была Южная Африка, страна, вставшая на путь апартеида и отказавшаяся принять статью о расовом равенстве (это была проблема, присущая конкретной стране в конкретную эпоху и исчезнувшая вместе с режимом апартеида в 1994 году). Но Всеобщую декларацию отказались подписать также Советский Союз и несколько восточноевропейских стран, которые считали, что слишком большое внимание в тексте уделяется политическим свободам — в ущерб социально-экономическим правам. И, наконец, еще одной страной, воздержавшейся от подписания декларации (хотя в то время на это обстоятельство вряд ли обратили внимание), была Саудовская Аравия. Саудовская Аравия возражала против статьи 18 декларации, провозглашавшей свободу менять свою религию или убеждения и свободу исповедовать свою религию.

Возражения саудовского правительства основывались на утверждении о невозможности отказа от исламской веры или перехода в другую религию. На позицию Саудовской Аравии не обратили особого внимания по нескольким причинам. Во-первых, речь шла о вопросе религиозной веры — в условиях, когда две ведущие мировые идеологии того времени, либерализм и марксизм, имели явно светскую природу. Во-вторых, Саудовская Аравия не была европейской страной, в то время как две сверхдержавы, США и СССР, объединяло общее европейское наследие. В-третьих, Саудовская Аравия считалась своего рода политической аномалией, то есть не национальным государством в полном смысле слова, а значит, ее позиция не могла иметь большого значения.

Мысленно обращаясь к дебатам 1948 года, нельзя не задуматься о том, что возражения Саудовской Аравии были глубоко символическими — ведь для многих людей религиозные чувства неотделимы от личностного развития и составляют необходимую часть самореализации. Но каковы бы ни были тогда мотивы саудовского правительства, сегодня можно с уверенностью утверждать, что религия вернулась и теперь образует остов развития многих обществ, в том числе с точки зрения прав человека. Это факт, с которым западному миру придется считаться в обозримые годы. Мне кажется, что возвращение религии на мировую политическую арену станет одной из определяющих идеологических тем первой половины XXI века, и мы можем отчасти понять этот феномен, рассмотрев упадок двух «политических религий» XX столетия — политический крах коммунизма и растущий пессимизм в отношении западного либерализма. Европейское просвещение, конечно же, не покончило с религией. Оно преобразовало религию... в политическую

религию. Возьмем, к примеру, коммунизм, учение, у которого были свои пророки — тот же Карл Маркс, своя Библия — «Капитал», собственный пантеон мучеников, которые исчисляются миллионами. Понятие божества не исчезло, но трансформировалось в «волю народа» или, как выражаются иногда интеллектуалы, в Историю с заглавной буквы. Дело в том, что наш

социальный мир — это мир идей, ценностей и верований в той же мере, в какой он — вещный мир власти, торговли и оружия. И то же самое относится к либерализму. В первом, опубликованном в 1948 году (в год принятия Всеобщей декларации прав человека) романе «Нагие и мертвые» американского писателя Нормана Мейлера дано характерное определение либерализма. Один из персонажей романа говорит, что Соединенные Штаты олицетворяют собой, во-первых, безграничные ресурсы (то есть человеческий капитал) и, во-вторых, идею, позволившую мобилизовать общество на некие свершения.

Действительно, либерализм был самой яркой идеей, наиболее стимулирующим идеалом XX века. Но либерализму как идее была необходима питающая среда, и для США в XX веке такой средой стала война, позволившая объединить силы мира в борьбе за демократию, сформировать американскую внешнюю политику и развить идеологию, сделавшую XX век в сущности американским веком. В то время как сегодня проблема либерализма состоит в том, что для многих людей единственной исторической средой стал рынок с его господствующей и внутренне пустой идеологией потребительства, формирование которой относится к эпохе холодной войны. Напомню, что когда Никита Хру-

щев, первым из советских руководителей, приехал в США в 1959 году, он произнес страстную речь, которая в то время была неверно истолкована из-за единственной фразы (довольно злове-

Мне кажется, что возвращение религии на мировую политическую арену станет одной из определяющих идеологических тем первой половины XXI века

щей, если вырвать ее из контекста). Хрущев сказал американцам: «Мы вас похороним». Оказалось, однако, что он стремился похоронить американцев не под советскими ракетами, а под советскими потребительскими товарами. (Известно, что перед визитом в США экономические советники Хрущева уверяли его, что к 1970 году ВВП СССР сравняется с американским, а к 1980 году превысит ВВП США в два раза.) То есть фактически уже тогда акценты в холодной войне смещались в сторону философии потребительства, рынка как исторической среды. «Мы не будем с вами сражаться, но завоюем вас экономически». Такие мнения в начале семидесятых не были случайными. Уличные протесты в Восточной Европе в конце восьмидесятых годов, повлекшие за собой падение Берлинской стены, можно рассматривать и как «потребительские бунты». Один историк назвал их первыми «потребительскими бунтами» в истории. То есть люди в Восточной Европе, день за днем смотревшие западные телепередачи, стремились к жизни, которую не мог обеспечить коммунистический порядок.

Рынок, повторюсь, стал средой истории, и в этот вагон успели вскочить даже религии. Так, например, в Бразилии действует Всемирная церковь царства Божьего. Эта церковь использует в качестве основного инструмента

Шадафарин Гхадириан. Без названия. 1998

проповедей собственные веб-сайты, спонсирует телепередачи и мыльные оперы на собственных телеканалах, поддерживает рок-группы и обещает скорое вознаграждение за обращение к Христу. Такую религию не назовешь иначе как инвестицией: это Иисус не спасающий, а платящий дивиденды за обращение в христианскую веру.

Либерализму сегодня бросают вызов две силы. Одна — это религии, возрождающиеся в незападном мире, адепты которых считают либерализм философией, лишенной смысла. Вторая — это некоторые течения в движении антиглобалистов, представители которого также с почти религиозной лихорадочностью отстаивают свои убеждения.

Религия, как мне представляется, не имела бы такого значения, если бы не следующее обстоятельство: в современном мире люди, обладающие религиозными убеждениями, воспроизводят свои общества, а люди, лишенные религиозных убеждений, ведут общество к демографическому упадку. Или, другими словами, высокий уровень религиозного самосознания ведет к повышению рождаемости, и наоборот, материализм вызывает ее падение. Сошлюсь в этой связи на ситуацию с мормонами в США, сохранившими на протяжении XX века устойчиво высокий уровень рождаемости. Численность мормонской общины в штате Юта выросла за это время почти на 40 процентов, несмотря на значительный приток иммигрантов, не принадлежащих к мормонам. Если же мы посмотрим на демографическую ситуацию в Европейском союзе, то здесь немногие европейцы, сохраняющие высокий уровень рождаемости, это в основном мусульмане во втором и третьем поколениях. И об этом же свидетельствуют выкладки по России: наиболее высокий уровень рождаемости по стране наблюдается в регионах, преимущест-

венно населенных мусульманами. Насколько мне известно, последние статистические прогнозы показывают, что к середине XXII века мусульмане могут составить 50 процентов населения России. Разумеется, прогнозам не надо верить слепо. Но из социологии тоже можно извлечь урок. Так, по оценкам демографической ситуации в Северной Америке, Западной Европе и России уровень рождаемости среди вероисповедного населения на 20 процентов превышает уровень рождаемости среди нерелигиозных граждан. При этом непропорционально большое число среди вероисповедного населения в возрасте от 18 до 45 лет составляют женщины. Такова социальная реальность начала XXI века.

Следовательно, мы наблюдаем тесную симбиотическую связь между религией и демографией. Назовем ли мы это обстоятельство вызовом? Угрозой? Риском? Или благоприятной возможностью? Может быть, возрождение религии — не проблема, а решение проблемы? Конечно, здесь многое зависит от точки зрения. Но для либералов моего поколения, вступивших в пору политической зрелости в 60-х годах и разделявших такие взгляды, как право на планирование семьи, право на аборт, независимое положение женщин в обществе, это, безусловно, вызов. Так как большинство из нас считает политическое возрождение религии консервативной реакцией на либеральные тенденции середины XX века.

Приведу пример двух наиболее значительных проявлений социального протеста в Соединенных Штатах времен Клинтона, когда на улицы Вашингтона вышло более миллиона человек. Первая демонстрация была организована «Нацией ислама», исламской религиозной организацией, состоящей преимущественно из чернокожих американцев, а вторая — «Хранителями обетований», христи-

анской сектой, большую часть которой составляют белые. «Хранители обетований» запретили женщинам участвовать в демонстрации. «Нация ислама» разделила женщин и мужчин на две колонны. Примечательны лозунги, с которыми выступали демонстранты. И первая, и вторая организации ратовали за более консервативную социальную политику, запрет аборт, возвращение к «семейному укладу». Подобные лозунги не слишком отличаются от социальной программы Джорджа Буша, хотя среди членов «Нации ислама», я уверен, немного его сторонников.

Политическое возрождение религии — это вызов либерализму еще и потому, что современные либералы отвыкли от мысли, что существуют идеи, за которые должно сражаться и умирать. Иногда шутят, что либерал неспособен принять сторону в споре — он всегда стремится встать на противоположную точку зрения. Поэтому сегодня либералу сложно противостоять «категоричности веры». Напротив, либералы начала XX века обладали категоричностью веры, то есть твердыми убеждениями, за которые они готовы были бороться. Пожалуй, слово, к которому я сейчас подхожу, — это фундаментализм. Это сложное слово, как в английском, так и в любом другом языке, так как оно порождает множество неверных толкований. Ведь фундаментализм присущ не только исламу: существуют христиане-фундаменталисты, играющие, в частности, видную роль в республиканской партии США. Фундаменталисты играют видную роль в политике Израиля или Индии. Естественным образом фундаментализм присутствует в любой монотеистической религии. Но он присущ и немонотеистическим религиям, как, впрочем, и любой философской доктрине или идеологии. Но коль скоро я упомянул ислам, позвольте мне

предложить несколько определений. На Западе принято различать четыре течения в исламской религиозной мысли, которые, так или иначе, повлияют на пути развития мира в ближайшие двадцать или тридцать лет.

Первое течение, наиболее милое сердцу западных либералов, это так называемый *реформированный* ислам, согласно которому первостепенное значение имеют не действия пророка, а идеи, которые вдохновляют действия. Это не вполне «чтение между строк» Корана, так как мусульмане верят, что Коран — воплощенное слово Бога, однако подобное толкование требует проведения текстового анализа, и именно за это выступают сторонники реформированного ислама. Затем следует большинство мусульман, которых в современную историческую эпоху принято называть *традиционалистами*. Иными словами, это люди, чтущие традиции ислама. Сторонники традиционализма выступают за сохранение той версии ислама, которая исторически сложилась в той или иной стране, регионе, на той или иной территории, а также противодействуют каким-либо переменам как в религиозной сфере, так и в общественной жизни. Традиционализм, кстати сказать, обнаруживается везде — например, в той же католической церкви, в возвращении латинской мессы, в католицизме Бенедикта XVI. С точки зрения толкования христианских догматов последних двух пап вполне можно назвать традиционалистами.

Фундаментализм, третье течение в исламе, восходит к ваххабизму, религиозно-политическому течению в Аравии XVIII века. Ваххабизм содержит критику исторической эволюции ислама и отвергает правомерность развития законов шариата за последние семьсот лет. В недавние годы так называемые успехи ваххабитов в Саудовской Аравии проявились, в частности,

в уничтожении более трехсот исторических памятников в Мекке и Медине. Историю ваххабиты воспринимают как оскорбление, ведь история всякой религии подразумевает необходимость компромиссов и обновления. И, наконец, четвертое течение в исламе, так называемый *исламизм*, можно назвать, наряду с коммунизмом и либерализмом, одной из господствующих идеологий XX века. Исламизм, возникший в странах Ближнего Востока в двадцатые годы прошлого столетия как реакция на европейский колониализм, также обладает собственными пророками, мартирологом, священными текстами и социально-экономической программой. Неугасимым факелом исламистов можно считать революцию 1979 года в Иране, подобно тому как русская революция 1917 года осветила путь коммунистам всего мира. Мы одержимы мыслями об исламизме и его террористических проявлениях. Но, быть может, нам следует больше задумываться о фундаментализме и традиционализме, так как в ближайшие 20–30 лет мир, как мне кажется, станет свидетелем сплочения консервативных, в том числе самых различных религиозных, сил вокруг реакционных, на взгляд либералов, доктрин. Примером может служить удивительное единодушие, с которым представители Ирана, Ватикана и нескольких африканских государств выступают на конференциях ООН по вопросам прав женщин или планирования семьи. Или в моей собственной стране, где исламские и евангелические общины объединились по вопросу ужесточения законов против кощунства в отношении религии. Или раскол в англиканской церкви относительно миропомазания священнослужителей женщин и гомосексуализма. Существует

даже мнение, что подобные общественные течения могут еще больше сблизить США и Западную Европу с точки зрения консервативности их социальной политики. Не будем забы-

*Несмотря на европейскую интеграцию,
в Европе по-прежнему превалирует
идентичность национальных государств*

вать и о возрастающей роли русской православной церкви в России, участвующей в обновлении общества и стремящейся утвердить систему ценностей русского народа в XXI веке. Однако я не эксперт по России, и моя цель сегодня — донести до вас мое видение мира, в котором нам предстоит жить в ближайшие годы.

В заключение своего выступления мне бы хотелось сделать пять выводов из сказанного. Во-первых, нам следует по-новому осмыслить географические границы религий. Исламский мир гораздо шире, чем его арабское ядро, чем его исторический центр тяжести. Мы должны привыкнуть к мысли, что три крупнейших мусульманских государства расположены в Азии, что одно из них, Турция, стремится вступить в ЕС, и если это произойдет, то по численности мусульманского населения Европа выйдет на одно из первых мест в мире. Христианство перестает быть преимущественно европейской религией, отчасти из-за распространения в мире пятидесятничества и позднепротестантских церквей. Возвращение к латинской мессе можно рассматривать как реакцию католической церкви на подобные тенденции. Ежедневно в Латинской Америке около 7000 человек отказываются от католицизма в пользу одной из протестантских церквей. Одна пятая вероисповедного населения Латинской Америки принадлежит сегодня к протестант-

ским церквям. Согласно статистическим прогнозам, Латинская Америка может перестать быть католическим континентом к 2050 году. Не надо забывать и о том, что крупнейшая община пятидесятников — 280 миллионов человек — проживает в Китае. В пору задаться интересными вопросами. Станет ли Азиатско-Тихоокеанский регион, учитывая беспрецедентный рост христианства в Азии, христианским регионом к концу XXI века? Может ли христианство утратить статус «религии Запада» в части католической и протестантской конфессий? Бенедикт XVI, вероятнее всего, — последний римский папа из Европы. И к чему это может привести? Если большинство христиан мира будут проживать в бедных странах, в авторитарных обществах, не вернется ли христианство к эпохе, когда (прежде чем стать религией Римской империи) оно было религией социального протеста? Это, на мой взгляд, окажет существенное влияние на формы социального протеста в XXI веке.

Мой второй вывод состоит в том, что религия развивается. Таково одно из последствий глобализации, особенно ярко проявляющееся в обществах, куда стекается большое число иммигрантов, то есть в Канаде, США и Западной Европе. В 2003 году, согласно данным ЮНЕСКО, число иммигрантов в Японию составило 3 человека. Такая иммиграция вряд ли изменит социальный портрет страны. А что если в ближайшие полвека в страну придет 130 миллионов иммигрантов (а именно таковы прогнозы относительно Западной Европы)? Тогда религиозный фактор может приобрести решающее значение. Или, как может измениться социальный портрет общества в США, если туда переедут, например, 100 миллионов иммигрантов — испаноязычных католиков. Серьезная проблема Европейского союза — это вопрос

идентичности. Как будут определять себя новые европейские иммигранты? Несмотря на европейскую интеграцию, в Европе по-прежнему превалирует идентичность национальных государств. Большинство европейцев по-прежнему определяют себя в категориях национального государства, в котором они родились или куда эмигрировали. Скажем, 81 процент мусульман в Великобритании называют себя, во-первых, мусульманами и, лишь во-вторых, британцами. Следует ли этому удивляться? В конце концов, существует умма, всемирное мусульманское братство. Тем не менее большинство граждан Турции, Египта или Иордании определяют себя, во-первых, в контексте национальной принадлежности и лишь потом в контексте религии. Наверное, так происходит потому, что ислам в этих странах — непререкаемая религия большинства, а национализм — относительно недавнее течение, возникшее при формировании молодых, по сравнению с Западной Европой, национальных государств. В таком положении дел есть отрицательная и положительная стороны. Отрицательная сторона — терроризм. Положительная сторона — возможность для молодых, часто неимущих, социально незащищенных мусульман — в Лондоне или Париже, Брэдфорде или Марселе — отождествлять себя с великим мусульманским миром. Что же говорить о молодых, социально незащищенных христианах, у которых нет возможности отождествить себя с неким большим миром за пределами страны их проживания? Вспомним парижские уличные бунты 2005 года. Поначалу речь шла о беспорядках, спровоцированных молодыми мусульманами из городских гетто. Однако после подавления беспорядков выяснилось, что мусульманами были лишь 39 процентов их участников. В основной своей массе бунтовщики были молодыми

Клаус Камперт. Половодье. 1987

безработными французами, жертвами, если угодно, капиталистической системы, принадлежащими к единственному сообществу — собственному национальному государству.

Мой третий вывод — религия может вновь стать фактором международной политики. Основными игроками на мировой политической арене будут государства с сильной религиозной составляющей: США, где политика насыщена языком религии, Россия, где возрастает роль православной церкви, девять крупнейших мусульманских государств и стоящий несколько особняком, с точки зрения

религии, Китай. В Китае, как известно, нет монотеистической религии или государственной церкви. И при этом Китай раздирают религиозные противоречия. Следует ли ожидать, что политические союзы будущего окажутся в той или иной степени основаны на религиозном родстве? Что-то подобное мы наблюдали в 1990-х годах, когда православные страны стремились поддержать Сербию во время войны на Балканах. Но не следует забывать и о том, что католические и протестантские страны Европы поддерживали в то же время мусульман в Боснии и Косово. Возможно,

надо говорить в этой связи не о столкновении цивилизаций, а о столкновениях внутри цивилизаций, в том числе на религиозной почве — вспомним вечный раскол между суннитами и шиитами. Я с сожалением вспоминаю, как несколько чинов Пентагона говорили мне, что война в Ираке якобы предотвратила «конфликт цивилизаций». Я считаю, что в международной политике сохранится фактор единой «исламской позиции» (в отличие от несуществующей «христианской позиции»): так, например, ситуация в Палестине воспринимается как оскорбительная всеми мусульманскими странами. Но религия обладает способностью и заживлять раны. В 2001 году ООН выступила с инициативой диалога цивилизаций, за которой стояли тогдашний иранский президент Мохаммад Хатами и чешский президент Вацлав Гавел. Люди, романтично настроенные, помнят, что среди основателей ООН были те (стоявшие и за созданием Всемирного совета церквей), кто настаивал на разработке «морально-этической основы» миропорядка. Но эта идея не нашла тогда воплощения из-за противоречий холодной войны.

Мой четвертый вывод относится к демографии. Возрастание роли религии в мире непосредственно связано с «распространением молодости», с ростом числа молодых людей. Великие державы прошлого столетия вышли из «прежнего мира». Это относится и к США, стране с самой старой из действующих конституций и самыми старыми политическими партиями. Учитывая демографическую картину мира, XXI век, возможно, станет веком молодых людей. Мы не знаем, хорошо это или плохо. Молодые люди порывисты и больше склонны к жертвам, социальному протесту и к войнам. Ряд трагических столкновений между индуистами и мусульманами в

Индии были спровоцированы молодыми людьми. То же относится к гражданской войне в Ираке или к возникновению движения Талибан. Согласно прогнозу ООН 1995 года, к 2050 году экономически продуктивными будут только две десятых населения планеты. Это удручающая перспектива, но решение проблемы, и это подводит меня к пятому и последнему выводу, может заключаться в том числе и в развитии некоего — организованного или подразумеваемого — религиозного сознания.

Главная причина, по которой я ежегодно приезжаю в Московскую школу политических исследований, кроется не в возможности прочесть лекцию (я делаю это каждую неделю перед своими студентами в Лондонской школе экономики), но в необходимости поделиться своими мыслями с представителями российского общества (ведь несмотря на политические различия и дипломатические скандалы в нашем опыте много общего). К лучшему или к худшему, но мы представляем собой, по сути, христианские общества, и, вне зависимости от веры в Бога, наши этические установки происходят из одного христианского источника, а наши этические дебаты основываются на христианских предпосылках, хотя мы живем в поликультурных обществах, где возрастает роль другой монотеистической религии — ислама. Религия перестала быть семейным делом или региональным явлением. Монотеистические религии приобрели подлинно всемирный характер.

В каком-то смысле наши общества можно назвать постматериалистическими, ведь в решении политических задач Северная Америка, Западная Европа и Россия оперируют идеями исключительной важности, многие из которых берут начало в религиозной вере, для которой характерно стремление к взаимопомощи.

Дискуссия

Лилия Храмцова, председатель совета городской общественной организации «В будущее вместе», г. Новосибирск:

— Скажите, на чем основано ваше утверждение, что религия в России становится фактором политики?

Микаил Магомедов, ведущий эксперт Национального банка, Республика Дагестан:

— Согласны ли вы с утверждением, что фундаментализм как бы вшит в ткань ислама как религии и при попытке его модернизации или реформирования он просыпается и поэтому в принципе не реформируем?

Эдуард Шармазанов, депутат Национального собрания, Армения:

— Господин Коукер, недавно на парламентских выборах в Турции победила партия, которая по своей сути является исламистской. И премьер заявил, что целью правительства будет вхождение в Евросоюз. Многие эксперты утверждают, что Турция постепенно превращается из светского государства в исламское. В то же время, как вы сказали, в Западной Европе постепенно уменьшается роль христианской церкви. Не приведет ли это к столкновению цивилизаций, или возможен диалог цивилизаций?

Кристофер Коукер:

— В отношении роли православной церкви в России. Это скорее был вопрос к вам. На Западе говорят, что после распада Советского Союза православная церковь стала очень важной с точки зрения символов национального государства, с точки зрения, как у вас выражаются, проекта новой России. О том, насколько это важно, я бы и хотел от вас узнать. Это был вопрос, а не утверждение.

Скажем, в США гораздо больший элемент религиозности, чем в Западной Европе. Для американцев, особенно во время выборов, религиозные ценности чрезвычайно важны, причем как для республиканцев, так и для демократов. Именно Америке присуща, как я полагаю, гражданская религия, этот термин изобрел Хантингтон. Поэтому не случайно любой политический кризис в этой стране становится кризисом моральным.

Можно ли реформировать ислам? Видите ли, нельзя обращаться к Корану как к суду божьему. Я уже говорил о «реформируемом исламе» и к сказанному добавлю: лишь та религия становится современной, сторонники которой, постоянно обращаясь к священным текстам, интерпретируют их, стремятся понять их содержание в кон-

тексте современности. Скажем, иудаизм с этой точки зрения можно назвать в высшей степени современной религией, потому что каждое поколение евреев, встречаясь с новыми явлениями жизни, придает большое значение изучению Торы. Это можно назвать дарвиновским подходом к религии, которая выживает, постоянно адаптируясь, и в этом смысле остается столь же актуальной и современной, как прежде. Уберите историю из религии, и вы увидите окаменелость, нечто мертвое, то, что не может в течение долгого времени придавать смысл нашей жизни. За последние 900 лет христианство, как известно, не изменилось, если иметь в виду евангельские заветы. Но как мы сегодня понимаем, что значит быть хорошим христианином, как можно жить по-христиански? Конечно, это менялось по мере того, как менялся окружающий мир. Это и есть наша история.

Для меня лично фундаменталисты в исламском мире, которые не хотят считаться с историей, составляют проблему. С точки зрения реформы как ислама, так и реформы их собственного общества. Так бы я ответил на ваш вопрос. История ведь тоже важна.

Вопрос о Турции. Интересно то, что вы сказали. Я думаю, если бы Турция вступила завтра в Евросоюз, то мусульманское население в Европе увеличилось бы до 20 процентов. Однако вас, очевидно, интересует другое: что будет, если Турции не разрешат вступить? Если бы я заключал пари, я бы ставил на то, что Турция не скоро станет членом Евросоюза. Почему? На том основании, что она не европейская страна? — не думаю. Я думаю, из-за того, что европейцы сомневаются в возможностях ее адаптации к стандартам Евросоюза и продолжают искать критерии, которым она должна соответствовать. Но ведь у нее есть и другая альтернатива. Госпожа Тэтчер, когда была премьер-министром, говорила — нет альтернатив! В действительности, альтернатива есть всегда. И в данном случае, после выборов, мы видим, как происходит повторное утверждение исламского характера турецкого государства как инструмента внешней политики. То есть, куда бы мы ни посмотрели, ислам остается частью сложного уравнения. Является ли он для самой Турции решением проблемы, уже зависит от обстоятельств, учитывая ее быстрорастущую экономику, а также продолжающийся поиск определений, что такое европейскость и что значит быть неевропейцем. До тех пор, пока такое гордое национальное государство, как Турция, не скажет: хватит, нам надоело, мы забираем свое заявление о вступлении... И я думаю, что в ближайшие 5–10 лет Турция так и поступит. И только потом, когда мы посмотрим на эту выбранную альтернативу, нам будет понятно, насколько и почему был важен ислам для турецких политиков.

Лейла Арапханова, начальник отдела анализа, планирования и стратегических исследований Министерства по связям с общественностью и межнациональным отношениям, Республика Ингушетия:

— У меня короткий комментарий по поводу традиционности религии. Сложность заключается в том, что представители каждой религии пытаются доказать относительно истоков, насколько они традиционны или не традиционны. И я, как представитель мусульманского сообщества, могу сказать, что, воспитанная в духе исламских традиций, на себе почувствовала преимущество моей идентичности. Чаще всего я осознаю себя мусульманкой, а не ингушкой. Моя религия дает мне много прав, я защищена. Она не мешает мне заниматься ни образованием, ни наукой, ни культурой. Возможно, и существуют преимущества православной религии, но в данном случае я бы сказала, что ограничений в исламе нет. На мой взгляд, мусульманское население в мире растет в том числе и за счет того, что представители других религий переходят в ислам, принимают его.

Анастасия Гонтарева, корреспондент газеты «Университетская жизнь», Республика Кабардино-Балкария:

— Вы говорили, что идеи XX века — это старые идеи. И спрашивали о роли православия. Мне кажется, что оно тоже в том виде, в каком существует, несколько устарело, и отсюда у людей интерес к различным сектам, к другим религиям, идеям фундаментализма и т.д. О либерализме. Да, вроде бы он победил в противостоянии с коммунизмом, но в действительности он тоже устаревает. И получается, что общество потребления распространяется везде. У нас это стало еще большей проблемой, потому что мы стали ориентироваться на Запад, принимать установки общества потребления, но не смогли адаптировать положительный опыт западной христианской истории. Я согласна, возможно, те идеи, о которых вы говорили, будут преобразовывать европейское общество. Возможно, в результате омоложения, о чем вы тоже сказали, цивилизационный облик Европы изменится, поскольку это реальная, объективная тенденция.

Бригита Дрэйжэ, консультант канцелярии Президента Латвии по вопросам интеграции общества:

— Я бы хотела сказать о священниках. У нас в городе, где я живу, работает комиссия, в которой есть священники всех конфессий. И они нам часто помогают. Они помогают именно тогда, когда городу что-то надо обсудить и сообщить об этом народу. Священники, и в первую очередь православный священник, отец Самуил, никогда не отказываются от участия в городской жизни.

Юрий Литвинов, председатель правления региональной общественной организации «Правозащитный, благотворительный и просветительский центр “Эгида”», Кировская область:

— Начну с вашей последней фразы о том, что нас объединяет. Нас объединяет, скорее всего, вера, которая присутствует в каждом из

нас. В разной степени и в разном качестве. В том числе и вера в те идеи, о которых вы говорили. Далее, религия и власть. Помогает ли власть религии? Скорее всего, власть поддерживает религию именно в тот момент, когда ей необходимо показать свою близость к народу. Потому что в последнее время, опять же по моему мнению, народ обращается к вере, к религии как к единственной защите, как к единственной опоре. И чаще всего — как к защите от той же самой власти. Чиновники, естественно, видят эту тенденцию и занимаются чистой воды популизмом. Если бы это было не так, то поход высокопоставленного чиновника в церковь не был бы новостным поводом, предметом обсуждения по телевидению.

Коротко о себе. Я крестился, когда мне было 33 года. Поход в церковь был для меня поиском защиты. Может быть, аккумулярованием всех способов защиты моей семьи в первую очередь. И способом поиска истины. Бригита говорила о священниках. Чем отличаются православные священники от католических? Я от священников православных ни разу не слышал проповедей. А я хотел бы их услышать. Ведь это как раз способ влияния религии на общество. И, отвечая на вопрос, будет ли повышаться влияние религии, скажу — да. Но мне хотелось бы, чтобы это происходило через нас. Через наши души, через наши сердца.

Елена Хазиева, директор специальных проектов ООО РО «БашТренд»:

— Господин Коукер, вы сказали, что в XX веке было провозглашено право человека не только на жизнь, но и на счастье. Что касается религии, то, на мой взгляд, у каждого человека возможна двойная связь с религией. Одна — интимная, которая может выражаться в поиске того же самого права на счастье. Когда с помощью выработанного в религии языка, образной системы и т. д. я ищу ответ на вопросы, где же мое счастье, в чем моя миссия, кто я? Но есть и вторая сторона, связанная с социальным контекстом, когда под религией мы понимаем обычно морально-этические нормы, принятые в культуре. Мы являемся их носителями, согласны с ними, мы их поддерживаем. То есть это те самые убеждения, ценности, которые каждый из нас, признавая своими, транслирует дальше.

Вы также говорили о том, что сейчас все более прогрессирует потребительская культура, внутри которой пустота. А это значит, что и пустота в убеждениях, в желании себя оценить и так далее. Тогда получается, что это два полюса. С одной стороны, потребительская культура, которая транслирует пустоту, а с другой стороны, религия, которая говорит, что есть любовь. А любовь это то, что позволяет творить и, следовательно, предполагает наличие убеждений, наличие воли, чтобы эту творческую составляющую реализовать.

О себе могу сказать, что мне очень сложно идентифицировать себя с какой-то религией, потому что я родилась в Узбекистане, жила в Башкирии и поверхностно знаю исламскую культуру. Но в то же время мои предки были католиками, и я чувствую трепет в католических

храмах, могу долго просидеть и даже поплакать непонятно от чего. Какое-то смешение всего... Но я продолжаю искать ответы на те вопросы, которые предлагает религия. Спасибо вам за выступление.

Татьяна Бочарова, директор Института региональной политики и законодательства при правительстве Белгородской области:

— На мой взгляд, в государстве будет не снижаться, а укрепляться влияние религии. В России — православия, в странах Востока — ислама. В отношении религии меня больше беспокоит не отсутствие толерантности, потому что истинно верующий человек никогда не сделает другому человеку плохо. Библия, Коран, Бхагавадгита для меня об одном и том же. Если внимательно их почитать, то заповеди есть в любой из них. В той или иной интерпретации — это и есть общечеловеческие ценности. И, мне кажется, мы об этом говорим.

Константин Негурица, глава муниципального образования г. Пересвет, Московская область:

— Скажу коротко про Сергиево-Посадский район, поскольку известно, что город Сергиев Посад это столица православия. И если судить по тому, что происходит у нас, в Сергиевом Посаде, то я вижу, как растет православное сознание наших граждан, в том числе и среди молодежи. Во многом это связано, конечно, с тем, что у нас находятся духовная семинария и духовная академия. Но так заполняется идеологический вакуум, который возник после распада Советского Союза. Может быть, пока и не очень осознанно, но роль церкви и роль пастырей, которые эту церковь возглавляют, очевидна. Могу также сказать, что проповеди православные священники тоже чита-

ют. Эта традиция в православной церкви сохраняется. На мой взгляд, роль православной церкви в России будет возрастать.

Марина Гурьева, директор Хабаровского представительства издательской компании «Золотой Рог»:

— Я бы хотела дать комментарий о ситуации, которая сложилась на Дальнем Востоке. Как человек, который родился в Центральной России, я видела, что здесь религия никогда не теряла своего значения. Ее не было официально, но те же бабушки... празднование Пасхи, Рождества — все это в семьях сохранялось. Эта культурная традиция не умирала. И церкви, хотя и полуразрушенные, но стояли. А когда я приехала на Дальний Восток, то была поражена. Оказалось, что там этой культурной традиции православной нет. Пасху, Рождество на Дальнем Востоке никто фактически не празднует. Люди, которые приехали туда в советское время, не осознают это как праздник. Нет церквей. Точнее, церкви — это новостройки буквально последних лет пяти. И их очень мало по сравнению с Центральной Россией. И когда я спрашивала людей, а как же праздники, как же православие, они говорили, что нет у них веры. На меня это произвело шокирующее впечатление... Юра Литвинов сказал, что для него церковь — это некий способ защиты. А они привыкли пользоваться другими инструментами и не видят необходимости в церквях...

Александр Хрусталеv, помощник генерального директора ОАО «Леноблгаз», Ленинградская область, г. Сосновый Бор:

— Я родился в городе, который появился на месте русской православной святыни — мужского монастыря Серафима Саровского, где находится ядерный центр. И туда приезжали молодые люди, начиная с пятидесятых годов, строители коммунизма, они создавали передовую военную технику, зная при этом, на каком месте вырос город. И потребовалось только снятие запрета, чтобы этот город осознал себя святыней православия.

Мне кажется, интерес к религии, пробудившийся в нашей стране во время перестройки, имеет корни в 60–70-х годах, потому что чувство протеста против советской власти у людей выражалось в том числе и в этом. У студентов Москвы, Петербурга-Ленинграда, Свердловска и еще нескольких городов было даже особым шиком — прийти на крестный ход с комсомольским значком. А затем это чувство перешло, к сожалению, в моду. Но надо сказать, что государство тогда сделало достаточно много, чтобы люди вернулись к православию. Вспомните фильм «Покаяние». Потом эта великолепная, как сейчас сказали бы, пиар-акция — восстановление Храма Христа Спасителя, которая была объявлена как общероссийская акция. Чтобы люди внесли свой вклад в восстановление храма.

Я думаю, наши дети счастливее нас. У них нет опыта Советского Союза, когда религия хотя и была отделена от государства, но, мягко говоря, была запрещена. Они свободны в своем выборе — как им от-

носиться к религии. А у родителей есть возможность поддержать своих детей в их стремлении к вере или, наоборот, не поддерживать — это уже личное дело каждой семьи. Многие проблемы, которые существуют в нашей многоконфессиональной стране, в том числе и те, которые поднял господин Коукер, на мой взгляд, можно решать с помощью православной и любой другой религии, учитывая, что мы переживаем нелегкое время, когда проблема «свой — чужой» на любой территории стоит очень остро. И ясно понимая, что религия — это часть нашего духовного богатства.

Елена Юркина, директор «Зодиак ТВ», Украина:

— Мистер Коукер, спасибо за тему, которую вы подняли. Во время вашей сессии я лучше поняла ситуацию, которая сложилась в Украине. Политика у нас отражает ситуацию конфессионального разделения населения. Главная религия в Украине православие, но у нас есть православная церковь украинского, киевского патриархата и есть православная церковь московского патриархата. И к тому же много католиков, а также мусульман. То есть фактически религиозная принадлежность к конфессии связана с местом проживания верующих. Мусульмане сосредоточены в Крыму. Странники московского патриархата проживают в центре и частично на востоке страны. И, соответственно, приверженцы киевского патриархата и католики — в основном на западной территории. И проблема заключается в том, что как главы церквей не могут между собой договориться, хотя попытки предпринимают, так и политики, что, к сожалению, не способствует стабильности.

Петр Осипов, помощник депутата Государственной думы ФС РФ, г. Чебоксары:

— На мой взгляд, православие в России все же будет играть меньшую роль в делах страны, как и религия во всем мире. Это лично мое мнение. От имени некоторых моих сверстников я бы сказал, что сегодня православная церковь не очень привлекательна. Почему? Во-первых, утеряна историческая традиция. Нас воспитывали люди, родители которых были воспитаны в Советском Союзе. Они не были крещеными. Лена Хазиева сказала, что ей трудно идентифицировать себя, потому что она родилась в одном месте, а живет в другом. Это значит, что ключевой фактор веры — все-таки воспитание. Мы были воспитаны людьми не религиозными. Многие из нас, по крайней мере. Вторая причина. Сегодня очень часто церковь ассоциируется с ортодоксальным православием. Достаточно посмотреть телевизор, создающий такой образ церкви. И вообще, мне кажется, Библию и существующую церковь нужно отделять друг от друга.

Алексей Лещенко, руководитель Днепрпетровской областной молодежной общественной организации Народной партии Украина:

— Я, честно говоря, тоже во многом не согласен с комментариями, которые прозвучали. Поэтому хотелось бы, если можно, узнать ваше

мнение по такому поводу: должны ли принимать участие в политике религиозные лидеры? Например, у нас в Киеве душевно неуравновешенный человек, мэр города, стал мэром потому, что его поддерживала очень сильная сектантская община.

Елена Головач, первый заместитель главы администрации Харабалинского района, Астраханская область:

— Мне кажется, православие будет увеличивать свой вес в обществе в том случае, если православная церковь все-таки согласится на модернизацию. Именно тогда в нее пойдет молодежь и просвещенные православные священники появятся на Дальнем Востоке. И я думаю, что церковь уже делает первые шаги к этому, в частности и такой шаг, как объединение православных церквей. Другой вопрос: где предел модернизации, чтобы не потерять свое лицо?

Малхаз Гумашвили, финансовый директор ЗАО «Академия», Москва:

— Не стану комментировать услышанное, скажу только, что как раз в эти дни группа российских ученых обратилась к президенту Путину по поводу вмешательства русской православной церкви во все сферы общественной жизни.

Вера Пронькина, руководитель региональной общественной организации «Центр развития парламентаризма и самоуправления», Новосибирская область:

— Я тоже хочу дать свой комментарий по поводу влияния, роли православной церкви в России. Я считаю, что она будет увеличиваться. Но, к сожалению, это будет искусственное увеличение. Сейчас идут острые дискуссии по поводу введения в школах такого предмета, как изучение православия. Моя позиция в этой связи отрицательная. Потому что все искусственное не несет в себе положительного эффекта. Более того, излишняя политизация тоже ничего хорошего не несет.

Кристофер Коукер:

— Постараюсь быть кратким. Должен сказать, что меня удивили некоторые ваши высказывания о возрождении религии. Возможно, это связано с моим атеизмом и с отношением к англиканской церкви. Эта церковь достаточно дружественна к атеистам. Она говорит, что нет ада, есть только рай. И что все, в конечном счете, попадут в рай, так как Бог любит грешников не меньше, чем праведников. Меня лично, как вы понимаете, это устраивает. Ведь в Библии сказано: нет человека праведного на земле, который делал бы добро и не грешил бы. Следовательно, главное меньше грешить.

О политике и религии. Многие историки называют XIX век веком секулярной идеологии. А идеология, как известно, требует от человека такой же определенности, как и религия. Алексис де Токвиль, в частности, писал, что Французская революция напоминала ему религиозное возрождение, так как люди хотели определенности — не в

атеистическом, а в гностическом смысле слова. Почему? Потому что политика и идеология тесно взаимосвязаны, и последняя, подобно религии, определяет, кто ваш враг (или еретик), а кто на вашей стороне. То есть взаимоотношения между политикой и религией очевидны. Но религия (я имею в виду фундаментализм) выглядит в глазах многих европейцев тем не менее подозрительной, хотя она явно становится объединяющим фактором в политике. Поэтому позвольте мне вернуться к вопросу о диалоге цивилизаций.

В ближайшее время я поеду в Грецию на остров Родос на мировой общественный форум на конференцию «Диалог цивилизаций». Кстати, этот «диалог» уже не первый год проходит под эгидой Русской православной церкви. Итак, существует ли некая основа для объединения последователей разных вер? Для меня как либерала такой основой является, безусловно, гуманизм. Один немецкий философ, отвечая на вопрос, что такое гуманизм, сказал: мы должны верить, что Господь заинтересован в нас так же, как мы заинтересованы в Нем, если мы действительно стремимся стать совершенными. Разумеется, эти слова не следует понимать буквально, и тем не менее они указывают на истинную нашу сущность. Мы должны быть гуманнее и не соглашаться с тем, что других людей можно и нужно убивать (принося себя в жертву) только потому, что они верят во что-то другое.

Повторяю, будучи либералом, я верю в западный либерализм и поэтому считаю, что опасно называть себя сначала, скажем, британцем или последователем той или иной религии. Это вызов прежде всего для нашей модели гражданского общества, когда гражданство встает на второе место, а на первое вновь выходит религия и национальность. Это и есть европейская проблема, конфликт с европейской моделью гражданского общества и с европейским пониманием демократии.

И последнее. Насколько мне известно, большинство россиян не считают себя европейцами. Но я европеец и знаю, что Россия внесла выдающийся вклад в европейскую культуру. Гораздо больший, чем все новые члены Европейского союза. Поэтому мне кажется, что Россия все же европейская страна в неполитическом смысле слова. Как, на ваш взгляд, ваша неевропейскость связана с православным христианством, которое отличается от католического и протестантского христианства? Я не знаю ответа на этот вопрос и поэтому мне бы хотелось задать его вам. Я считаю, что именно об этом нам следует думать, когда мы размышляем о XXI веке, который ставит перед нами серьезные проблемы.

Елена Немировская, директор-основатель Московской школы политических исследований:

— Я хочу сказать огромное спасибо Крису. Я тоже считаю, чтобы нам было более комфортно жить в XXI веке, надо учиться быть гражданами и верить в гражданские ценности, в универсальные ценности совместного общежития и понимания. И если мы будем продолжать об этом думать, эти ценности будут влиять на нашу реальную жизнь.

О «национальных образах прошлого» (XX век и «война памяти»)

Обращение Международного общества «Мемориал»

XX век оставил глубокие и незаживающие раны в памяти практически всех народов Восточной и Центральной Европы. Революции, перевороты, две мировые войны, нацистская оккупация Европы, катастрофа, непостижимая для человеческого ума, — холокост. Множество локальных войн и конфликтов, большая часть которых имела отчетливую национальную окраску: Прибалтика, Польша, Западная Украина, Балканы. Череда разного толка диктатур, каждая из которых бесцеремонно отнимала у людей гражданскую и политическую свободу, а взамен навязывала им унифицированные, обязательные для всех системы ценностей. Цепь обретений, утрат и новых обретений народами национальной независимости, понимаемой по большей части в рамках этнического самосознания, — и каждый раз те или иные сообщества чувствовали себя оскорбленными и униженными. Это наша общая история. Но каждый народ помнит и чувствует эту историю по-своему. Национальная память по-своему перерабатывает и осмысляет общий опыт. И поэтому у каждого народа — свой XX век.

Разумеется, любой «коллективный образ прошлого» — категория условная и абстрактная. Но эта абстракция воплощается во вполне конкретных вещах: в публичных политических и нравственных оценках исторических событий, в культурной жизни, в содержании образования, в государст-

венной политике, в межнациональных и межгосударственных отношениях.

Горечь давних взаимных обид может долго отравлять отношения между народами, если только у них не находятся лидеры, подобные Вацлаву Гавелу, который, став президентом Чехословакии, нашел в себе мужество (вопреки тогдашним настроениям большинства своих сограждан!) публично извиниться перед изгнанными после войны из Судетской области немцами и их потомками. Подобные символические жесты вполне способны если не поставить точку во взаимных претензиях народов друг к другу, то заметно снизить их накал. К сожалению, люди такого нравственного масштаба, как Гавел, редко становятся национальными лидерами.

Мы отдаем себе отчет и в том, что не существует такого судьи, который мог бы вынести прошлому независимый и нелицеприятный вердикт. Почти в каждом из многообразных образов прошлого, порожденных национальной памятью, можно разглядеть и стремление людей оправдать собственный народ, и фрагмент исторической истины, более всего понятный именно этому народу и менее заметный для его соседей. Различие исторических оценок — это реальность, которую бессмысленно и вредно затушевывать. С ней мало просто считаться, ее надо постараться понять.

Сегодня споры на исторические темы возникают не столько вокруг фактов, сколько вокруг различных интерпретаций этих фактов. Добросовестное осмысление того или иного события, явления или процесса требует прежде все-

го рассмотрения его в конкретном историческом контексте. Однако зачастую сам выбор этого контекста порождает трудно совместимые оценки.

Так, в контексте насильственного отторжения Вильнюса и Виленского края от Литовского государства в 1920 году и последующей аннексии их Польшей, возвращение этих территорий в состав Литвы осенью 1939 выглядит актом восстановления справедливости. Но совсем по-другому смотрится это же событие в контексте пакта Молотова-Риббентропа и секретных протоколов к нему, гибели Польского государства под двойным ударом с Запада и Востока и других реалий первых недель Второй мировой войны. Подобная множественность оценок заложена в целом ряде территориальных переделов, «отторжений» и «воссоединений» тех лет.

Что такое день 17 сентября 1939 года для польского народа? Это день национальной трагедии, когда страна, из последних сил сопротивлявшаяся гитлеровской агрессии, подверглась внезапному и ничем не спровоцированному вторжению с востока. Это исторический факт, и никакие ссылки на несправедливость довоенных границ или на необходимость обеспечить Советскому Союзу западные рубежи обороны не могут снять со сталинского руководства ответственности за соучастие в гитлеровской агрессии против Польши.

Но для значительной части украинского народа этот день имеет еще и особый, дополнительный смысл: это день воссоединения украинских земель, хотя бы и в рамках СССР.

Имеют право украинцы на особое отношение к этим событиям, иное, чем у поляков? Да, имеют. Но при этом и поляки, и украинцы вправе ждать друг от друга понимания и уважения к различиям их памятей.

Как следует воспринимать события 1944 года, когда Советская армия вышибла немцев из Литвы, Эстонии и

большей части Латвии? Как освобождение Прибалтики от гитлеровцев? Как важный этап на пути к окончательной Победе над нацизмом? Безусловно; и именно так воспринимаются эти события в мире. В России такое восприятие вошло в основу национального самосознания.

Но для эстонцев, латышей и литовцев военные победы Советской армии означали еще и возвращение их стран в состав СССР — государства, которое в 1940 лишило их национальной независимости, возвращение режима, который за 11 месяцев, с июля 1940 по июнь 1941, успел зарекомендовать себя многочисленными арестами и приговорами по политическим обвинениям, депортацией десятков тысяч человек в Сибирь и Казахстан, бессудными казнями заключенных в первые дни войны. А в ближайшем будущем, которое окончательно определилось осенью 1944 года, прибалтов ожидали насильственная коллективизация, новые аресты и новые массовые депортации.

Имеют ли граждане России и других стран, входивших в состав СССР, право гордиться военными успехами Советской армии в 1944 году? Вне всякого сомнения: это право оплачено кровью сотен тысяч погибших солдат. Но, нисколько не поступаясь этой законной гордостью, они должны знать и понимать, что, кроме освобождения от нацизма, принесли эти успехи народам Балтии. Те же, в свою очередь, помня о своей трагической истории, должны помнить и понимать, что означает для России — да и для всего человечества — память о великой борьбе народов с нацизмом.

В Грузии и Украине недавно открыты «музеи советской оккупации». Это вызвало у большинства российских граждан недоумение или раздражение. В России лишь специалисты-историки знают о существовании независимой Грузинской Демократиче-

ской Республики в 1918–1921 годах и о попытках создания в 1918–1920-х независимой Украинской Народной Республики, а также о роли Красной Армии в их ликвидации. Но в самих этих странах память об их независимом государственном существовании в XX веке, пусть исторически кратком, никогда полностью не исчезала. Вполне естественно, что сейчас там возникает стремление к переосмыслению событий 1920 и 1921 года.

Можно не соглашаться с некоторыми выводами, которые при этом делаются. Можно полемизировать с теми историками и юристами, которые возводят нынешнюю украинскую или грузинскую государственность к событиям 1918 года. Можно решительно спорить с теми, кто склонен рассматривать всю историю этих стран от конца Гражданской войны до 1991 года как период «оккупации». Но общество в России, стране, на которую многие привычно возлагают вину за все, совершенное коммунистическим режимом, должно быть в курсе дискуссий о прошлом, которые разворачиваются в соседних странах, и относиться к этим дискуссиям с пониманием, а не отделяться от них газетными фельетонами и карикатурами.

В то же время хотелось бы, чтобы украинская и грузинская общественность сознавала: отсутствие в России автоматического согласия с хлесткими эпитетами, подчас применяемыми в Грузии или Украине к некоторым ключевым эпизодам этой нашей общей истории, не обязательно свидетельствует о «великодержавном шовинизме» и «неизжитых стереотипах имперского сознания».

Это же относится и к оценкам вооруженного партизанского сопротивления коммунистическому режиму в послевоенные годы на Западной Украине, в Литве, Латвии, Эстонии, Польше. Память о повстанческих движениях, как правило, сложна и драматична; она не

может не порождать множество самых разных оценок. Вплоть до самых крайних: кто-то склонен к безоглядной героизации «борцов за свободу», кому-то мучительно трудно расстаться с привычными представлениями о «бандитах». И для любой точки зрения без труда находятся обоснования. Спорящие не в силах убедить друг друга (даже в тех случаях, когда спор идет внутри одной страны). Когда же к ожесточенному спору примешиваются национально-государственные амбиции и политические страсти, вряд ли можно надеяться на достижение взвешенных и взаимоприемлемых оценок. Но перейти от перебранки и взаимных оскорблений к цивилизованному обмену мнениями можно и должно.

Перечень примеров, когда память одного народа вступает в противоречие с памятью другого народа, можно продолжать и дальше. В этих противоречиях нет решительно ничего скверного, напротив: если относиться к ним с должным пониманием, они лишь обогащают историческое сознание каждого народа, делают наши представления о прошлом более объемными.

В той области истории, которой занимается общество «Мемориал», — в истории советского государственного террора — эта разница в оценках и понимании оказалась не менее болезненной, чем в других областях. Трагедии прошлого, неосознанные и неосмысленные или осмысленные лицемерно и поверхностно, становятся основой для новых историко-политических мифов, влияют на национальные менталитеты, искажают их, сталкивают между собой страны и народы. Почти во всех странах бывшего «социалистического лагеря» процветают ныне те формы историко-политической рефлексии, которые позволяют представить «свои» страдания исключительно как результат «чужой» злой

Магдалена Абаканович. Толпа. 1987

воли. Диктатура и террор позиционируются в первую очередь как направленные против нации, а те, кто их осуществлял, — как «чужеземцы» или чужеземные марионетки. То обстоятельство, что коммунистические режимы в этих странах в течение многих лет опирались не только на советские штыки, но и на определенные внутренние ресурсы, постепенно исчезает из национальной памяти.

При этом до предела заостряются историко-правовые оценки происшедшего: например, расхожей монетой в политическом лексиконе целого ряда посткоммунистических стран стало слово «геноцид». Мы отдаем себе отчет в том, что и такого рода крайние оценки нередко несут в себе часть исторической правды. Но мы полагаем, что частичная правда всегда опасна — в первую очередь для тех, кто готов принять ее за историческую истину во всей ее полноте. Культивирование образа собственного народа как «жертвы», возведение уров-

ня человеческих потерь в ранг национального достоинства органически связаны с отчуждением собственной ответственности, с персонификацией образа «палача» в соседе. Это естественный результат рефлекторной потребности людей снять с себя слишком тяжелый груз гражданской ответственности за прошлое. Но снятие с себя всякой вины и возложение ее на соседа — не лучшая основа не только для понимания народами друг друга, но и для собственного национального возрождения.

Для России история рухнувшего Советского Союза неотделима от ее собственной истории — таково самосознание большинства ее граждан. Отчасти поэтому, а отчасти из-за того, что Россия объявила себя правопреемником СССР, для ряда соседних народов она оказывается удобным объектом, на который можно возложить всю полноту за ход исторических событий — достаточно однозначно отождествить сегодняшнюю Россию со

сталинским СССР и указать на нее как на источник своих национальных трагедий.

Россия, со своей стороны, нашла особый способ облегчения ноши, возложенной историей на народы, пережившие тоталитаризм. Вместо добросовестных попыток осмысления истории XX века во всей ее полноте и трагизме, вместо серьезной общенациональной дискуссии о советском прошлом здесь возрождается, с небольшими изменениями, советский державно-патриотический миф — миф об отечественной истории как о череде славных героических свершений. В этом мифе, по большому счету, вообще нет места ни вине, ни ответственности, ни осознанию самого факта трагедии. Какая же может быть гражданская ответственность за героизм и самопожертвование?! В результате многие российские граждане просто не в состоянии осмыслить не только степень исторической ответственности Советского Союза перед соседними с сегодняшней Россией странами, но и масштабы катастрофы, постигшей саму Россию. Отказ от памяти, подмена ее картиной лубочной империи, где «от молдаванина до финна // на всех языках все молчит, // бо благоденствует», представляет для России не меньшую общественную опасность, чем культивирование национальных обид для ее соседей.

Повторим еще раз: сами по себе национальные различия в интерпретации важных исторических событий естественны и неизбежны. Надо всего лишь отчетливо понимать, как относиться к этим различиям.

Разумеется, не следует отказываться от собственного понимания истории в угоду одной лишь «политкорректности»; но навязывать соседям собственную правду тоже не следует.

Бессмысленно игнорировать «чужую» память, делать вид, что ее не существ-

вует вовсе; бессмысленно отрицать ее обоснованность, огульно объявляя ложными те факты и толкования, которые за ней стоят.

Не следует превращать страдания и несчастья собственного народа в род нравственного преимущества перед другими народами, якобы (или в действительности) не так сильно пострадавшими, использовать эти страдания как политический капитал, конвертировать их в списки претензий к соседним странам и народам.

Ни в коем случае не следует пытаться эксплуатировать противоречия в «национальных образах прошлого», превращать особенности национальной памяти в повод для межнациональной вражды и межгосударственных конфликтов.

При любом историческом видении сегодня непродуктивно и опасно делить народы на «жертв» и «палачей», оценивать прошлое в категориях «исторической вины» одних перед другими.

Дело даже не только в том, что современное правовое мышление отрицает концепцию коллективной и, тем более, наследственной вины за преступление. (Мы не касаемся здесь проблем, связанных с юридической ответственностью государств перед своими и чужими гражданами.) Мы убеждены: для серьезного осознания прошлого, для поиска выхода из тупиков исторических противоречий главное — не поиск виновных, а гражданская ответственность, которую добровольно принимает на себя каждый человек, чувствующий себя членом некоего исторически сложившегося сообщества, за деяния, совершаемые от имени этого сообщества. Если народ объединен не только сиюминутным гражданским и политическим бытом, но и общим прошлым и чаянием общего будущего, то категория гражданской ответственности естественным образом распространяется и на национальную ис-

торию. Именно *гражданская ответственность за собственную историю*, а не великие достижения и великие катастрофы как таковые делают народ в полной мере нацией — обществом сограждан.

Эта ответственность — не та работа, которую можно сделать один раз и навсегда. Каждый народ должен вновь и вновь обращаться к своему прошлому, должен вновь и вновь, в каждом новом поколении, осмыслять и переосмыслять его, не отворачиваясь от горьких и страшных его страниц, должен развивать собственное прочтение истории и отчетливо понимать при этом, что другие имеют право на иное, свое собственное ее прочтение. Более того, каждый народ должен стремиться увидеть и понять образы прошлого, сложившиеся у его соседей, и понять ту историческую реальность, которая стоит за этими образами. Не принять, а именно понять; не заменить собственную правду истории чужой правдой, а дополнить и обогатить ею свое видение прошлого.

К сожалению, на наших глазах история становится инструментом для достижения сиюминутных политических целей, дубиной в руках людей, которым, в сущности, нет дела ни до национальной памяти других народов, ни до трагедий, пережитых их собственными народами, ни до прошлого вообще. События, которые разыгрались недавно вокруг памятника советским солдатам в Таллинне, отчетливо демонстрируют дефицит гражданской ответственности у политиков и в Эстонии, и в России. История с памятником — яркая иллюстрация того, какие последствия могут повлечь за собой различия в национальных образах прошлого, если спор об истории принимает форму «конфликта памятей».

Разумеется, всегда найдутся люди, кото-

рые чтобы извлечь из него политические дивиденды в ущерб своему собственному народу, в ущерб другим народам, в ущерб всем нормальным людям. Но и общество не может снять с себя ответственности за подобное развитие событий, ибо конфликт становится возможным там, где отсутствует доброжелательный и заинтересованный диалог.

Что может противопоставить общество застарелым предрассудкам, взаимной нетерпимости, своекорыстию и ограниченности политиков?

Мы полагаем, что единственный способ преодолеть нарастающую отчужденность между народами — это свободный, непредвзятый и цивилизованный обмен мнениями по всем вызывающим разногласия вопросам нашей общей истории. Цель этого обмена мнениями видится нам не в том, чтобы полностью снять противоречия во взглядах, а всего лишь в том, чтобы лучше узнать и постараться понять точки зрения друг друга. Если при этом мы придем к единому мнению относительно какой-то болезненной проблемы, связанной с нашим прошлым, — прекрасно. Если не придем — ничего страшного: каждый из нас останется при своем понимании, но мы научимся видеть и понимать также и образы прошлого, существующие в сознании наших соседей. Единственными условиями диалога должны стать общая готовность участников уважать другую точку зрения, сколь «неправильной» она ни показалась бы кому-то на первый взгляд, искренний интерес к этой точке зрения и искреннее желание понять ее.

Для этого диалога необходимо создать соответствующий механизм, своего рода дискуссионную площадку.

Общество «Мемориал» предлагает всем, кто заинтересован в содержательной и доброжелательной дискуссии на темы, связанные с общим историческим прошлым, принять участие

в создании такой площадки — *Международного исторического форума*. Этот Форум видится нам как свободная ассоциация общественных организаций, исследовательских центров, культурно-просветительских учреждений и т.п., внутри которой постоянно идет обмен мнениями вокруг конфликтных исторических событий XX века, связанных с вашим регионом.

Само собой разумеется, Форум не может быть закрыт и для отдельных исследователей, публицистов и других заинтересованных людей. И, конечно, мы хотели бы, чтобы на нем были представлены как «господствующие» в том или ином обществе исторические воззрения, так и «диссидентские» точки зрения за исключением тех интерпретаций, которые основаны на откровенно человеконенавистнических, фашистских и расистских системах ценностей.

Состояние национальной памяти в странах Центральной и Восточной Европы интересно и важно, в первую очередь, для народов этого региона, но не только для них. Так называемая старая Европа сегодня прирастает Европой новой. Почти все государства региона вошли или стремятся войти в общеевропейские структуры. Вместе с ними в европейскую культуру, в общую европейскую память входят наши исторические проблемы, травмы и комплексы. Опыт посткоммунистических стран (включая не только «географическую Европу», но и Казахстан, и государства на Кавказе и в Центральной Азии) становится вызовом для **всех** европейцев: с ним необходимо работать, его надлежит понять. Наш предполагаемый диалог это лишь часть общеевропейского, а по большому счету общечеловеческого диалога о прошлом. Кроме того, осваивая и осмысляя собственный XX век, многие народы, — и в Западной Европе, и в Латинской Америке, и в других регионах мира, — сталкивались

с проблемами, схожими с теми, которые стоят сегодня перед нами, и было бы очень важно знать, как эти проблемы у них решались и решаются. Поэтому мы надеемся, что тематика и состав участников Форума не будут жестко ограничены одним регионом.

Конкретные формы организации диалога — специальный интернет-сайт, серии «очных» двусторонних и многосторонних тематических конференций, в которых смогут принять участие не только историки-профессионалы (которые и без того так или иначе осуществляют обмен мнениями внутри академического сообщества), но и юристы, социологи, журналисты, активисты общественных организаций и т.д., — мы предлагаем выработать совместно всем тем, кто поддерживает нашу идею и готов участвовать в ее осуществлении. Это же относится и к различным «продуктам» деятельности Форума, вплоть до общих периодических изданий и совместной разработки учебных пособий для средней школы, с помощью которых молодежь каждой из наших стран могла бы знакомиться с «национальными образами прошлого», имеющими распространение среди соседних стран и народов.

Исторический Форум, создать который мы предлагаем, будет, несомненно, способствовать развитию взаимопонимания между его участниками — людьми и организациями, представляющими разные страны и разные традиции осмысления прошлого. Но мы надеемся, что он станет также одним из путей к взаимопониманию между нашими странами и народами.

Мы обязаны попытаться сделать так, чтобы наши общие трагические воспоминания сближали, а не разъединяли народы. И у нас есть шанс этого добиться, если мы согласимся работать над прошлым вместе, а не порознь.

Март 2008 г.

Миф о новой холодной войне*

Почему Россия все время выводит англосаксов из себя? Вспомним недавнее прошлое. Советский коммунистический режим рушится, империя «распускается». Затем пришел черед великих надежд и провалов девяностых: достаточно вспомнить «полупутч» и танковую атаку на парламент в 1993 г., референдум по новой конституции (12 декабря 1993 г. — *Ред.*) с «подправленными» результатами (этот Основной закон действует до сих пор), сомнительную приватизацию, войну в Чечне и дефолт 1998 года. Но после всего этого в декабре 1999-го Ельцин просит прощения у сограждан, досрочно уходит в отставку и назначает исполняющим обязанности президента своего премьера и бывшего шефа тайной полиции Владимира Путина. К ужасу многих Ельцин предсказывает: этот никому не известный разведчик — именно тот человек, что «объединит вокруг себя тех, кто возродит великую Россию». Невероятно, но факт: все произошло именно так.

И это называют жесточайшим разочарованием или даже пугающей перспективой? Возвышение Путина — закулисный ход, организованный ельцинской семьей (как в буквальном, так и в политическом смысле), движимой не столько патриотизмом, сколько инстинктом самосохранения, — войдет в историю как один из самых позитивных элементов неоднозначного наследия первого российского президента. Теперь уже Путин, как и его покровитель, лично подобрал себе преемника — Дмитрия Медведева. Конечно, Путин не планирует коротать время между дачей и больницей, как это делал Ельцин в последние годы своего президентства. Тем не менее в характерной хитроумной манере Путин сумел соблюсти конституционное ограничение относительно двух президентских сроков. В мае Медведев возьмет в свои руки громадные полномочия президента (подарок Ельцина) в условиях, когда российское го-

*Стивен Коткин,
руководитель программы
российских и европейских
исследований
Принстонского университета*

* *Stephen Kotkin. Myth of the new cold war // Prospect. — London, april 2008. — P. 38–44. Опубликовано на сайте ИноСМИ.ру (О ж-ле «Проспект» см. «Общая тетрадь», 1999 г.)*

сударство больше не одолевает разброд (подарок Путина). И это повод для почти единодушного неприятия на Западе?

Пропасть непонимания между Западом и Россией разверзлась из-за двух весьма сомнительных мифов. Во-первых, на Западе хаос и всеобщее обнищание при Ельцине приравнивается к утверждению демократии, пусть и несовершенной, которую Путин в дальнейшем уничтожил. Но если какие-то завоевания можно так легко ликвидировать, они, вероятно, были не так велики, как их изображали. Тем не менее миф о сворачивании демократии Кремлем объединяет тех, кто испытывает ностальгию по холодной войне, кому «не хватает врага», с новым поколением специалистов по России, многие из которых в девяностые всерьез участвовали в иллюзорном проекте «построения демократии» в этой стране и теперь испытывают разочарование (и остались не у дел).

Согласно второму мифу, бытующему уже в России, КГБ был единственным институтом, унаследованным от советской эпохи, что устоял перед коррупцией, сохранил патриотизм и способность восстановить порядок. В результате либерализация российской экономики ставится в заслугу «шпионам» из путинского окружения, хотя на самом деле она стала результатом усилий его помощников, не связанных со спецслужбами.

Каждый из этих мифов чрезвычайно раздражает другую сторону. Когда подавляющее большинство россиян соглашается и даже аплодирует путинской концентрации власти, англо-американские наблюдатели усматривают в этом не только незнание истинного положения дел, но и приверженность авторитаризму. (К сожалению, россиянам никогда не удавалось ощутить на вкус сочетание подлинной демократии и верховенства закона с повышением жизненного уровня). Когда же зарубежные ученые и публицисты превозносят ельцинскую Россию, чей национальный доход едва дотягивал до 200 миллиардов долларов, подвергавшуюся унижениям на международной арене, и клеймят Россию путинскую, с ВВП в 1,2 триллиона долларов, вернувшую себе статус мировой державы, большинство россиян подозревает, что налицо здесь не просто непонимание, но и злой умысел.

Давайте-ка сделаем глубокий вдох, и попробуем разобраться спокойно. Признание того, что Путин унаследовал недееспособное государство, одолеваемое воровством инсайдеров и произволом региональных властей, не означает оправдания его гэбэшных методов управления, зачастую неприглядных, а порой и контрпродуктивных. Притом что многие российские чиновники честны и компетентны, госаппарат по-прежнему отличает слишком высокий уровень коррупции (что, впрочем, характерно и для большинства других стран мира). Функционеры высшего звена, пользуясь служебным положением, прибрали и продолжают прибирать к рукам лучшие коммерческие активы. Чиновничество на всех уровнях сегодня ищет собственной выгоды, копируя репрессивные методы и манипуляции Кремля. Но в то же время в России растет экономическое благосостояние, рост потребления толкает вперед рыночную экономику, формируется

средний класс, гордящийся своими достижениями. Это сочетание относительно закрытой, нестабильной политической системы с относительно открытым, стабильным обществом может показаться невероятным, но оно вполне реально. Что происходит, когда в большой стране, занимающей важное место в мире, динамично развивается свободная рыночная экономика, интегрированная в мировое хозяйство, а политическая система остается недемократической, и никаких сдвигов здесь не происходит? Непростая задача для экспертов получается. Люди из коридоров политологии и

Притом что многие российские чиновники честны и компетентны, госаппарат по-прежнему отличает слишком высокий уровень коррупции

обществоведения убаюкивают себя аргументами о том, что экономический рост без верховенства закона по определению неустойчив (правда, возникает один вопрос: а как же Китай?), или о том, что развитие рыночной экономики в конечном итоге неизбежно приведет к политической либерализации. На практике, однако, Россия далеко не единственная страна, где проводятся манипуляции с выборным процессом и отсутствует верховенство закона, но рыночная экономика при этом динамично развивается. В России права частной собственности не гарантированы, но сама частная собственность уже получила широкое распространение.

Приспособление концептуального инструментария к, казалось бы, невозможной по определению российской ситуации уже началось, но идет оно медленно и мучительно. «Когда я работала в Москве в 1994–1995 гг. на Национальный демократический институт — американскую неправительственную организацию, я и представить себе не могла подобное развитие событий», — призналась недавно на страницах журнала *American Scholar* Сара Мендельсон, специалист по России и старший научный сотрудник американского Центра стратегических и международных исследований. — Мы думали, что находимся на переднем крае демократической революции. Но это было не так. Мы были свидетелями рыночной революции». Это запоздалое осознание сути происходящего пока не нашло широкого распространения. Преобладают жалкие стенания по поводу того, как «Запад» (интересно, что под этим понятием подразумевается?) в очередной раз «потерял» Россию, и призывы «сопротивляться» Путину.

Эдварда Лукаса, по его собственным словам, КГБ однажды депортировал из страны. Дело было в 1990 году, когда британский гражданин Лукас, уже после того как Литва провозгласила независимость, но еще до официального «ропуска» СССР, въехал в эту республику по литовской визе. Насколько мне известно, аресту за свои убеждения он не подвергался. Тем не менее Лукас, технически не являясь диссидентом, озвучивает совершенно «диссидентские» аргументы. Это типичный пример того, как из-под пера весьма компетентного журналиста — Лукас работает корреспондентом еженедельника

Шон Хенри. Транзит через славу мира. 1999

Economist в Центральной и Восточной Европе — может выйти не слишком убедительный полемический опус вроде его книги «Новая холодная война: почему Кремль представляет угрозу и для России, и для Запада» («The New Cold War: How the Kremlin Menaces both Russia and the West»). Россия, утверждает он, развязала настоящую войну за влияние во всем мире, опираясь на свои гигантские сырьевые ресурсы и финансовые средства, но грозному медведю пытаются противостоять лишь США и Британия; Германия же вступила с ним в сговор, а Китай, возможно, даже «сотрудничает».

Впрочем, сам же Лукас и опровергает собственный тезис о возврате к холодной войне. Он отмечает, что Восточная Европа теперь свободна. Россияне могут свободно выезжать за границу. В самой стране царит потребительский бум. Военной угрозы Россия не представляет (на оборону она расходует в 12 раз меньше, чем США). Как отмечает Лукас, «прежняя холодная война действительно завершилась». Что же касается «новой идеологии» в России, которая и привела Лукаса к выводу о начале новой холодной войны, то, по собственному признанию автора, «ее основные ингредиенты не новы: обостренное чувство особого предназначения страны, предпочтение стабильности свободе и сильная неприязнь к лицемерию и поверхностности Запада». Сам же Лукас и добавляет: «аналогичные взгляды бытуют во многих странах, помимо России». Тем не менее, настаивает он, «по сочетанию и остроте [этих взглядов] Россия выделяется на общем фоне». Да ничего подобного. Мне вот кажется: раздражение вызывает то обстоятельство, что Россия способна подкрепить делом эти разделяемые многими странами взгляды. В отличие от Германии и Японии, потерпевших поражение во Второй мировой войне, пишет Лукас, Россия «не покалась» и ведет себя «дерзко».

А теперь представьте себе: «Представители Кремля регулярно устраивают истерики в международных организациях. Они блокируют осуществление программ в странах, которые не нравятся Москве». И вот еще: Россия запугивает малые страны. И еще: Россия заигрывает с диктаторами. Россия использует свои рычаги влияния для скупки лучших активов за рубежом. Россия нанимает лоббистов и «агентов влияния» в других странах. Что ж, силовая политика выглядит малопривлекательно, но разве только Россия ее проводит, и, если уж на то пошло, так ли она эффективна? «Кирпичик за кирпичиком, — пишет Лукас, — Кремль строит свою сферу влияния». Так ли это? Автор излагает новую «теорию домино»: если России сойдет с рук шантаж на Кавказе и Балканах, придет очередь Восточной Европы, потом Западной, потом Арктики. Впрочем, напуганный читатель может найти утешение в самой же книге Лукаса. Кремль, отмечает он, «постоянно перегибает палку». В другом месте, охая и ахая по поводу многочисленных трубопроводных проектов Кремля, он затем делает вывод: «Главный вопрос для Европы в следующем десятилетии скорее всего будет звучать так: что делать, когда России не хватит газа для поставок?». Такое вот страшное энергетическое оружие. Россия «оказалась у разбитого корыта», пишет Лукас, «она готова удовлетвориться тем, чтобы на нее просто обратили внимание».

И дальше: «Она компенсирует свою реальную слабость, делая вид, что она сильна».

Итак, Лукас, видя притворство Москвы насквозь, тем не менее продолжает взывать: «К оружию!». «Восточная Европа, — неоднократно предупреждает он, — находится на линии фронта новой холодной войны». Невероятно, но факт: он даже вспоминает Чемберлена и Мюнхенскую конференцию 1938 года. Те же страны, те же уроки, заявляет автор. Самое интересное, что Лукас с необычной откровенностью пишет о нынешних восточноевропейских государствах. «Парадокс заключается в том, что эти плохо управляемые, капризные, нетерпимые страны расположены на передовой линии, которую Запад пытается защищать». Другими словами, Лукас бьет тревогу по поводу новой холодной войны, хотя те самые страны, которые, по его словам, подвергаются серьезной опасности, входят в состав ЕС и НАТО. Он что, Устава НАТО не читал? Лукас даже требует «немедленно начать конфронтацию», поскольку, «если мы не выиграем новую холодную войну на собственных условиях, нам придется ее вести в то время и в том месте, что выберет противник». Лукас в поте лица доказывает, как Кремль скрывает «реальность — беззаконие, жестокость, алчность» за декоративным фасадом выборов. Но если он так «хитроумно маневрирует», Эд, то почему мы не попались на удочку? Мы отлично понимаем, что в стране существует авторитарный режим, что действия правящей элиты зачастую достойны осуждения, а иногда преступны даже по российским меркам.

Из всех бессвязных книг, что мне когда-либо доводилось читать, эта, возможно, самая талантливая. У Лукаса прекрасный стиль, и он умело продирается сквозь дебри ошибочных интерпретаций постсоветской эпохи, но только до определенного предела. Взять хотя бы его трезвый взгляд на ельцинский период. «Необходимость "генеральной уборки" назрела и перезрела», — подчеркивает Лукас. Он называет хаос девяностых «идеальной средой... для закулисного путча наследников КГБ». Далее автор отмечает, что «олигархов выбрали мишенью вполне заслуженно», хотя его и смущает избирательный характер этой кампании. И уж совсем в точку бьет его замечание о том, что постельцинская Россия — это страна, «в которой простой гражданин может надеяться на исполнение своих личных желаний за счет способностей и упорного труда». А вот еще: «Никогда еще в истории России большинству ее жителей не жилось так хорошо и свободно». Но одновременно Лукас утверждает, что по сравнению с «путинизмом» «ельцинская эпоха выглядит уже не так плохо», а сам Путин «предал» идею предшественника о «дружбе» с Западом. Вся книга Лукаса — такое вот шараханье из стороны в сторону, от точных выводов к неубедительным.

Подобно изданию, где он работает, Лукас не пытается преуменьшить экономические достижения России, чтобы принизить роль Путина. Нет, он сравнивает новую Россию с динамично развивающимися Бразилией и Индией. Упоминает он и о весьма позитивном значении России для Европы: «Россия — один из самых перспективных рынков мира, по масштабам значительно превосходящий все другие

страны Центральной и Восточной Европы вместе взятые». Противореча самому себе, он заявляет: «западные бизнесмены без малейшего стыда следуют туда, куда указывает их кошелек» и «трудно винить немецкие компании в том, что они действуют в интересах своих акционеров». Чему же верить? Его «тревожные» пассажи выглядят как зеркальное отражение кремлевской пропаганды в предвыборный сезон: «Мы имеем дело с людьми, которые стремятся нам навредить, расстроить наши планы и ослабить нас». Но если, как он сам утверждает, российский вариант «авторитарного капитализма» — это «не новая цивилизация, а путь в тупик», чего ж нам беспокоиться?

Из всего этого, судя по всему, можно сделать два вывода. Во-первых, призывая европейские страны преодолеть разногласия друг с другом и с Соединенными Штатами, он, сам того не желая, демонстрирует, что единого «Запада», в том смысле, что обычно вкладывается в это понятие, возможно, уже не существует. Во-вторых, не исключено, что российский «авторитарный капитализм» совсем не тупиковый путь. И остальному миру, возможно, придется сосуществовать с богатеющей авторитарной Россией (и не только с Россией, как я уже отмечал). Лукас лишь в очередной раз подтверждает, что долгая, мучительная эпоха «цивилизаторских миссий» подошла к концу. «Бремя белого человека», «новый мировой порядок», грандиозные модернизаторские схемы, пустые и дорогостоящие хлопоты с помощью зарубежным странам, построение гражданского общества — со всем этим можно распрощаться. Нравится нам это или нет, эффективную геополитику в XXI веке уже невозможно осуществлять, вынуждая других становиться такими, как мы: она должна приспособливаться к появлению новых великих держав. Его рекомендации в отношении предполагаемой «новой холодной войны» ограничиваются всего двумя шагами. Первый — «отбросить» наши иллюзии и признать российские реалии. Второй — отказаться от наивной идеи о том, что Запад способен повлиять на внутривнутриполитические процессы в России.

Он сам делает вывод: «Мы вернулись в эпоху великодержавной политики». Что ж, добро пожаловать в XVIII век. Однако здесь есть одна важная оговорка. Политики Старого Света — в Лондоне, Берлине и даже Брюсселе — сумеют найти *modus vivendi* с Россией и Китаем, не поступаясь либерально-демократическими ценностями в собственных странах. Но сможет ли Вашингтон — столица страны, появившейся на карте уже в эпоху цивилизаторских миссий и в конечном итоге обязанной своим возникновением пуританам, существовать в мире, где нет места самопровозглашенным «крестовым походам»? В США само устройство России, не говоря уже о ее политике, воспринимается по сути как один из элементов собственной, американской идентичности.

Сколько же раз может Америка «терять» Россию? Похоже, до бесконечности. Впрочем, надежду оставлять не стоит: наконец все же нашелся человек, убедительно и в деталях проследивший давнее, фактически религиозное стремление американцев «переустроить Россию». В книге «Миссия Америки и “империя зла”»: крестовый поход

за “свободную Россию” с 1881 г. до наших дней» («The American Mission and the «Evil Empire»: The Crusade for a «Free Russia» since 1881»), Дэвид С. Фоглсонг, профессор Университета им. Ратжерса, показывает, что начало деятельности миссионеров, экономических советников и активистов-общественников, пытающихся нести в Россию слово божье, капитализм и демократию, положили еще ветераны американского аболиционистского движения. «Очарованность» Россией у американцев возникла после убийства террористами царя Александра II в Петербурге в 1881 году: вскоре после этого Джеймс Уильям Бьюэл, журналист из Миссури и автор популярной биографии бандитов Джесса и Фрэнка Джеймсов, проехал по всей империи, собирая материал для книги. «Цивилизация быстро распространяется на восток, — писал он, — и, со штыком ли, или с псалтырью, она пройдет маршем по всем уголкам царских владений».

Фоглсонг показывает, как многие влиятельные американцы раз за разом указывали на возможность, даже необходимость распространения «слова истины» в России, а затем, когда она не превращалась в некое подобие США, в ужасе отстранялись и начинали обвинять во всем несносный русский национальный характер или лидеров страны — вплоть до Путина. Выдающееся достижение автора состоит в том, что он демонстрирует: еще задолго до холодной войны Россия стала для Америки «заблудшим братом» — объектом несбыточных ожиданий, покровительственного снисхождения и источником уверенности в своей правоте на пути к собственной цели (без особых практических результатов, достигнутых в самой России). Таким образом, автор помещает в нужный контекст и саму холодную войну — период, когда публицисты вроде Уильяма Ф. Бакли-младшего и политики вроде Рональда Рейгана провозглашали «крестовые походы», чтобы поднять боевой дух Америки. Россия в те времена была не только угрозой, но и средством для осуществления чисто американских целей (некоторые сосредоточивались на борьбе с «порождением коммунизма» в США — «социальным государством»; другие после вьетнамской катастрофы хотели «возродить веру в то, что Соединенные Штаты — благородная страна с особой исторической миссией»). Раскрывая присущее американцам «пьянящее ощущение богоизбранности своей страны», Фоглсонг помогает объяснить эйфорию, сменившуюся разочарованием, по отношению к постсоветской России в 1990-х и начале XXI века.

Тем не менее сегодня на нисходящем отрезке выявленного Фоглсонгом повторяющегося цикла ощущение особой миссии США сохраняется. Вспомним: в 2006 году Стивен Сестанович из американского Совета по международным отношениям подготовил нашумевший доклад под сенсационном заголовком «Неверный путь России: что могут и должны сделать США», который вышел за подписью двух политиков — Джона Эдвардса и Джека Кемпа. В этом документе констатируется: попытки Вашингтона подключить Москву в качестве партнера (младшего, разумеется) к реализации глобальной программы США провалились. Поэтому в докладе рекомендуется политика «избирательного сотрудничества» в тех вопросах, где еще есть

надежда заставить Россию действовать по американской указке. При этом в нем отмечается, что в осуществлении своей давней миссии — «спасении» России от авторитаризма — Америка столкнулась с серьезными затруднениями. Тем не менее, несмотря на важное значение России для США, — а в соответствии с «алогичной логикой» доклада, как раз из-за него — демократизация этой страны должна оставаться одной из внешнеполитических задач Вашингтона. «Не ограничиваясь словесными заявлениями относительно свертывания демократии в России, —

С точки зрения повседневных функций государства Россия управляется плохо, что придает ей уязвимость в случае кризиса

предлагается в документе, — США должны увеличивать, а не сокращать ассигнования в соответствии с Законом о поддержке свободы, уделяя особое внимание организациям, борющимся за проведение свободных и честных парламентских и президентских выборов в 2007–2008 годах».

Еще больший резонанс вызвала статья Майкла Макфола и Кэтрин Стонер-Вайс «Миф об авторитарной модели: путинская “твердая рука” сдерживает развитие России», опубликованная в этом году в журнале *Foreign Affairs*. Она прозвучала как боевой клич для упавших духом американских поборников «распространения демократии», жаждущих восстановить позиции, утраченные из-за Ирака. Соавторы изо всех сил стараются доказать, насколько авторитарен путинский режим по сравнению с ельцинской «электоральной» демократией (весьма красноречивая оговорка) и насколько мало этот авторитарный режим причастен к экономическим успехам России. Но их аргументы — простая подмена понятий. Дело здесь не авторитаризме, а в ряде важнейших мер по либерализации экономики, принятых в ходе первого президентского срока Путина (радикальном пересмотре налоговой системы, сокращении бюрократической волокиты, введении частной собственности на землю), а также поддержании жесткой финансовой дисциплины и макроэкономической стабильности. Авторы замалчивают эти радикальные шаги; не упоминают они и о том, что в любой стране второй срок президента редко характеризуется продолжением смелых реформ. Макфол, играющий первую скрипку в этом тандеме, похоже, не понимает, что его непрощенная забота о России полностью вписывается в русло столетней традиции провального «евангелизма», выявленной Фоглсонгом. Более того, соавторов (оба они работают в Стэнфорде) явно не упрекнешь в чрезмерной склонности к самоанализу: они приписывают «параноидальному национализму» откровенное заявление Путина о растущем «потоке денег из-за рубежа, используемых для прямого вмешательства в наши внутренние дела», а ведь он говорил о действиях, в которых Макфол принимает участие и которые он рекомендует.

То, что Макфолу и Стонер-Вайс приходится вести свое сражение за распространение демократии на экономическом «поле», явно не

усиливает их аргументацию. Утверждая, что расширение государственной собственности в последние годы привело к ухудшению экономических показателей России, они недооценивают один факт: до самого недавнего времени рост в стране во многом достигался за счет того, что она выжимала последние капли из вложений, сделанных еще в советские времена, — теперь осуществлять эту тактику стало уже невозможно. И еще: если вывести за скобки двух энергетических гигантов — «Роснефть» и «Газпром», расширение государственной собственности в сфере бизнеса выглядит не слишком радикальным. Кроме того, многие российские государственные компании, включая и упомянутых энергетических гигантов, либо уже сокращают, либо должны сократить долю государства в своих активах до 51 процента. (В 2007 году российские компании провели IPO на общую сумму в 33 миллиарда долларов, в основном на зарубежных биржах.) Наконец, российские государственные корпорации, при всей сомнительности их методов, не почтили на бюрократических лаврах, а тешат свое эго (и повышают прибыльность) за счет активной скупки активов. Конечно, масштабное заимствование для финансирования этих приобретений, наверно, не самая разумная стратегия роста (в США, по крайней мере, она доказала свою несостоятельность). Однако, как указывает Дэвид Вудрафф из Лондонской школы экономики, российские государственные компании способны выполнить свои международные финансовые обязательства, правда, только за счет расширения доли рынка и повышения прибылей. И если они окажутся не на высоте этой задачи — что ж, законы капитализма немолимы.

В качестве самого убедительного, по их мнению, аргумента Макфол и Стонер-Вайс ссылаются на то, что показатели роста других постсоветских государств часто оказываются немного выше российских: конкретнее они указывают, что по его темпам Россия в 1999–2006 годах занимала лишь 9 место среди 15 республик бывшего СССР. Различия в показателях, а значит и разрывы между местами в рейтинге невелики, ну да бог с ним, примем данные авторов на веру. Куда важнее другой факт, на который они не обратили внимания: народное хозяйство всех этих стран тесно взаимосвязано, поэтому следует учитывать влияние роста гигантской российской экономики на другие, куда меньшие по масштабам. Так, в 2007 году для граждан как минимум полдюжины бывших советских республик Россия была главным источником доходов. В этом году более 30 процентов ВВП Таджикистана составляли денежные переводы таджиков, работающих в России. Для Молдовы объем таких переводов, по оценкам, тоже приближается к 30 процентам ВВП, для Кыргызстана составляет более 20, а для Грузии и Армении — 10–20 процентов. И так далее в том же духе. Представьте себе, что произойдет на Украине, если миллионам ее граждан, сумевшим найти работу в России, вдруг придется вернуться домой и пополнить армию безработных. Сравнимый уровень экономической зависимости можно обнаружить, наверно, лишь у тех стран, чьи жители работают в США и отсылают заработанное на родину. Российские экономические показатели и политика дают нема-

ло поводов для критики, но сверхвысокие темпы роста в Казахстане в этом смысле не аргумент.

На деле, однако, Макфолом и Стонер-Вайс движет не интерес к экономическим проблемам, а якобы насущная необходимость распространения демократии с точки зрения внешней политики США. С этой точки зрения в том же русле лежат тезисы Роберта Легволда, редактора вышедшего в прошлом году сборника статей «Российская внешняя политика в XXI веке и тень прошлого». Написанное им предисловие к книге давно назревший манифест о пользе истории при изучении современной России. Однако, побуждая аналитиков исследовать прошлое России, Легволд одновременно призывает саму Россию «избавиться от собственного прошлого», под которым он подразумевает авторитаризм. И, главное, он настаивает, что заинтересованность США и ЕС в характере внутривнутриполитического устройства России вполне «легитимна», поскольку оно непосредственным образом отражается на соседних странах. (Автор мог бы упомянуть и о стремлении воздействовать на население самой России за счет «правозащитной политики» на международной арене.) Другими словами, источником российской внешней политики, по мнению Легволда, являются не национальные интересы страны, а характер ее политической системы. Что и требовалось доказать! Это типичный пример проекции вовне одного из основополагающих представлений Америки о самой себе, о том, что США действует на мировой арене исходя не из своих национальных интересов, а из демократического характера своего политического строя.

Не все авторы статей, вошедших в сборник, согласны с Легволдом в том, что российский «абсолютизм» не годится для эпохи глобализации. Дэвид Макдоналд, к примеру, считает, что российский абсолютизм содержит достаточно эффективный инструментарий, который и сегодня может пригодиться для экономического и культурного развития страны, хотя здесь очень важно не перегнуть палку. Общий тон сборника, однако, вполне укладывается в рамки выявленного Фоглсонгом «крестового похода» — проекции американской идентичности на Россию, что продолжается с 1881 года. Фоглсонг цитирует Дэвида Лоуренса, основателя журнала *US News and World Report*, который еще в 1958 году подытожил основополагающее кредо американского истеблишмента следующим образом: «В мире не будет безопасности, пока на земле существуют автократические режимы». Этот тезис открывает широчайший простор для «миссионерской» внешней политики (и неизбежно связанного с ней лицемерия). По Ираку вокруг него объединились либералы-«интернационалисты» вроде Макфола и Стонер-Вайс, и «неоконы»; как и все фундаменталистские представления, этот тезис благополучно пережил иракскую катастрофу. Единственное, чего он, пожалуй, не переживает, — это падения американского доллара до уровня мексиканского песо.

Из-за нераскрытых убийств российских журналистов и арестов политических активистов многие наблюдатели стремятся как минимум

Суй Джангуа. Одетый дискобол. 1998

выставить экономический бум путинской эпохи результатом просто-го везения — дескать, Россию держат на плаву только высокие цены на нефть и газ, заложенные природой в ее недра миллионы лет назад, — и пророчат: час расплаты впереди. Что ж, возможно, Россию действительно ждет спад. С точки зрения повседневных функций государства Россия управляется плохо, что придает ей уязвимость в случае кризиса. А живем мы в глобализованном мире, где все взаимосвязано, и если китайский бум потеряет импульс, образовавшаяся гигантская воронка со страшной силой потянет Россию вниз. Да и финансовые экзерсисы Уолл-стрита еще способны погубить нас всех — и хороших, и плохих. Впрочем, что бы ни ждало нас впереди, уже ясно одно: таких мощных авторитарных государств с рыночной экономикой, как Россия и Китай, мир не видел уже давно, со времен — ну да, со времен нацистской Германии и ее союзницы Японии. Однако сегодняшние авторитарные Россия и Китай не агрессивны в военном плане. И, что бы там ни думал Эдвард Лукас, эти страны вряд ли потерпят поражение в какой-либо войне и подвергнутся оккупации, чтобы кто-то вроде Майкла Макфола и Кэтрин Стонер-Вайс смогли устроить очередной демократический крестовый поход наподобие тех, что так скрупулезно описал Дэвид Фоглсонг.

Власть Кремля может показаться неограниченной. Но вот что интересно: в XX веке лидеры демократических Соединенных Штатов находились у власти в среднем по 6 лет. Для авторитарной России в тот же период аналогичная цифра составляет примерно 10 лет. Если же не брать в расчет долгий период сталинской диктатуры, она вообще упадет до восьми. Тем не менее в авторитарных государствах передача власти, с точки зрения правящего режима, всегда непростой момент. (Пожалуй, самая примечательная черта недавней истории Китая — это даже не рыночные преобразования, а тот факт, что там после ухода Дэн Сяопина власть уже дважды безболезненно переходила из рук в руки: сначала к Цзян Цзэминю, а затем к Ху Цзиньтао.) Одно из многочисленных слабых мест авторитаризма заключается в том, что при нем никуда не годные варианты кажутся привлекательными: пример тому — распространенные надежды, что реальным правителем России останется Путин. Однако, какова бы ни была судьба нынешнего «преемничества», кремлевский вариант «китайской стратегии» скорее всего будет осуществляться и дальше: элементы глобализации, способствующие либерализации политического процесса, будут подавляться, а ее экономические аспекты — развиваться в максимально возможной степени.

В общем, о сегодняшней Москве, как в свое время о китайском и арабских авторитарных режимах, можно сказать «русские идут», и теперь это будет правдой. Когда российский капитал, уже весьма заметный в континентальной Европе и Британии, еще большими силами явится на Уолл-стрит и в американскую глубинку, поймут ли наши соотечественники значение того, что у России после этого возникнет существенная заинтересованность в том, чтобы дела у США шли успешно? Оценят ли они тот факт, что наличие российских активов на американской территории (которые можно конфисковать)

даст нам мощный рычаг влияния на Кремль, которого сейчас у США нет? Что же касается ЕС, то если для стран Северной Африки и Леванта отношения с ним, вероятно, действительно жизненно важны, то для России (и Китая) они имеют куда меньшее значение. Скорее всего, Евросоюз надолго будет поглощен вопросом о вступлении Турции, а Россия, как и Китай, тем временем будет и дальше развивать двусторонние отношения с отдельными европейскими странами. Ее товарооборот со странами ЕС весьма велик — он в три раза превышает объем торговли с бывшими советскими республиками, — а Германия является ее крупнейшим экономическим партнером (в 2007 году объем товарооборота между двумя государствами достиг 52,8 миллиарда долларов). Тем не менее сегодня самое важное место для России — это Лондон как один из мировых центров глобализации. Его значение — одна из причин, по которым Россия пытается такими акциями, как преследование Британского совета, дипломатическими средствами дать понять о намерении твердо отстаивать свой суверенитет по всем пунктам (точно так же в аналогичных случаях поступает и Китай), не нанося при этом ущерба своим реальным интересам.

Впрочем, могущество России на мировой арене не следует переоценивать. В будущем на долю США, ЕС и Китая будет приходиться как минимум по 20 процентов общемирового ВВП. Аналогичная же доля России, даже если она займет пятое место среди крупнейших экономических держав мира, не превысит 3 процентов. Кремль будет использовать статус постоянного члена Совета Безопасности ООН и место в «Большой восьмерке» для защиты своих интересов на международной арене и одновременно стремиться к поддержанию хороших отношений с Китаем в рамках различных форумов. Однако Россия не входит в ЕС и не является ни союзницей США, ни союзницей Китая. И Брюссель, и Вашингтон, и Пекин воспринимают ее как возможного партнера, но и как потенциального противника. И, главное, если российские компании, будь то государственные или частные, не встанут вровень с наиболее эффективными корпорациями мира, о любых «больших играх» можно забыть. «И сейчас на фоне благоприятной для нас экономической конъюнктуры мы пока лишь фрагментарно занимаемся модернизацией экономики, — заметил Путин, излагая стратегию развития страны до 2020 года. — И это неизбежно ведет к росту зависимости России от импорта товаров и технологий, к закреплению за нами роли сырьевого придатка мировой экономики». Он добавил: «Главная проблема сегодняшней российской экономики — ее крайняя неэффективность. Производительность труда в России остается недопустимо низкой. Те же затраты труда, что и в наиболее развитых странах, приносят в России в несколько раз меньшую отдачу. И это вдвойне опасно в условиях растущей глобальной конкуренции».

Одним словом, президенту Медведеву и премьер-министру Путину (если он получит это назначение), уже ясно, на чем им необходимо сосредоточить внимание.

Проблема коррупции и местное сообщество

Очевидно, что наше общество признало необходимость системной борьбы с коррупцией. Свидетельство этому — многочисленные упоминания проблемы в речах политических деятелей разного ранга — от сельских депутатов до президента. И это не только позиция политической элиты, это отношение общества. На вопрос «нужно ли бороться с коррупцией?» в среднем около 65% опрошенных (от 52 до 77% в разных регионах) отвечают: да*. Однако при этом мы наблюдаем противоречие в общественном сознании. Признавая необходимость противодействия коррупции, многие (очень многие!) готовы давать взятки, считают эти факты нормальными и оправдывают свою позицию сложившейся традицией. Более половины граждан определяют коррупцию как положительное явление (коррупция — это «катализатор для бизнеса», «механизм компенсации плохих законов», «обязательное свойство демократии»), только треть респондентов называют коррупцию «разрушающей общество болезнью», остальные считают всего лишь «вредной привычкой общества» (наподобие пьянства или курения).

Мораль молчит

Самое распространенное заблуждение, когда коррупция воспринимается как необходимый элемент, приводной ремень в механизме взаимоотношений граждан и власти, источник мотивации для эффективной работы чиновника. «Что плохого? Конкретный потребитель оплачивает полученную им услугу, нагрузка на бюджет уменьшается, можно нанять на такую работу компетентных специалистов», — так оправдывают свою позицию сторонники этой точки зрения. Но так ли это? Даже не затрагивая вопрос о

*Вадим Бондарь,
заместитель директора
Национального института
конкурентоспособности*

* Здесь и далее используются данные из отчета «Отношение граждан к проблеме коррупции и мерам по ее предотвращению» АВАСЕЕЛИ, М., 2007, если не оговорено иное.

справедливости подобного распределения общественных ресурсов, можно утверждать, что в стратегической перспективе коррупция не создает, а разрушает общественные отношения.

Существуют специальные исследования, доказывающие, что в зависимости от степени развития институциональной среды, от степени соблюдения законодательства о защите собственности, коррупция по-разному влияет на экономику. «В странах с неэффективной системой управления проявляются... значительные позитивные эффекты коррупции: примерно в 20% государств, охваченных нашим исследованием, положительные экономические последствия коррупции по объему составляют более 20% от ограничительных*», а в 12 странах первые даже превышают последние. ...Подобные результаты позволяют предположить: когда коррупция в масштабах страны способствует росту, прямые кампании против нее могут встретить ожесточенное сопротивление и обернуться дорогостоящим противоборством. В этих обстоятельствах более уместной представляется задача фундаментального улучшения государственных институтов**». Однако «там, где собственность защищается эффективно, главный экономический эффект коррупции носит ограничительный характер... В государствах с наиболее стабильной ситуацией негативные последствия коррупции превышают позитивные в 50—100 раз. В таких случаях масштабные кампании по прямому искоренению коррупции следует считать полезными***». Несмотря на многочисленные «ляпы» российского законодательства и зачастую его «не-

дружественность» по отношению к гражданину, в целом все-таки нельзя говорить о тотальном и фундаментальном противоречии наших законов здравому смыслу и призывать к их преодолению путем взяток и подкупа. Следовательно, можно надеяться на эффективность разумных программ противодействия коррупции.

Положительное восприятие коррупции создает питательную среду для ее роста, оправдывая «встраивание» коррупции в социальную систему. Этому способствует, к сожалению, и позиция некоторых ученых: «С точки зрения социолога, преступление есть нормальное явление. Нормальное постольку, поскольку оно несводимо к произволу преступника, а обусловлено социальными причинами. Причем эти причины отнюдь не являются свидетельством дефектов социального порядка. Напротив, они коренятся в конструкции этого порядка и являются продолжением его достоинств. А потому являются неискоренимыми и в этом смысле нормальными. А потому и борьба с преступностью может привести лишь к ограничению и удержанию ее в социально приемлемых пределах****». Такая позиция («стратегия минимизации вреда») часто высказывается на круглых столах и семинарах, посвященных противодействию коррупции, и требует однозначного ответа. Легко доказать, что преступность не есть норма («норма — 1: узаконенное постановление; 2: установленная мера, средняя величина чего-либо*****»), наоборот, преступление (от слова — переступить!) — всегда нарушение нормы, выход за рамки нормального, общепринятого

* В их числе — Россия: отношение «полезного» для экономики эффекта коррупции к «вредному» оценено исследователями в 0.53 (более половины вредного!) — наравне с Угандой.

** Д. Хьюстон. Способна ли коррупция улучшить положение дел в экономике? // *Cato Journal*. 2007, Vol. 27, № 3.

*** Там же.

**** А. Борисов. Как бороться с нормальным явлением? // *Городское управление*, 2000, № 6.

***** С.И. Ожегов. *Словарь русского языка*. — М.: ГИИНС, 1953.

поведения. Продолжением каких достоинств является преступность, в частности коррупция? Всегда ли она свидетельствует о «дефектах социального порядка»? Известно, что коррупция присуща странам с различным общественным строем, но зависит от уровня развития социальных институтов, культуры и морали. Можно говорить о том, что коррупция как явление «обусловлена социальными причинами», но каждая взятка — это всегда моральный выбор конкретного человека.

Однако мораль молчит, когда размыты общественные ценности. Собственно, проблема и заключается в том, что понятие нормы сместилось, значительная часть общества воспринимает коррупцию как должное, мы наблюдаем это на самом глубоком — ментальном — уровне. В словаре Даля приведено определение: «Мздоимствовать — брать подарки, приношения, взятки; быть продажным человеком. *В земле нашей мздоимствуется по обычаю*»*. По обычаю! Этот пример использования слова поражает сильнее самых серьезных социологических исследований.

Задача ответственной элиты — не примириться с явлением, пытаюсь минимизировать вред, а изменить ситуацию, восстановить моральные ценности, доказать ненормальность коррупции как социального явления, изменить сложившиеся негативные традиции.

Масштабы явления

Такая обстановка, когда значительная часть общества относится к взяточничеству лояльно, определяет низкую эф-

фективность действий властей по обузданию коррупции. По официальным данным, в Российской Федерации за январь — октябрь 2007 года было выявлено свыше 37 тысяч преступлений коррупционного характера, в том числе более 10,5 тысячи случаев взяточничества и 1,7 тысячи коммерческого подкупа. К уголовной ответственности по такого рода преступлениям привлечено свыше 8,5 тысячи человек**.

По индексу восприятия коррупции, согласно исследованию международной организации «Транспаренси интернешнл» за 2007 год, Россия занимает 143-е место (из 180 стран) — на одной строчке с Гамбией, Индонезией и Того.

Многочисленные социологические исследования, выполненные в России или отдельных российских регионах, фиксируют, что в коррупционные отношения втянуто значительное число граждан: «Практически каждый житель Ростова, по данным Института политических и медиаметрических исследований, сталкивается в своей жизни с фактами коррупции. Об этом сообщил директор ООО «НИИ “Институт политических и медиаметрических исследований”» Алексей Федоров. Согласно результатам социологического исследования, проведенного сотрудниками института в восьми муниципальных районах Ростова, у 50,4% респондентов хотя бы раз в жизни вымогали взятку. 49,0% опрошенных давали взятку по своей собственной инициативе, а 8,9% респондентов сами хотя бы раз вымогали взятку»***.

В некоторых российских регионах коррупционная система сложилась на-

* В.И. Даль. Толковый словарь русского языка. — М.: Эксмо-пресс, 2002.

** Из выступления заместителя министра иностранных дел России А.В. Яковенко на конференции, посвященной 10-летию принятия антикоррупционной конвенции ОЭСР. Информационный бюллетень МИД от 22.11.07, www.in.mid.ru/bl.nsf; Сообщение пресс-службы МВД, 28.11.2007 <http://mvd.rf.ru/news/13396/>

*** http://www.yugmedia.ru/ne_3745182

Нам Джун Пайк. Видео-пирамида. 1982

столько, что тарифы на взятки являются общеизвестными и даже индексируются в зависимости от инфляции (!): «В строительной отрасли все, что касается проверки, согласования документов на муниципальном уровне, подорожало с января по октябрь 2007 года в среднем в 2,5 раза», — рассказал топ-менеджер крупной столичной строительной компании. Он назвал суммы взяток, которые давались в октябре 2007 года: согласование «по мелочи» с любым районным инспектором — около 10 000 рублей, согласование незначительных вопросов с чиновником муниципального уровня — от 50 000 до 100 000 рублей, согласование серьезных вопросов (например, таких как перенос коммуникаций) — от 500 000 рублей и выше»*.

По данным социологического опроса, проведенного Американской ассоциацией адвокатов (ABA/CEELI) в различных регионах России, в коррупционные отношения вовлечено от 56 до 81% граждан. При этом более 60% (в среднем) дававших взятки заявляют, что величина взятки им была ясна заранее, что говорит о вполне сформировавшейся коррупционной системе.

Коррупция как антисистема

Известно, что отдельные коррупционные цепочки имеют свойство самоорганизовываться в крупные системы. Исследователи проблемы дали названия различным способам укрепления и размножения мздоимства: вертикальная, горизонтальная, верхушечная коррупция. Преступники не просто используют служебное положение корыстолюбивого чиновника в своих целях, они стремятся определять пра-

вила игры, переходят к активным действиям. Они расставляют на важные должности «своих» людей, проводят выгодные им властные решения, выполняют «захват государства». Тут следует оговориться — термин «захват государства» неточен, речь идет не только (и не столько!) о государственной власти, но и о муниципальной тоже. Именно здесь — на муниципальном уровне — рождаются коррупционные системы, вырастают из сложившихся отношений родственного и соседского протекционизма, блата и кумовства. Но с другой стороны, именно здесь возможно построить осознанное противодействие коррупции, вскрывая конфликт интересов взяточника и местного сообщества (а не абстрактного государства).

Организованная коррупционная система является уже институциональной угрозой: «увеличение возможности для захвата государства ведет к сокращению налоговых поступлений в бюджет и к приватизации общественных благ, сокращающих издержки производства предприятия. Выявлены негативные последствия захвата на функционирование экономики юрисдикций. Это — сокращение числа малых предприятий, уменьшение товарооборота и объема инвестиций»**.

Говоря о том, что в местном обществе складывается коррупционная система, нужно сделать оговорку: правильнее говорить не о системе, а об антисистеме. Термин «антисистема», широко используемый в различных гуманитарных науках, введен Л. Гумилевым именно в отношении социальных систем. Говоря о проблемах развития этноса, Гумилев определил антисистему как «системную целостность людей с негативным мироощу-

* <http://www.rb.ru/office/buzines/rumorsbis/2007/10/30/130255.html>

** Яковлев Е. Ю. «Захват» государства в российских регионах и муниципалитетах / Препринт # BSP/01/054 R. — М.: Российская экономическая школа, 2001.

щением»*. Выделим основные признаки антисистемы:

1. Антисистема существует не самостоятельно, а внутри «материнской» системы (в нашем случае — системы местного самоуправления), встроена в нее, живет и развивается за счет ее ресурсов, то есть паразитирует.

2. Цели существования системы и антисистемы взаимоисключающие. Именно конфликт интересов превращает подсистему в антисистему (в отличие от симбиотических подсистем, также существующих внутри систем).

Конфликт интересов коррумпированных чиновников и общества можно проиллюстрировать цифрами. По данным опросов, лишь 8–21% (в разных регионах, в среднем — 15%) респондентов давали взятки за возможность нарушить закон, подавляющее большинство же платили чиновнику за качественные и своевременные услуги (добиться законного решения вопроса, который иначе не решался, либо за возможность избежать бюрократической волокиты и очередей). То есть основной незаконный доход мздоимцы получают именно потому, что система предоставления общественных услуг неэффективна, и чем более она неэффективна, тем выше размеры и количество взяток. Мы наблюдаем прямую зависимость между объемом коррупционных рынков и количеством очередей в конкретной сфере (за исключением тех, где взятки дают за возможность нарушить закон — военкоматы, например), при этом более 80% граждан считают, что очереди вызваны отнюдь не нехваткой общественных ресурсов, а плохой организацией работы чиновников, низким уровнем их подготовки или желанием создать повод для взятки.

Л. Гумилев приводит образное сравнение: «Антисистема подобна популяции бактерий или инфузорий в организме: распространяясь по внутренним органам человека или животного, бактерии приводят его к смерти... и умирают в его остывающем теле»**.

Не много ли черной краски? Действительно ли все так серьезно? Нужно ли переносить общие правила развития систем на реальности функционирования системы местного самоуправления?

В истории есть немало примеров, подтверждающих, что бездействие общества в отношении прогрессирующей коррупции может привести к тяжелым последствиям. В том числе в нашей недавней истории. Трагические последствия конфликта в Кондопоге — стали ли они уроком нашему обществу? К сожалению, большинство наблюдателей увидели в них только проблему межнациональных отношений, и лишь немногие аналитики вскрыли сложную подоплеку события: «Первый фактор — высокий уровень коррумпированности местной власти, в самом широком смысле этого слова. Второй — политическая изоляция местной власти от местного населения. Сочетание двух этих причин создает базовые противоречия, ставшие движущей силой кондопожского конфликта. Появление третьего фактора — этнической неприязни — сыграло лишь роль спускового крючка. Тогда, когда мы имеем первые два фактора, ситуация просто гниет»***. Подтверждение этих слов можно найти в первых репортажах с места событий. В резолюции, принятой на стихийном митинге, в числе требований было создание «народной комиссии» для проведения тендеров по аренде

* Л. Гумилев. *Этногенез и биосфера земли*. — М.: Айрис-пресс, 2001.

** Там же.

*** А.Зудин «Кондопога — ошибка в диагнозе», <http://www.politcom.ru/article.php?id=3410>

помещений, а также «народной дружины» из числа воевавших в Чечне — для поддержания порядка в городе: в ситуации, когда общественные институты разрушены коррупцией, граждане вынуждены создавать новые институты. Факт политической изоляции власти косвенно подтверждают цифры избирательных комиссий: «Причиной низкой явки избирателей города Кондопога на выборы депутатов парламента Карелии является недоверие местного населения к власти. Об этом заявила председатель территориальной избирательной комиссии Клавдия Яковлева. По ее мнению, кризис доверия к власти возник в районе несколько лет назад и не связан с трагическими событиями в Кондопоге в конце августа — начале сентября, когда в городе произошли массовые беспорядки на национальной почве. “Люди видели, что районная власть не замечает их проблем, и просто перестали ходить голосовать. У нас и на муниципальных выборах в прошлом году явка была ниже 20 процентов*”». Доверие — важнейший общественный капитал, именно на доверии (а не на параграфах закона!) держится легитимность власти. Ситуация усугубляется за счет переноса отношения к конкретным представителям власти или к конкретным нормативным актам на всю систему в целом. «Эффект перелива — это гипотеза, что люди, которые считают часть правовой системы нечестной или незаконной или не доверяют ей в каком-либо отношении, не будут подчиняться или откажут в доверии всем остальным частям системы... Усиление чувства несправедливости или незаконности права может ослабить чувство долга, привести к меньшему подчинению (или неподчинению), или — если сообра-

жения морали достаточно сильны — к действительному неприятию или сопротивлению»**.

Таким образом, можно сделать вывод об опасном следствии коррупции: высокий уровень мздоимства снижает доверие граждан к социальным институтам, что в свою очередь влечет разрушение этих институтов и всей политической системы.

Местное сообщество против коррупции

Очевидно, что с системной проблемой нужно бороться системно. Многие российские регионы уже предпринимают последовательные шаги по созданию систем противодействия мздоимству. Однако на уровень муниципалитетов действия борцов с коррупцией нисходят редко. Хотя именно на этом уровне такое противодействие могло бы быть наиболее эффективным, для этого есть предпосылки:

- в отличие от регионального уровня, где отношения власти и общества определяются не напрямую гражданами, а различными институтами, их представляющими, в муниципалитете заинтересованной стороной может выступать все местное сообщество, а не только органы власти (они же — чиновничий аппарат, с коррупцией в котором мы и боремся!);
- общее неприятие коррупции в местном сообществе и постоянное «поддержание чистоты» может быть более эффективным, чем разовые кампании и силовые методы борьбы с коррупцией;
- местные депутаты доступнее для граждан (избирательные округа

* <http://www.regnum.ru/news/718124.html>

** Л. Фридман. Введение в американское право. — М.: Прогресс, 1993.

меньше, чем у депутатов регионального законодательного собрания), большинство общественных организаций действуют именно на муниципальном уровне. Таким образом, местные нормативные акты легче обсудить и при необходимости изменить, чем организовать аналогичные действия на уровне субъекта РФ;

- некоторые коррупционные преступления, не подпадающие под действие уголовного законодательства, а также преступления мелкого масштаба и значимости могут быть пресечены на местном уровне путем применения несиловых, «домашних» методов, таких как публичное оповещение, общественное порицание, ограничения на занятия муниципальных должностей, ограничения на участие в тендерах и др.

Вместе с тем проводимая в стране реформа местного самоуправления, с одной стороны, дает гражданам большие возможности для участия в местных делах, а с другой стороны, вызывает множество проблем, связанных с муниципальной собственностью, как то: обязательная приватизация непрофильных объектов, передача полномочий между уровнями власти вместе с соответствующей собственностью, составление реестров муниципальной собственности, оформление муниципальных земель. Увеличение в связи с этим количества коррупционных преступлений обуславливает необходимость безотлагательных мер именно на уровне муниципалитета.

К сожалению, муниципалитетов, имеющих опыт разработки программ противодействия коррупции, единицы; среди них можно назвать Чебоксары, Казань, Ижевск, Димитровград.

Возможно, проведение муниципальной реформы — одна из причин отсутствия массовой практики антикоррупционной деятельности на уровне муниципалитетов. Происходит общая организационная «утряска», а написанные ранее антикоррупционные нормативные акты теперь приходится приводить в соответствие с новым законодательством. Тем не менее, констатируя отсутствие на муниципальном уровне плановых, программных действий, мы наблюдаем отдельные шаги, направленные на противодействие коррупции, чаще всего в городах, переживших громкие коррупционные скандалы. Так, например, мэрия Волгограда приняла решение об упразднении комитета по инвестициям и строительным программам. «Такое распоряжение подписал глава города Роман Гребенников. Сам он оценил упраздненное им ведомство как «комитет по муниципальному рэкету». Главная причина в том, что выдача разрешительной документации застройщикам была далека от прозрачности. ...В ближайшее время будет разработан специальный регламент прохождения разрешительной документации. Крайний срок от заявки до получения составит 148 дней»*.

Но вряд ли перестановки чиновников и другие разовые меры приведут к искоренению мздоимства. Серьезного изменения ситуации позволят добиться лишь системные, программные действия, начинающиеся с диагностики проблемы.

Программа противодействия

Не бывает одинаковых городов, потому что в них живут люди с разными характерами, разными привычками и

* <http://www.irm.ru/news/19080.html>

разным набором знаний. Отчего же тогда программы противодействия коррупции, принимаемые в разных регионах, так удивительно похожи друг на друга? Между тем социологические данные показывают очень значительные различия в величине и глубине коррупции, в особенностях коррупционных рынков и в уровне общественной поддержки мер противодействия.

Задача диагностики — выявить ментальные предпосылки коррупции, а также возможности и ограничения деятельности по предотвращению мздоимства. Набор антикоррупционных мер — в зависимости от стадии болезни — может быть акцентирован при этом на пресечении преступных проявлений (выявление, расследование, осуждение, наказание виновных), на ограничении возможностей для мздоимства (регламентация, обеспечение контроля и прозрачности деятельности чиновников), то есть, иначе говоря, на создании условий неприятия коррупции на индивидуальном и общественном уровнях.

Разумеется, наиболее надежный (но и наиболее сложный!) способ противодействия коррупции состоит в обретении иммунитета против этой болезни. Общественный иммунитет — это способность местного сообщества создавать новые механизмы противодействия и оперативно адаптировать к изменившимся условиям уже существующие, что зависит исключительно от степени развития общественных институтов. Индивидуальный иммунитет — это способность человека противостоять соблазну (не брать взятки) и противостоять вымогательству (не давать и тем более не предлагать взятки), что определяется в значительной мере особенностями местной культуры и традициями, отношением граждан к проявлению коррупции в повседневной жизни.

Масштаб задач

В России около 24,5 тысячи муниципалитетов, из них около 3 тысяч крупных. Жители каждого муниципалитета должны понимать вред взяточничества, а для этого в каждом поселении должна, конечно, проводиться осознанная антикоррупционная политика. В больших муниципальных образованиях такая политика должна существовать в виде документа, а еще лучше — в виде программы со сроками и ответственными за ее реализацию. Готово ли местное сообщество к созданию таких программ?

Выгоды муниципалитета от реализации программы противодействия коррупции не исчерпываются уменьшением взяточничества. Реализация программы, на мой взгляд, позволит усилить чувство общности и повысить самооценку граждан, жителей муниципалитета, увеличить эффективность работы чиновников, обеспечить честные отношения между бизнесом и властью, уменьшить административную нагрузку на бизнес, а также изменить имидж муниципалитета в глазах соседей, гостей, туристов, инвесторов, покупателей жилья и покупателей товаров, производящихся в муниципалитете, установить хорошие инвестиционные и кредитные рейтинги муниципалитета, что в свою очередь опять же положительно отразится на экономике муниципалитета и благосостоянии его жителей.

Будущее рождается сегодня. В каком городе (поселке, селе) будут жить наши дети и внуки? Смогут ли они проявить свои способности и таланты, или им придется врать и давать взятки, чтобы добиться успеха в жизни? Кто будет определять правила и задавать тон — беззастенчивые и бессовестные или честные и искренние люди? Это наше испытание, это наш выбор, и сделать этот выбор нужно сейчас.

*Клаус Мертес,
ректор колледжа
им. Канизуса, Берлин*

Религия и ценности: о взаимосвязи религии и политики

1. Христианство возникло на основе иудаизма. Ветхий завет относится к Священному писанию христианства. Между тем вопрос о нормативном значении Ветхого завета для христианства в старой церкви был спорным. Существовали богословские направления, последователи которых противопоставляли Ветхий завет Новому, Бога Ветхого завета Богу Нового завета, и заявлявшие, будто бы этика Евангелия радикально отличается от этики Торы. А именно, что в Ветхом завете говорится о боге мести, а в Новом — о боге любви. Эта проблема, важнейшая для христианского вероучения, была разрешена во II в. н.э. единением двух заветов. Христианство исходит из того, что его основатель — Иисус из Назарета — был верующим иудеем, что Тора и Евангелие взаимосвязаны, и что Евангелие следует толковать, опираясь на Тору и исходя из событий реальной жизни Иисуса. В православной церкви, в евангелических церквях, Ветхий и Новый завет образуют одну книгу — Священное писание.

2. Древний Израиль — место рождения монотеизма, религии единобожия, которая носит критический характер, ибо начинается с отрицания богов древнего Востока. Бог Израиля не такой, как другие древние боги, но в то же время не является единственным богом, оставшимся на божественном небосводе словно одинокий Зевс. Он не вышел из лона природы, как другие боги, ибо сам является творцом природы и Вселенной. В богословии говорят о трансцендентности Бога и секуляризации мира. Ничто в мире не есть Бог, и Бог не является частью мира.

3. «Рождение» монотеизма в древнем Израиле фактически совпадает с избавлением от рабства. Встреча Израиля с Богом связана с политическим опытом освобождения, исходом иудеев из Египта и суда над рабовладельцами. Таким образом, в религиозное познание вводится фундаментальный по своему содержанию критерий. В христианстве он находит выражение в обещании, даваемом при крещении: «Отрекаешься ли ты от сатаны, всех его дел, чтобы жить как дитя божие в свободе?»*. Под сатаной здесь под-

** В православии, согласно «последованию таинства крещения», священник произносит: «Отрицаеши ли ся сатаны, и всех дел его, и всех ангел его, и всего служения его, и всяя гордыни его». Соответственно, речь идет лишь об отречении от зла, а не свободе, как в евангелических церквях. — Прим. ред.*

разумеается зло, которое делает нас несвободными, а под добром соответственно то, что допускает свободу и ее обеспечивает. Тора говорит о Законе свободы — Декалоге, то есть о десяти заповедях, которые Моисей получил на горе Синай от Бога. Декалог содержит основные воззрения Израиля относительно свободы и того, как должно быть устроено общество, если оно не хочет вернуться в рабство.

4. Декалог носит политический характер. Его императив — «ты должен». Эти слова адресованы не только конкретному человеку, но всему народу Израиля, как контрагенту Бога. Таким образом, Тору следует понимать как конституцию. Она содержит законы социального характера, законы о предоставлении убежища, уголовно-правовые определения, предписания для осуществления культовых обрядов и многое другое. В Торе находят свое развитие отдельные правовые положения, о них ведутся дискуссии, их обдумывают и им придают исключительное значение.

Внеполитическое прочтение Торы всегда приводило к недоразумениям. Например, четвертая заповедь гласит: «Почитай отца твоего и мать твою». Это часто воспринимается как заповедь для малых детей, которые должны слушаться своих родителей. Но вот чем она заканчивается: «Почитай... чтобы продлились дни твои на земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе». То есть речь идет о наставлении взрослым «детям», чтобы те уважали своих престарелых родителей, заботились о них, и тогда их собственные дети извлекут уроки, как им следует вести себя в будущем*.

Таким образом, четвертая заповедь требует фактически, выражаясь современным языком, заключения договора между поколениями с целью урегулирования пенсионного вопроса... И во всех остальных заповедях, которые следует понимать политически, тоже прослеживается нечто похожее.

5. «Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли; не поклоняйся им и не служи им» (Исх. 20, 4-5). Другие формулировки этой же

* Ср. с русской народной сказкой, в которой выражается эта же мысль. «Посреди пустынного места некогда был маленький хутор. Там жила семья, она была небольшой: старый дедушка, его женатый сын, которого звали Никифор, да маленький сыночек Никифора. Дедушка был уже совсем немощным... Его сыну это не нравилось; ему хотелось, чтобы отец приносил еще какую-нибудь пользу. И он сказал себе: «Лучше изживу отца со свету, слишком долго уж он живет! Я должен тяжело зарабатывать свой кусок хлеба и жизнь моя — видит Бог — нелегка». Наступила зима. Никифор достал с чердака длинное и широкое корыто, позвал своего сыночка и сказал старому отцу своему: «Отец, мы все втроем сейчас выйдем в поле; довольно ты пожил. Не надо мучить ни себя самого, ни нас всех». Они подхватили старого отца с двух сторон и отправились в путь. Как услышал старик, как сын разговаривает с ним, он горько заплакал, но не сказал ни слова в ответ. Никифор привел своего отца к краю глубокого ущелья, посадил бедного в корыто и толкнул в пропасть, приговаривая: «Прощай отец, не поминай нас лихом». Он уже хотел вернуться домой, как маленький сыночек говорит ему: «Отец, не забудь взять с собой корыто». «Зачем? Пусть останется там внизу». «Нет, когда ты будешь таким же старым как дедушка, я посажу тебя в это корыто и толкну в пропасть». И схватился тогда Никифор за голову. «Какой же я глупый! Спасибо тебе, сыночек, за то, что образумил своего глупого отца». Быстро, как только несли его ноги, он побежал в ущелье, вытащил наверх своего старого отца и попросил у него прощения. Он кормил его до самой смерти, чтобы собственные дети его самого потом не бросили».

заповеди делают еще более очевидным, о чем в данном случае идет речь (Лев. 19,4; Втор. 4,15 и т.д.). Рабство в Египте по своей внутренней сущности было связано с обожествлением властных богов и прежде всего — с обожествлением фараона, изображение которого в виде статуй находилось повсюду. Запрет же на поклонение ему являлся запретом на смирение по отношению к системе, основанной на рабстве, так как господство фараона означало рабство, а его почитание — одобрением рабства.

Следовательно, тот, кто поклоняется истуканам, превращает себя в раба и, становясь внутренне рабом, неизбежно приобретает менталитет раба. И этому противостоит еще одно изречение, которое только на первый взгляд находится в противоречии с запретом на изображение: «И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божиему сотворил его; мужчину и женщину сотворил их» (Быт. 1, 27). То есть речь в здесь идет не о статуях, ибо Бог являет свою вездесущность посредством живых людей в качестве его «статуй». Но поскольку они божьи статуи, они не являются рабами.

Подобие человека Богу является основой библейской антропологии. Из нее проистекает конкретное развитие законодательства. Законы служат величию и достоинству человека, причем каждого человека, независимо от его общественного положения и наличия богатства.

6. Новый завет — это не трансценденция политического видения Израиля, «перемещения» его в потусторонний мир. Иисус начинает свою проповедь с политического послания: «Дух Господень на Мне; ибо Он помазал Меня благовествовать нищим и послал Меня исцелять сокрушенных сердцем, проповедовать пленным освобождение, слепым прозрение, отпустить измученных на свободу, проповедовать лето Господне благоприятное» (Лук. 4, 18-19). «Лето Господне благоприятное» отсылает нас к Ветхому завету, к институту «года свободы»; пятидесятый (юбилейный) год в Израиле — год отмены всех долгов, когда все долговые тюрьмы откроют свои ворота и все имущественные отношения будут восстановлены для всех. Это почти коммунистическое видение. Как бы новое создание реального равенства для людей раз в пятьдесят лет.

Евангелие столь же политично в своей критике «золотого тельца», клановой морали и использования права как инструмента во имя властных интересов. «Суббота для человека, а не человек для субботы» (Мар. 3, 27).

Евангелие, так же как и Тора, не рассматривает бедных как нищих. Нищета унижает человека, лишает его прав. Псалмовая молитва бедных не гласит «Сделай меня богатым», в ней говорится: «Дай мне право». Это ярко раскрывается в Евангелии благодаря богословскому представлению о том, что Бог становится человеком среди бедных. Отождествление Бога с бедными служит проявлению их благородства.

Это следует воспринимать в первую очередь с точки зрения религии, а не морали. Различие между богатством и бедностью не тождественно различию между добром и злом. Есть злые нищие люди и добрые богатые, и различие между добром и злом не решает в конечном итоге, обладает ли человек благодаря своему достоинству основными правами или нет. Он их имеет независимо от того, каковы моральные различия.

7. Использование религии в качестве инструмента власти является постоянным искушением для верующего человека. Это относится и к христианству, постулаты которого использовались для легитимизации насилия, обеспечения отношений господства, национальной культурной идентичности, для лишения прав у людей других конфессий. Искушение властью сопровождает подобно тени любую религию. Одно время атеизм представлялся единственным выходом: нет веры в Бога — нет и ее инструментализации. Но атеизм тоже связан с религиозной трансценденцией власти. Об этом, в частности, писал о. Александр Мень, размышляя над образом зверя из тринадцатой главы «Откровения Иоанна Богослова», где сказано: «Кто подобен зверю сему и кто может сразиться с ним? И даны были ему уста, говорящие гордо и богохульно». (Очевидно, речь в данном случае идет о наместнике римского императора в Малой Азии.) Мень продолжает: «Эта мысль поразила меня еще в школьные годы, когда на тренировке в результате несчастного случая погиб мой одноклассник. Те, кто находился с ним в последние минуты, рассказывали, что, умирая, он говорил со Сталиным, который пришел взять его к себе. Нас, его товарищей, это озадачило: прежде мы не замечали в нем какой-то особой “идейности” (как тогда выражались). И в тот момент у меня впервые мелькнула догадка: “Ведь это религия!”. В душе умирающего нечто высшее, священное приняло облик отца, которого мы привыкли благодарить за счастливое детство».

Так атеизм превращается в религию рабства. Следовательно, внеполитическая трактовка религии тоже ничего не дает. Это знали и пророки, и Карл Маркс. Вот почему существует постоянная критика «опиума для народа», который так или иначе служит интересам власти.

Итак, христианское учение с самого начала носило политический характер, так как подвергало критике идеологию прежних богов. С одной стороны, ни одно из земных божеств, будь то Сталин или фараон, не является Богом. С другой стороны, христианство предполагает участие человека в политическом устройстве, в котором свобода, исходя из ее интерпретации в Торе, является самой важной, верховной ценностью.

Считается, что церковь как институт дискредитировала христианство и веру. Достаточно вспомнить в этой связи о Реформации. История церкви — это одновременно история грехов. Во что же верить и откуда брать веру? Из Библии? Не только. Источником веры является опыт, то, что можно пережить. Как человек верующий я говорю: Библия — это продукт Церкви. Что и отличает христианство от ислама. В исламе Бог диктует свой текст пророку, а в христианстве это не так. Христианство собирает свидетельства общения людей с Богом, то есть религиозный опыт. Церковь же делает такие тексты аутентичными. Библия возникает через Церковь, которой в наше время следует быть общностью людей, открытых общению с Богом, ибо только так восстанавливается духовная традиция.

Что можно делать практически, если религия отождествляется с насилием? Надо противостоять власти и насилию. Теология всегда признавала эту проблему. Защищаться можно и должно, уважая в

противнике человека, а не превращая его в монстра, не поддаваясь чувству мести: око за око, зуб за зуб. Даже враг имеет право на справедливое к нему отношение. Нельзя через несправедливость и насилие превращаться в несправедливого.

Деятельность церкви носит политический характер. Она благословляла насилие, а еще недавно — жестокость революции. Последние 50 лет в Латинской Америке католическая церковь была на стороне власти, поддерживала движение бедноты с теологической точки зрения. И вновь попала в сферу логики насилия. В лоне католической церкви эта тема остро обсуждается.

Церковь — это живой организм, в котором существуют различные воззрения и рождаются конфликты. И, как я уже сказал, проблема насилия связана с необходимой защитой, которую теоретически решить невозможно. Ведь бывает так, что человек должен защищаться от могущества тех, кто разрушает жизнь его народа и его собственную. Такое возможно. Поэтому христианство не тяготеет к абсолютному пацифизму.

Как и иудаизм, христианство содействовало развитию техники и секуляризации мира. Однако возвращение к обожествлению природы невозможно, потому что это означало бы обожествление власти — то, от чего иудаизм и христианство когда-то освободили мир.

Сегодня мы стоим перед проблемой: дозволено ли человеку делать все то, что он в состоянии сделать? В Германии продолжается большая дискуссия о пределах вторжения науки в исследования человеческого организма. Есть ли тут какая-то граница? Религия сегодня скорее поддерживает мнение о том, что она есть, и человеку переходить ее нельзя.

Христианство — не враждебная технике религия. Она обеспечивала прогресс, но в то же время определяла его пределы. Я полагаю, что ликвидация таковых в Европе произошла в девятнадцатом веке, когда Фейербах, Маркс и их последователи свели Бога к разуму, границ которому уже не создавали.

То, о чем я говорил в отношении католической церкви и христианского богословия, в целом известно. Вопрос заключается в том, какие из этого следуют выводы и конкретные уроки.

Существуют разные позиции. И в христианской церкви продолжают споры. Что бы, например, сказал по их поводу Игнатий Лайола, основатель ордена иезуитов?

Существует две формы христианства. Одна — традиционная, когда люди ходят в церковь, молятся, вознося именно те молитвы, которым научились от родителей, находятся в согласии с религиозной традицией. С другой стороны, есть люди, которые видят, что Бог актуален в их жизни. В этом случае происходит конверсия, которая выводит человека из устоявшейся веками традиционной религиозности, из традиционного христианства во имя Христа. Так произошло как с Лайолой (а в другой форме — с Лютером), так и со многими христианами.

Социолог склонен описывать христианство как социологический феномен. Меня же интересуют люди, которые через свой религиозный опыт начали всерьез относиться к Богу и религии, причем таким образом, что это меняет всю их жизнь.

Российские реформы и общественная солидарность

Испокон века Россия отличалась от других современных стран отсутствием общественной солидарности. «Реформы сверху» и «сопротивление» им, которое было свойственно не только низам, но и консервативной части чиновничества и интеллигенции, обеспечили постоянство «гражданской войны», которая не давала укорениться реформам, а России стать успешной страной в конкурентном мире. Отсюда — волнообразный ход ее истории, то временные успехи, то глубокие откаты и застой. Принципиальный прорыв, который совершила Россия в последнее десятилетие, не ослабил тем не менее внутреннего накала. Политическая стабильность и относительная прозрачность результатов процессов не решили проблемы отсутствия общественной солидарности относительно основных направлений модернизации общества и государства.

*Александр Согомонов,
академический директор,
Центр социологического
образования РАН*

Социально разбегающаяся страна

Сегодня мы находимся в условиях абсолютной политической стабильности. Кто против этого утверждения? Мы действительно живем в условиях большей предсказуемости и ощутимой стабильности. Однако стоит оговориться: довольных этой политической стабильностью становится все меньше. Парадоксальная ситуация: мы жаждали этой стабильности, но, получив ее, поняли, что она нас не устраивает, в том числе и потому, что какая-то важная часть общественных смыслов нашей жизни постоянно от нас уходит. Уверен, что нет такой второй страны в мире, которая, как Россия, жила бы в разных исторических временах. Ничего лучше не описывает наше самое недавнее состояние эпохи начала реформ как следующие данные: приблизительно каждый пятый представитель трудоспособного населения страны менял работу чаще, чем раз в год, а почти половина не меняла ее ни разу в своей жизни. Как такое может быть в «одной» стране?

На самом деле мы живем в совершенно «разбежавшейся» во времени, но в рамках одного географического пространства, социальной жизни. По одну сторону — те, кто не понимает (и не принимает) ценности и нормы современного общества, по другую — те, кто не

только их хорошо освоил, но и отлично использует как свой индивидуальный ресурс. Когда едешь по стране по вертикали, скажем, от Вятки до Северного Кавказа через все малые города, испытываешь глубочайший шок. Люди живут настолько разнонаправленно, что можно в одном географическом районе встретить тех, кто живет в 20-х годах прошлого века, и тех, кто еще пребывает в XVII веке. Тех, кто по-прежнему витает в кухонном представлении интеллигентской жизни 1960-х, и тех, кто уже улетел в космос индивидуализированного «общества мечты», и т.д. В этом смысле Россия — слепок глобализации с ее общественным разнообразием и разнообразием, но при этом она не похожа ни на какую другую цивилизационно близкую ей страну «продвинутого мира». Отважусь утверждать, что сегодня в России не существует самого элементарного понимания смыслов общего существования и развития. Чтобы глубже понять проблему, заглянем в историю.

Цивилизация «И»

Несколько лет назад я случайно наткнулся на трактат Василия Кандинского 1925 года, опубликованный в Берлине с потрясающим названием «И». В нем он утверждает, что вся предшествующая XX веку история и сам XX век были построены на логике «или-или». В основе современной истории всегда лежал жесткий выбор. Либо капитализм, либо социализм, либо либеральный путь, либо консервативный и т.д. Словом, либо «черное», либо «белое» в культуре и социальной жизни. Кандинский писал, что послевоенная ситуация начала XX века дает основание утверждать, что к концу его наступит новая цивилизация «И», в которой крайности смогут ужиться в одном обществе, в одном социальном пространстве. Между тем общество в его современном понимании было сформулирова-

но в России только в большевистском проекте, когда действительно все слои были перемешаны. И в результате такой мясорубки сформировалась ситуация, когда неважно, богат ты или беден, все расположены в горизонтальной плоскости. То есть наша первичная идентичность — это горизонтальное сопоставление людей, стоящих рядом и одинаково в каких-то базовых основаниях принимающих одну и ту же игру. Так как не было ни одного опыта, когда российское общество стремилось *самореформироваться*. Вспомним, что реформы в России всегда проводились сверху, навязывались политической волей.

В этой связи основная проблема сегодня — выбор пути дальнейшей модернизации страны. Если логично предположить, что модернизация по традиции вновь будет «навязываться» сверху, то это будет означать, что мы всегда будем отставать от всех стран, с которыми мы стараемся конкурировать, ибо меняемся по логике «или-или». Многие наши конкуренты не конструируются сверху, они меняются под действием внутренних импульсов, и их «мир» становится отличным от нашего. Там Общество строит удобную для себя власть, а у нас по-прежнему Власть конструирует удобное для себя общество.

Нескончаемая модернизация в России неизменно ставит вопрос о природе и истоках нашей солидарности. И здесь мы сталкиваемся с загадочным «И». Если по отдельности слова «модернизация», «солидарность» не вызывают вопросов, то союз «И» между ними применительно к России остается непонятным.

Опаздывать и бежать

Два глагола русского языка отмечают исторический путь нашего народа на протяжении, по крайней мере, последних четырех столетий — опазды-

вать и бежать. При кажущейся их смысловой связанности они на самом деле описывают различные состояния нашей прошлой и настоящей культуры. Складывание российского общества и становление квазисовременного российского государства постоянно обострялись состоянием цейтнота, а точнее, той катастрофической нехваткой времени, при которой переживание отставания от развитых стран Запада становилось не только фактором выживания страны, но и рациональным обоснованием буквально всех социальных, экономических и политических программ развития. Закрепившись в сознании и став устойчивой характеристикой умонастроения людей, отставание постепенно обрело контуры общей и фатальной «отсталости». А уж отсталость — в качестве фоновой и отчетливо осознаваемой исторической неизбежности — стала диктовать свои «правила игры» как для российских правителей, так и для ведомого ими народа. Отсталость ставила государственные задачи и принуждала общество к принятию роли жертвы исторически отстающего народа. Постепенно «отсталость» вошла в норму, обрела институциональный характер и легла тяжелым бременем в основу коллективных переживаний народа. Весь вопрос заключался в рефлексии по поводу степени отставания. И сколько бы попыток преодоления статуса отстающей страны ни предпринималось, каждый раз они завершались ощущением еще более углубившегося разрыва между нами и всем остальным развитым миром.

В то же время открытое — географическое и социальное — пространство России всегда сохраняло для нашего соотечественника потенциальную возможность для «выхода» из опаздывающего общества. Реформы и контрреформы, конфликты, потрясения, государственные перевороты, внутренние войны — все это **ни разу** не закончилось в истории страны солидаристическим согласием (примирением), а все-

гда кончалось **исходом** той или иной части населения за официальный горизонт социальности (расколом). У проигравших оставалась лишь одна социальная перспектива — бег. Правда, бежали по-разному. Бежали на север и на восток, мигрировали на запад и на юг, прятались в лесах и в горах, а то и просто замыкались в себе, уходили в пьянство и т.п.

Может ли народ, который то опаздывает, то бежит, ощутить себя «нацией»? У нас есть граждане, но нет «гражданской нации». Способен ли народ, который то опаздывает, то бежит, выработать позитивные солидаристические идеи? Ответ, как кажется, очевиден: вряд ли...

На развалинах советской пирамиды

Появление новых социальных и культурных координат в постсоветском российском обществе — самое интересное явление последних лет. Обычно общество мыслит само себя как пирамидальное: классическая пирамида — низ, середина, верх.

Советское государство развалилось политически. Но общество на месте его развала осталось тем же. А какой была «советская пирамида»? Самой низкой за всю новую историю человечества! Она изначально была выстроена как низкая пирамидка, настолько эгалитарным предполагалось ее основание (социальная тождественность в бедности и несправии «советских людей»). Верхушка жила своей жизнью, постоянно внутренне модифицируясь, но в неизменном «отрыве» от общества. Только теперь пирамида постсоветского общества начинает потихоньку вытягиваться вверх: одни вырастают, другие уходят вниз, между ними возникают дистанции. Но конфигурация уродлива: слишком велики разрывы в теле пирамиды — там, где должны быть «скрепы». Стратегии жизни людей в вершине, сере-

дине и внизу общества — совершенно различные.

Нередко экономисты обращают внимание на парадокс российской хозяйственной системы: невозможность начать бизнес «с нуля» и пройти по ступеням укрупнения до самого верха. Между уровнями бизнеса, как и между ступеньками социальной мобильности, не существует лифтов и перемещение снизу вверх как массовая практика невозможно. Средний и крупный бизнес чаще всего сохраняют статус, с которого начинались. Это означает, что мы имеем капиталистическую экономику, но не имеем капиталистического общества со свойственной ему солидарностью.

Сейчас никто не хочет быть простым «советским человеком». Ни внизу, ни в середине, ни сверху. Но стратегии человеческой жизни столь различны, что люди разных уровней просто-напросто друг друга не понимают. И чем дальше, тем отчетливее они осознают, что **не хотят** понимать друг друга. Соответственно возникает вопрос: а есть ли выход из сложившегося солидаристического кризиса?

Концепции идентичности и солидарность

Сегодня поиск общего выхода имеет самые разнообразные сценарии. Я проводил интервьюирование многих экспертов относительно нашей общей идентичности, задавая один и тот же вопрос: «Какова идентичность России?». В итоге стало очевидно, что сегодня российская власть и российская элита находятся на развилке пути к солидарности. Имеются два крайних сценария решения проблемы выбора — примордиалистский и конструктивистский. Примордиалисты исходят из того, что этничность — это исторический факт, это объективная реальность страны. То есть они утверждают, что прототипы наций существовали

как данность с самого начала человеческой истории и что людям, принадлежащим к одной этнической общности, изначально и навсегда присущ некий набор культурных свойств, обуславливающих их поведение. А отсюда следует: у России был и по-прежнему имеется один солидаристический сценарий следования «своему» (чаще понимаемому как особый!) пути развития. Его трактовка принадлежит Власти, а обществу остается лишь принять его как культурную данность. Конструктивисты утверждают, что этничность — не простой, а сложный факт. А точнее, этничность есть манипулируемая субстанция, которую можно именно сконструировать на основе сознательных, целенаправленных и систематических усилий культурных и политических элит. Их сценарий солидарности — в искусственном построении «Гражданской нации», и если понадобится — в кардинальном разрыве с историческими традициями страны.

Транзит по-русски

Диагноз сегодняшнего развития страны я сформулировал бы очень просто: мы не завершили транзит, потому что не определились, какой исторический багаж мы навсегда оставляем в прошлом и какой приобретаем для будущего. Мы «заболтали» свой исторический транзит: мы все еще живем в культурном пространстве, не имея простых ответов на три базовых вопроса: каковы цели нашего исторического транзита? кто является субъектами общественной солидарности? в чем предмет нашего транзита?

Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо осознать, что до сих пор мы не смогли добиться ни политического, ни гражданского, ни национального согласия относительно самых фундаментальных для нашего совместного существования смыслов.

Первое условие успешного транзита — это когда ни одна из участвующих в политике сторон не подвергает сомнению основы, на которых строятся политические процессы, принципы построения демократических институтов и процедур, конкуренция, ротация власти и т.д. Второе требует, чтобы основные политические субъекты договаривались о том, что является основой гражданского состояния в стране. Третье заключается в решении проблемы самоидентификации в новом культурном контексте. Все попытки в 1990-х придумать для нас новые гражданские словосочетания, например, «россияне», почему-то никак не приживаются. Происходит это не только потому, что нет отчетливого понимания, что такое «россияне» вообще, а скорее потому, что за этим ярлыком — непрозрачная реальность. Одним словом, мы не развели нашу с вами собственную этничность с гражданской нацией. Вот мы и остаемся по-прежнему в состоянии «депрессивной нации», которая то бежит, то опаздывает. И совершенно не ясно, каким образом в этом движении достигается общественное согласие, кто с кем договаривается на разных ступенях лестницы «власть—общество».

Возразить нельзя согласиться

Популярность сегодняшней исполнительной власти очень просто объясняется. Нормальный человек, живущий в нашей стране, даже трезво взвесив, не понимает, кому он мог бы делегировать полномочия кроме тех, кто сейчас действительно управляет страной. Есть ли у избранного президента политическая альтернатива — вопрос риторический, ведь он безальтернативно пришел к власти. Не случайно мы сегодня заинтригованы персональными отношениями внутри модели «тандемократии» больше, чем любыми другими вопросами стратегии и тактики развития.

Поэтому зачем нам договариваться, когда власть сама предложит Модель? Нам предложат — мы согласимся. Но это же никакое не «согласие»! Общественное согласие возможно только в условиях полилога, когда много участников коммуникативного процесса. А здесь нет и простого диалога. Помимо вопроса «С кем?» еще страшнее вопросы «О чем договариваться?» и «Кто является гарантом нашего согласия — человек, люди или институты?». Может ли сегодня исполнительная власть гарантировать согласие? Вряд ли, так как она претендует на всеобъемлемость. Раньше мы наивно предполагали, что парламент сможет стать площадкой выработки согласия, но он слишком слаб политически и морально. Вводить какой-то новый согласительный орган — и без того публичная сфера институционально перенасыщена. Словом, у меня нет однозначных ответов на эти вопросы. Впрочем, поиском ответов не должен заниматься отдельный человек, они рождаются в публичных дискуссиях. Но и там пространство взаимодействия неуклонно сокращается.

Я думаю, что сегодня как никогда остро перед российской политической элитой стоят три важнейшие задачи: как распорядиться тем, что она получила; как обеспечить, чтобы между обществом и властью возник действительно конструктивный и партнерский диалог; как добиться того, чтобы общество не просто соглашалось, но и могло возражать, а в итоге понимало, что сегодняшний курс является курсом, им одобренным. В заключение повторюсь: на сегодняшнем этапе российской модернизации самая главная проблема — добиться общественной солидарности по поводу правил игры и ценностей, чтобы добиться успеха. Без этого мы останемся на задворках мира «или-или» и никогда не приблизимся к заветному «И», открытым нашим великим художником и ярким мыслителем.

Андрей Захаров,
редактор журнала
«Неприкосновенный запас»: *дебаты о политике
и культуре»*

«Национальный лидер» как симптом

Рассуждая о непоследовательности петровских реформ, Василий Ключевский замечает, что с модернизацией государственного аппарата великий царь не справился. Ибо в административной машине, которую он создал, *лица взяли верх над учреждениями*. В этом, по мысли историка, заключалась одна из напастей славного царствования — упущенный шанс, непростительное пренебрежение институциональным фундаментом общественной жизни, отозвавшееся потом многократно. Нам не было бы дела до той давней истории, если бы в России XXI века пагубное увлечение «лицами» в ущерб правилам, принципам и установлениям навсегда отошло в область предания. Но поскольку страна вновь переживает муки становления очередного «национального лидера», неплохо было бы понять, чего следует ожидать от такого приобретения.

«Национальные лидеры» не слишком ответственны

Выдающаяся особенность любого «лидера нации», «вождя», «руководителя страны, народа и партии» состоит в том, что он *принципиально не связан политическими ограничениями*. Ведь он — не какое-нибудь ведомство, опутанное регламентами и условиями, а личность, свободно намечающая и реализующая великие предназначения и планы. Этой человеческой своей ипостасью он, собственно, и привлекает массы. Невозможно представить себе отношения любви между учреждением (например, парламентом, пусть даже британским) и народом; но вот «национальный лидер» вполне может состоять с гражданами в самой душевной связи. О Конституционном суде не получится сложить песню, сколько ни старайся, но зато «лидер» в состоянии стимулировать самые искренние творческие порывы во всех без исключения науках, искусствах и ремеслах.

К сожалению, с безбрежной человечностью «национального лидера» связаны не только сильные, но и

слабые его стороны. Подобно всякому человеку, он может ошибаться. Более того, он допускает просчеты чаще любого коллегиального органа, так как физически не способен осваивать весь массив объективной информации, пользуясь лишь специальными выборками «фактов», которые готовятся для него уполномоченными на то лицами. В закрытой политической системе альтернативные данные просто не в состоянии достичь глаз и ушей верховного руководителя: оппозиции, имеющей реальную возможность прийти к власти, в стране нет, поэтому иными взглядами и прогнозами можно откровенно пренебрегать. А так как связь «лидера» с гражданами является *прямой*, то есть не предполагает посредников в лице учреждений, структур, институтов, поправить его в тяжкую минуту ошибки абсолютно некому. В особенности там, где граждане не привыкли и не приучены реагировать на душевные и материальные порывы начальства.

Между тем если принятие решений в лично ориентированной политике есть вещь сугубо индивидуальная, то ответственность за промахи здесь, напротив, никогда не бывает только личной: расплачиваться, пусть даже с отсрочкой, приходится всему народу. «*Национальный лидер*» есть *фигура безответственная* в силу уже своего положения. Что самое печальное, такие «акторы» нередко склонны к авантюрам во внутренней и внешней политике — например, они любят повоевать, что в сочетании с безответственностью ведет порой к грустным итогам.

Появление «национального лидера» означает решительное упрощение политического ландшафта страны. Правила, по которым начинает функционировать политическое сообщество, оказываются, во-первых, чрезвычайно простыми, а во-вторых, крайне текучими. В отличие от неуклюжего института или неповоротливого учреждения, «лидер» оперативно реагирует на меняющуюся ситуацию: это еще одна сильная его сторона. В эпоху глобализации с присущей ей компрессией времени и пространства такое умение может оказаться весьма полезным. Но оно дезавуируется отдельным «минусом» — великим соблазном *действовать, руководствуясь чистой целесообразностью*. Комфортно разместившись за оградой политической системы, первое лицо практически не получает импульсов извне; еще бы, кто, пребывая в трезвом уме, рискнет поучать самого «национального лидера»? С его утверждением на место классической расчлененности власти («сдержки и противовесы») или хотя бы вымученного изображения таковой приходит концентрированная монолитность: задача всех без исключения институтов сводится лишь к тому, чтобы поддерживать лидера в его *заведомо благих* начинаниях. Причем формальное положение великого человека в государственной машине — первая, вторая или третья роль — тут вообще не имеет значения. Аятолла Хомейни, как известно, вовсе не имел должности, что не помешало ему энергично прибрать к рукам весь Иран. А владелец Ливии вполне уверенно ощущает себя в звании полковника и уже много десятилетий нисколько не растет по службе, довольствуясь скромным титулом «лидера национальной революции».

«Национальные лидеры» не могут без национализма

Кстати, все вышеизложенное чревато еще одной неприятностью. Ведь подъем очередного «отца народа» в любой стране сопровождается оживлением идеологии, которую называют «органическим национализмом». Она исходит из мнимой целостности и надуманного единообразия политических устремлений общества («главное — во что бы то ни стало сохранить единство народа»), а также из наличия первозданного этнического ядра, на которое, собственно, и наращивается государство. «Национальный лидер» означает *неизменное засилье официального национализма и официальной религиозности*, с этим национализмом связанной. Отнюдь не случайно появление подобных персонажей сопровождало становление современных наций, будь то в Европе или в иных частях света.

К сожалению, вечно отстающая в своем политическом взрослении Россия «проспала» процесс формирования нации: многие специалисты не без оснований полагают, что русские, увлекшись имперским строительством, так и не стали нацией в полном смысле слова — им было некогда заняться собой, поскольку они вечно «поднимали» национальные окраины. «Строительство государства в России мешало строительству нации», — утверждает британский историк Джеффри Хоскинг*. Сейчас, казалось бы, когда приходится наверстывать упущенное, национальный лидер более чем уместен, ибо он помогает консолидировать страну, а заодно и «нацию». Не ясно, правда, какую именно. Подвох здесь в том, что Россия многонациональное государство. А это значит, что многих ее граждан не могут не смущать как беспрестанные разговоры о безмерном величии «русского национального гения», который всегда и всех побеждал, так и разбухающая на глазах общественная роль православной церкви.

В принципе *для полиэтничных обществ модель «национального лидерства» можно считать противопоказанной*. Ведь, вместо того чтобы практиковать сложность и многообразие социальной жизни, она исходит из ее простоты и примитивности. В итоге для решения весьма запутанных проблем предлагаются *простые* рецепты, которые, как правило, заимствуются из вчерашнего или позавчерашнего дня и щедро приправляются демагогией. Поскольку «вождь», как я уже говорил, не связан конвенциями и правилами, никем не контролируется, а действовать предпочитает «целесообразно», именно к таким решениям он и тяготеет. Их негативный эффект может проявляться далеко не сразу, что порой вводит в заблуждение тех, кто очарован динамизмом и деловитостью энергичного «первого лица». Лидеры, однако, со временем занимают свои места в мавзолеях и летописях, но зато неприятности, на которые они предпочитали закрывать глаза, остаются. Примеров опять-таки великое множество.

* Хоскинг Дж. *Россия: народ и империя (1552–1917)*. Смоленск: Русич, 2000. С. 11.

Марк ди Сувэро. Ангел штормов. 1973

«Национальные лидеры» не в ладах с миром

Еще одной особенностью «национальных лидеров» всегда было то, что они, а вместе с ними и целые страны, вечно ощущали себя во враждебном окружении. Мышление в алгоритме «враги убили Кирова» отнюдь не прихоть, но жизненная необходимость — это наиболее эффективный способ пресекать все разговоры о последствиях дурной политики, провалившихся проектах, бесчисленных и никак не убывающих несуразностях жизни. В силу априорной неразумности «народа» полагаться на него нельзя, и поэтому руководителю нации приходится самому выбирать, с кем страна должна или, напротив, не должна дружить. Векторы при этом вырисовываются самые неожиданные и труднообъяснимые — в конце концов, это ведь дело вкуса. Далее, вождь всегда стоит за «сильное» государство, причем под «силой» понимаются не накормленные старики или обогретые беспризорники, но исключительно способность к продвижению «национальных интересов» в любом уголке планеты. Например, готовность послать свои эскадры во все океаны разом. Вопрос «зачем» тут более чем неприличен: враг, что совершенно очевидно, не дремлет, а на границе тучи ходят хмуро — разве этого не достаточно? В голове «национального лидера» идет нескончаемая война, ведь даже самая последняя мелочь может скрывать

в себе разящее жало враждебных внешних сил. Разумеется, общественная дискуссия на данную тему вождями не приветствуется — в «дилетантских разговорах» нет необходимости.

Политическим идеалом «национального лидера» может быть только империя, пусть даже очень скромная. Именно в эту матрицу наиболее органично вписывается пирамидально-любовная связь вождя с подданными. Но империя должна расширяться, таков закон ее жизни. Но если она не может расти физически, необходима хотя бы виртуальная экспансия. Именно поэтому «национальные лидеры» так любят самолеты, фрегаты, танки. Когда забираешься в подводную лодку, невольно возникает ощущение могущества, и не важно, что твой военный бюджет составляет лишь пару-тройку процентов от бюджета твоего главного «недоброжелателя». Все «национальные лидеры» заботились о своих военных расходах, особенно если у них вдруг появлялись лишние деньги. Поскольку они обычно проводят «активную» внешнюю политику, вся эта военная мощь, бывает, когда-то и где-то применяется — время от времени вожди воюют друг с другом. Впрочем, будем считать, что кальки Сомали и Эфиопии или Колумбии и Эквадора к России по умолчанию неприменимы.

Итог неокончательный, но неутешительный

Что же мы имеет в итоге? Восход «национального лидера» всегда связан с некоторыми неудобствами для страны и ее граждан. Во-первых, находясь за рамками политической системы, такой персонаж склонен к нарушению устоявшихся норм и правил, а также к прочей безответственности. Во-вторых, его появление влечет за собой всплеск национализма, ибо какой же «национальный лидер» без «нации», им любимой и его любящей? Наконец, в-третьих, «национальный лидер» лелеет оборонное мышление; его не оставляет ощущение, что кругом враги, ему хочется замкнуться от мира, постоянно вмешивающегося в его «внутренние дела», и дружить только с такими же, как он сам, «национальными лидерами». Кроме того, от обороны до наступления рукой подать.

Разумеется, предлагаемый здесь портрет основывается на обобщении повадок, присущих «национальным лидерам» других стран, как прошлым, так и настоящим. Нельзя исключать, что российский вариант этой политической конструкции будет совсем другим. Последнее утверждение, впрочем, скорее из разряда желаемого, нежели действительного. А закончить эти краткие заметки мне хочется ссылкой на писателя, который родился в маленькой стране, изрядно натерпевшейся от «национальных лидеров». По словам гватемальца Переса де Антона Франсиско, «у человеческого стада есть обыкновение брести вслед за своими лидерами до обрыва, чтобы дружно броситься в воду. Человечество предается этой забаве с пугающим постоянством, рискуя уничтожить себя собственными руками»*. Россия, безусловно, не Гватемала. Но что-то беспокоящее русское ухо в этой фразе все-таки есть.

* *Цит. по: Варгас Льоса М. Тетради дон Ригоберто: Роман. М.: Иностранка, 2008. С. 226–227.*

«Я не согласен...»

Прочитав эссе Андрея Захарова, я почувствовал себя в ситуации почти забавной: полностью разделяя общий пафос автора, я не согласен почти с каждым его частным тезисом. Я разделяю его отвращение к институту «отца народа», полагаю, как и он, что расцвет такого института опасен для каждого народа как временная слепота или помешательство. Однако его аргументы вызывают возражения, а то и раздражение.

Главное, что раздражает, — это то, что А. Захаров чрезмерно упрощает тему. Для него национальный лидер — это только самодержец, а вернее — диктатор, тиран. Это странно. Спектр известных истории национальных лидеров гораздо богаче. Сплошь и рядом политик становится национальным лидером в условиях демократических и не проявляет никаких потенций диктатора. Взять хоть Ганди, хоть Гавела, хоть Линкольна. Другое дело, что практически все диктаторы старались выдать себя за национального лидера, это было им важно чисто инструментально, но, как говорится, всякая селедка — рыба, но не всякая рыба — селедка: всякий диктатор «косит» под отца народа, но не каждый национальный лидер — диктатор. Словом, А. Захаров толкует в основном о деспотии, притом скорее в ее античных, почти легендарных формах, которые давно уже просто немыслимы в современном мире — они не работают и выглядят каким-то анекдотом.

Ключевой тезис А. Захарова, постоянно возникающий в его тексте, таков: национальный лидер не связан политическими ограничениями. Это не так. Даже самодержец ограничен принятыми им самим законами, не говоря уже о том, что он постоянно вынужден принимать в расчет интересы собственного окружения, будь то класс или клика. История России плодоносит примерами таких ограничений. Неудивительно, что вся механика власти НЛ описана в таких мрачных красках, что остается только даваться диву, как это подобная конструкция могла существовать на протяжении тысяч лет — а ведь она и вправду господствовала на протяжении почти всей истории человечества, воплощаясь в царях, королях, императорах, султанах и прочих магараджах. Такая

*Леонид Смирнягин,
доктор географических наук,
профессор Московского
государственного
университета
им. М. В. Ломоносова*

«забывчивость» возможна лишь в том случае, если оставить без внимания (как это и делает А. Захаров) едва ли не главное обстоятельство: в какой мере национальный лидер как институт власти соответствует состоянию самого общества.

Об обществе как самостоятельном акторе у А. Захарова вообще речи нет, а зря. Взамен чрезмерных проклятий в адрес национального лидера ему стоило бы порассуждать о том, как сам народ порождает отца своего, как в нем вызревает странная нужда в сервиллизме, под которую он готов обожать почти любого, кто в данный момент взгромоздится на престол. В наши дни это случается сплошь и рядом, особенно после крупных общественных потрясений, когда народ вдруг чувствует усталость от перемен и хочет забыть о политике ради бытовых нужд. Вот это и есть главная объективная основа для культа отца народа, а не злокозненные происки самого претендента в отцы. У Алексиса де Токвиля есть насчет этого такая сентенция: свобода обременительна, она нуждается в повседневном культивировании, народы порой устают от такого труда и впадают в политическую апатию, предоставляя властям делать что угодно, и опоминаются только уже впав в полное ничтожество.

Институт НЛ настолько не нравится А. Захарову, что для его обличения он готов привлекать аргументы даже взаимоисключающие. У него национальный лидер одновременно поднимает волну национализма и мечтает об империи. Между тем классическая империя находится с национализмом в весьма сложных отношениях, потому что она претендует на объединение разноплеменных образований. Россияне — нация имперская в недалеком прошлом, а нынешний всплеск национализма как раз и говорит о постепенной утрате им данного качества, то есть о деградации, о неуклонном падении ранга до нации регионального значения.

Походя наш автор задевает некоторые фундаментальные вопросы — слиш-

ком фундаментальные, чтобы полемизировать с точкой зрения А. Захарова в этом небольшом формате. Таковы, например, его утверждения, будто русские так и не стали нацией в полном смысле слова, или что Россия — многонациональное государство (кстати, если 15 процентов нерусских дают для этого основания, то в мире, поди, и не сыскать хотя бы дюжины мононациональных государств).

Своеобразным юмором отдает заключительная фраза эссе А. Захарова: мол, его текст — это обобщение повадок национальных лидеров других стран. Если это не юмор, то чистое жеманство, потому что по тексту рассыпано немало намеков на «великого и ужасного» — и про подводную лодку, и про пару процентов от военного бюджета главного недоброжелателя (кстати, все-таки десятков, а не пара). Ясно, что речь идет о современной России и о Владимире Путине. Между тем как раз восемь лет правления В. Путина дали нам пример очень своеобразного национального лидера, мало похожего на образ, рисуемый А. Захаровым. В. Путин оказался на редкость неамбициозным политиком, власть сама по себе его не очень-то пленяла: в отличие от Б. Ельцина (который с удовольствием брался решать самые мелкие вопросы — лишь бы его спросили) В. Путин чурался текучки. Поэтому его правление отличали, среди прочего, слабый контроль над своей администрацией и командой в целом, позиция невмешательства президента в текущие дела, разгул «серых кардиналов». В недрах Государственной думы даже вызрело такое присловье: что значит «Кремль решил, Кремль требует, Кремль велел»? У Кремля много башен: есть Спасская (президент), есть Никольская (премьер), есть Спасо-Еленинская, где при Грозном Пыточный приказ был (ФСБ), а есть еще много других, в том числе безымянные — и каждая гнет свою линию...

В этом свете было бы нелепо приписывать В. Путину замашки тирана и деспо-

Ментейм Буунма. Дом надежды. 1997

та только потому, что он был как бы национальным лидером. Конечно, кое-что в его правлении давало основания для таких подозрений — например, избирательное применение прокурорских санкций против неугодных бизнесменов, отмена губернаторских выборов по вздорному поводу «борьбы с терроризмом». Подобные меры выглядели строительством властной вертикали, но на самом деле она так и не сложилась. Главные причины путинского реформирования политических институтов, на мой взгляд, вовсе не его диктаторские (якобы) интенции, а специфика мышления силовиков: для них гражданский строй государства и федерализм, в частности, кажутся конструкцией чрезмерно сложной для понимания по сравнению с той властной вертикалью, которая так уместна в силовых ведомствах, и они стараются упростить конструк-

цию до такого уровня, когда они начнут ее понимать, а поскольку у возможностей для понимания есть некие физиологические пределы, то это упрощение заходит порою весьма далеко, выхолащивая суть политических институтов до неузнаваемости.

Возможно, я слишком серьезно воспринял текст А. Захарова. Ведь видно же по вальяжности стиля и нарочитой небрежности, что это именно эссе, но не в духе монтеневских «Опытов», а в духе современного, где эссе отличается от исследования прежде всего необязательностью утверждений и даже безответственным упрощенчеством — этакая проба пера, шутка гения, заметки на полях. Все это больше напоминает живую речь. Поэтому если я не угадал с жанром своих реплик, то прошу прощения. Более уместным был бы жанр стеба, но из почтения к автору я на него не решился.

*Ирина Бусыгина,
доктор политических наук,
профессор МГИМО (У)*

Некоторые размышления о «национальном лидере»

Вождь и российское сиротство

Россия всегда была богата большими идеями на свой собственный счет. Обычно от них веет трагизмом и вообще сильными чувствами: это идеи о вечном одиночестве в мире без друзей, о высоком долге страны, жертвующей собой, чтобы преподнести всей планете урок, об особой и всечеловеческой миссии. Важное место в этом идейном своде занимает мысль о неспособности российского народа решать какие-либо масштабные задачи без предводительства *сильного лидера*. Наша история, говорят сторонники такого взгляда, изобилует многочисленными тому подтверждениями: здесь и Петр, прорубавший окно в Европу, и Ленин, раздувавший всемирную пролетарскую революцию, и Сталин, совершивший индустриализацию огромной, но отсталой страны и силой своего гения победивший фашизм. Да, конечно, приходилось идти на жертвы, но их неизменно затмевали великие прорывы. «Народ-овощ» или «народ-богоносец» — вот две ипостаси восприятия соотечественников, присущие сторонникам подобного подхода. Наш народ, полагают они, или вообще неспособен ни на что путное, находясь от века в «первозданно природном» состоянии, или же ему просто некогда заниматься мелочным обустройством собственной жизни, поскольку его миссией являются исключительно великие дела. Поэтому при любом раскладе в российской повседневности без лидера просто не обойтись. В общем, такие вот «высокие отношения» между лидером и народом.

Ничего нового в последнее время по части идей у нас не придумывается; в основном реанимируется не слишком забытое старое. Потребность в национальном лидере сегодня обсуждается все громче, эта идея в очередной раз стремительно набирает сторонников. Действительно, пора восстановить величие России, показать миру, что мы — не просто

страна в ряду других, но что-то особенное, небывалое. Мир должен это признавать, он обязан уважать нас и не забывать исправно выказывать это уважение. На чем будет базироваться величие — не столь существенно. По-настоящему важно то, что совершить прорыв в состоянии только лидер, великий человек.

Лидер какой нации?

Лидера, ниспосланного для реализации великих прорывов, обычно называют «национальным». Сразу же рождается неуместный во-

прос: а что, у нас уже есть-таки «нация»? В самой этой формуле изначально содержатся или наивность, или намеренное лукавство, поскольку в ней по умолчанию признается, что нация в стране уже присутствует или, по крайней мере, налицо все предпосылки для ее консолидации. Однако, что же это за нация? Речь идет о нации гражданской или нации этнической? Если верно первое, то она должна состоять из граждан — именно граждан, а не просто жителей. То есть людей, активных и равнодушных к тому, что происходит вокруг. Или, если хотите, людей просвещенных, чтобы уметь делать сознательный выбор, в том числе политический. Есть ли в России такая нация? Увы, нет в России такой нации. Ибо отсутствует критическая масса граждан, позволяющая говорить применительно к нам о «нации политической».

В таком случае, остается нация этническая? Но помышлять об этом в стране многих этносов, казалось бы, просто нелепо. Уж если очень хочется, то можно думать о «нациеобразующем» русском этносе; но тогда и лидера надо называть правильно: «русский национальный лидер». Имея при этом в виду, что обязательной «нагрузкой» к такому персонажу окажется большой русский национализм.

Так что следует признать, что «национальный лидер» есть просто фигура речи; на самом деле под ним подразумевается лидер не национальный, а харизматический и/или этнический. Такой вот особенный человек — мощной силы, с даром провидца и вдохновителя всех русских. В общем, как раз по мерке для великой страны: судьбоносный и богоданный.

Следует признать, что «национальный лидер» в России есть просто фигура речи; на самом деле под ним подразумевается лидер не национальный, а харизматический и/или этнический

Откуда он придет?

Лидеры, даже «национальные», не падают с неба. Не способствует появлению таких лидеров и скучный демократический процесс, в ходе которого глава государства определяется через процедуру

конкурентных выборов, а срок его политической «жизни» на посту главы государства заранее известен и конечен даже при безбрежной популярности. (В современных демократиях, кстати, подобный уровень популярности вообще маловероятен.) Наконец, идеология национального лидерства не вяжется с контекстом, в котором главе государства приходится учитывать множественность и разнообразие интересов и отказываться от волюнтаристских решений, поскольку это будет стоить кресла ему самому и репутации его партии.

В основном «национальные лидеры» появлялись в результате или переворотов (похоже, не наш случай), или же законной победы на выборах, за которыми — при попустительстве общества и деградации гражданской культуры — следовали разрушение многопартийности и устранение реальных политических оппонентов. Особый вариант являют общества, где политика выступает продолжением религии, а лидер национальный фактически оказывается лидером религиозным. Последний случай, однако, тоже не имеет к нам отношения.

В России, похоже, реализуется либо какой-то принципиально новый способ, либо мягкий (и весьма унылый) вариант второй из упомянутых опций — победы на выборах. Поле политической конкуренции сжимается, а голоса оппонентов звучат все глуше; церемония выборов соблюдается, но их результат известен заранее — на деле выборы предстают назначением на роль «национального лидера». Какая все-таки проза!

А что скажет остальной мир?

Андрей Захаров в своем материале правильно пишет о лозунгах для внутреннего потребления, которые несет с собой становление «национального лидера»: «отечество в кольце врагов», оборонное (я бы даже усилила: «амбразурное») мышление, реанимация империи и сильного государства. Чем ответит на это мир? Ответ, собственно, уже виден: достаточно взглянуть на развитие отношений между Россией и нашим соседом — Европейским союзом. Один из парадоксов их взаимодействия состоит в усиливающемся контрасте между бурно развивающейся взаимной торговлей и политическим диалогом, интенсивность которого, напротив, близка к «точке замерзания». К середине 2007 года позиция ЕС по отношению к России изменилась принципиально по сравнению с ситуацией, скажем, десятилетней давности: европейские лидеры признали свою неспособность влиять на реформы в России, приступив вместо этого к выработке общих мер, позволяющих нейтрализовать возможные негативные акции нашей страны в отношении единой Европы. Западные политики охотно идут нам навстречу: попытки россий-

ского руководства и кремлевских идеологов разыграть карту противостояния России как «энергетической сверхдержавы» зловредному Западу представляются ими в качестве вполне реальной угрозы Европе со стороны непредсказуемой России. Фактор российской опасности активно используется европейской бюрократией как предлог для того, чтобы обосновать делегирование Европейскому союзу дополнительных полномочий в сфере внешней политики. Такое расширение необходимо для укрепления ЕС в качестве наднационального объединения и превращения

В России церемония выборов соблюдается, но их результат известен заранее — на деле выборы предстают назначением на роль «национального лидера»

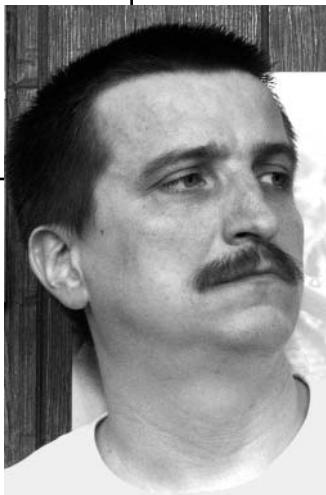
союза в полноценного и эффективного внешнеполитического игрока. Более того, общая тональность российской политики помогает европейской бюрократии убедить страны-члены ЕС согласиться на весьма дорогостоящие совместные меры, нацеленные на уменьшение зависимости от российских поставок нефти и газа.

Реализация такого сценария означает, что антироссийская коалиция будет расширяться, а нам в утешение останется весьма скромное число экзотических — по большей части утвердившихся за пределами Европы — режимов с собственными «национальными лидерами». Впору спросить: нам это надо?

О взаимной безответственности

Еще раз вернусь к тексту Захарова — туда, где речь идет о безответственности «национального лидера». Действительно, это явление абсолютно естественное, обусловленное самим его, лидера, положением. Он возвышается над всеми: и над институтами, и над массами, а ограничиваться по собственной инициативе, самому себя осаживать и бить по рукам, не имея внешних ограничителей, — это работа на редкого любителя, как в политической жизни, так и в частной.

Однако лидерская безответственность имеет и обратную сторону: это безответственность самих народных масс. Именно население дает лидеру мандат на высокие свершения, говоря при этом: «Ты знаешь, что и как делать. Мы верим тебе. Мы любим тебя. Ты любишь нас, и поэтому сделаешь все хорошо. Так действуй же!». Тем самым мы с удовольствием снимаем с себя тяжкое бремя ответственности — ответственности именно гражданской! — и движемся в направлении, противоположном гражданской нации. Мы (население, жители, граждане?), конечно, можем утешать себя мифами о нашем «народе-богоносце». Но на деле наша роль при «национальном лидере» — всего лишь роль овоща. Никак не более.

*Глеб Тюрин,
директор АНО
«Институт общественных
и гуманитарных инициатив»
(Архангельск)*

*Патриотизм, идентичность и политика**

1

Писать или говорить о патриотизме — заведомо непростое занятие. Споры на эту тему идут уже не одно столетие, причем не только у нас. Патриотизм, пожалуй, есть одно из самых «поляризованных» понятий, о нем, как правило, говорят или в превосходной форме, или как о чем-то почти недопустимом и неприличном. Достаточно сослаться на знаменитое высказывание, приписываемое англичанину Сэмюэлю Джонсону, жившему еще в XVII веке: «Патриотизм — последнее прибежище негодяев». А с другой стороны, приходят на ум не менее знаменитые слова о. Сергия Булгакова о том, что любовь к Родине — священное чувство, тайна каждого человека, такая же сокровенная, как его рождение.

Откуда такая противоречивость в подходах к одному и тому же феномену? Наверное, есть ряд причин этого.

Одна из них, наиболее очевидная, может заключаться в том, что патриотизм нередко перегружен политическими смыслами, встроено в политические доктрины. Ведь правящие элиты в кризисных ситуациях всегда стремятся использовать его в целях политической мобилизации, то есть в своих собственных интересах. Россия, кстати, в данном случае не исключение, особенно в последние годы, когда патриотизм превратился в один из основных идеологических инструментов, с помощью которых действующая власть очерчивает свои позиции в обществе.

Но, несмотря на сказанное, как мне представляется, патриотизм *нельзя воспринимать лишь как политический конструкт*, сводя его к набору идеологических штампов и пропагандистских приемов. Есть патриотизм — и патриотизм. Оба могут называться одним и тем же словом, оставаясь тем не менее совершенно разными явлениями.

Да, есть патриотизм как политический и пропагандистский дискурс. Он может быть разнообразным или унифицированным, радикальным или мягким, но в

* См.: Т. Гребенюк. *Оправданна ли монополия на патриотизм* // *Общая тетрадь*, № 4, 2007. — С. 39–53.

любом случае это есть нечто, созданное для реализации конкретных политических целей. Такой патриотизм отличается, если можно так выразиться, предметная осязаемость: он практичен, то есть сформулирован, отточен, продвигаем. Его можно видеть и слышать. Но одновременно есть патриотизм иного рода — патриотизм как *совокупность сокровенно, внутренне ощущаемых и переживаемых ценностей*. Такого рода стихийный и не слишком рациональный патриотизм миллионы людей носят в себе, в своих умах, сердцах и душах. Это переживание их неразрывной связи с Отечеством, которое, между прочим, может быть окрашено как позитивно, так и негативно. Оно зачастую не слишком оформлено или рационально фиксируемо, о нем не очень охотно говорят. Это то, что скрыто, но тем не менее *вполне реально*.

Думаю, очень важно не смешивать друг с другом эти два условно выделенных «потока». Между политической практикой и набором ценностей нельзя ставить знак равенства; следовательно, невозможно говорить о «патриотизме вообще». Разумеется, упомянутые измерения могут быть взаимосвязаны: ведь существование первого предполагает существование второго, практический, внешний патриотизм невозможен без ценностного, внутреннего патриотизма. Но все равно это не одно и то же. Убеждения настоящих патриотов могут не совпадать с официальными политическими доктринами, а иногда и напрямую противоречат им.

Да, патриотизм нередко превращается в составляющую политической практики, но при этом не надо забывать, что значительная часть интересующего нас огромного явления находится за пределами упомянутой практики. Следовательно, тут требуется более отстраненный и нейтральный взгляд. И наоборот, важно видеть, что происходит с патриотизмом в ценностном

его измерении, не политизируя обсуждение этого вопроса. Имея представление об эволюции патриотических воззрений за пределами политики, мы сумеем эффективнее выстраивать самую политическую практику.

2

Патриотизм имеет огромное значение в понимании коллективной (национальной) идентичности.

Патриотизм представляет собой один из базовых элементов построения любого большого социума, поскольку является *ключевым проявлением сложившейся в данном социуме коллективной идентичности*. Коллективная идентичность — довольно загадочное явление, с помощью которого социум (например, нация) осознает себя, создает внутри себя образ того, как люди, входящие в его состав, соотносятся друг с другом. Это способ идентификации того, каким образом индивиды объединяют свои «я» и что представляет собой их совокупное «мы». Коллективную идентичность можно также именовать «мы-концепцией» данного социума.

Понятие «мы-концепция» появилось в последние десятилетия, хотя мыслители и ученые давно бьются над пониманием того, что делает, скажем, итальянцев итальянцами, а норвежцев — норвежцами.

Уже французские просветители отмечали, что каждой нации присуще некое внутреннее ядро, задающее ее специфику и особенности. Позднее Виссарион Белинский сформулировал это так: «Каждый народ *имеет свою субстанцию*, как и каждый человек, и в субстанции народа заключается вся его история и его отличие от других народов». В XIX веке предпринималась длинная череда небезуспешных попыток понять и объяснить эту субстанцию. В начале XX века, пытаясь обозначить ее, французский социолог

Эмиль Дюркгейм ввел понятие «*менталитет*».

После открытия Зигмундом Фрейдом бессознательного и разработки Карлом Юнгом понятия коллективного бессознательного сложилось представление о том, что коллективная идентичность является разновидностью социального бессознательного. Дальнейшие научные открытия XX века внесли новую лепту в разработку этой тематики: появились учения о социальном поле и самоорганизующихся системах, нелинейных и напряженных системах, прочие разработки, которые углубили наше понимание коллективной идентичности.

Сегодня фактически сложился консенсус по поводу того, что коллективная идентичность («*мы-концепция*») есть система коллективного бессознательного данного социума. Это сложное и самоорганизующееся образование, которое вбирает в себя коллективные ценности, образы, способы мышления и действия, символы, нормы. Коллективная идентичность — загадочное явление. Хотя трудно понять, каким образом «*мы-концепция*» оседает в головах людей, вполне очевидно, что она определяет следующие важные феномены:

- *коллективное восприятие людьми своего социума как единого целого;*
- *коллективное представление о роли каждого внутри этого целого;*
- *связанную с этими представлениями коллективную картину мира.*

«*Мы-концепция*» определяет развитие нации, она «запускает» жизнь социума. Упрощая, можно сказать, что она содержит ответ на фундаментальный вопрос: «кто мы такие?». Ответы могут быть разными. Например, возможен такой ответ: *мы — братья и сестры, мы единая семья, в которой каждый думает об интересах каждого и готов помочь каждому.* Или другой ответ: *нам нет дела друг до друга, у нас каждый выживает как может.*

За каждым из подобных ответов стоит образ действий и образ мыслей.

Будучи усвоенными, запечатлеваясь в коллективных бессознательных моделях, создавая устойчивые социальные стереотипы, такие образы будут формировать конкретные сценарии. А эти сценарии, воспроизводясь снова и снова, будут предопределять путь общества. Если в коллективной идентичности возобладают одни образы, развитие пойдет по одному пути, другие — изменится и путь. Таким образом, коллективная идентичность так или иначе повлияет на идентичность каждого человека и в значительной степени определит его поведение.

«*Мы-концепция*» не дается раз и навсегда, она может меняться со временем, хотя это происходит не просто и не быстро. Например, она способна трансформироваться со сменой поколений, каждое из которых привносит в общественную жизнь новые черты и характеристики. Порой она делается иной в результате социальных катаклизмов. Например, наша коллективная идентичность существенно изменилась в 1990-е годы.

3

Патриотизм как проявление коллективной идентичности надо рассматривать в виде позитивной коннотации своей включенности в социум, как положительное соотнесение себя с социумом. Можно сказать, что это коллективный интегратор, решающий несколько важнейших задач.

Всякий человек осознает себя частью большого целого. Он есть часть своей страны, региона, города, деревни, рода или какой-то иной общности, которая для него значима. Именно через эту включенность формируется личность человека. Кроме того, таким способом преодолеваются внутренние противоречия, существующие в обществе. Ибо «*мы-концепция*» любого на-

Мартин Пурийяр. Без названия. 1997–2001

рода неоднородна. Это набор *разных* норм, образов, кодов, которые могут не просто отличаться, но и противоречить друг другу, конфликтовать между собой. Различными сторонами одной и той же идентичности могут быть и доброта, и жестокость. Скажем, русские люди предпочитают считать себя скорее душевными, открытыми, готовыми помочь ближнему. Но вот читаю Дмитрия Мережковского: нам, русским «не надобен хлеб: мы друг друга едим и сыты бываем». Социумы похо-

жи на людей, в них порой намешано разное, но при этом всегда есть доминирующие нормы и образы.

Патриотизм — бессознательная коллективная апелляция к тем нормам, образам, характеристикам, которые являются значимыми (или доминирующими) и одновременно наделяются позитивным смыслом.

Национальная идентичность почти всегда есть «договоренность» о неких общих ценностях и образах, это более или менее однозначное понимание и

толкование ценностей и образов. Она создает понятную картину мира, помогающую людям объединяться. Коллективная идентичность становится своеобразным «интегрирующим кодом». Наделенному ею человеку зачастую не требуются подтверждения, размышления, сомнения; идентичность делается своеобразным «пропуском», «проходным билетом». Обретя ее, как правило, впитав с молоком матери, человек получает, по сути дела, универсальный способ быть интегрированным. Одним из самых мощных и действенных способов социального объединения оказывается национальная принадлежность.

Идентичность земляков, «своих», живущих на своей земле или даже за ее пределами, — таков один из основных инструментов успешности, помогающий людям найти свое место в мире. К сожалению, русские все меньше и меньше понимают, что это такое. У других народов, напротив, мы часто наблюдаем совсем иное. Появляется, скажем, в каком-то российском городе представитель небольшого народа — вьетнамец или азербайджанец — и спустя какое-то время там уже оказываются несколько человек из той же этнической группы, которые активно поддерживают друг друга. Они коллективно решают задачи, коллективно отстаивают интересы, коллективно расширяют возможности, например, в бизнесе. Их национальная идентичность становится основой их успешности.

Но, возможно, какие-то люди не смогут принять те или иные коллективные нормы, которые присущи национальной идентичности. Не находя способов преодоления этого внутреннего конфликта, человек не сумеет активно действовать, он будет вынужден жить под угрозой исключения из социальной действительности. О патриотизме в таких ситуациях

говорить не придется. Напротив, в подобных случаях возникает стремление покинуть свой социум, перестать быть его частью. Это может стать причиной эмиграции или явления, называемого внутренней эмиграцией.

О патриотизме в России сегодня говорить непросто. Для миллионов людей, живущих на весьма скромные доходы в разных уголках нашей страны, острейшим образом стоит проблема несовместимости собственной идентичности с тем, что считается идентичностью благополучных и преуспевающих, пропагандируемой телевидением. Миллионы «старых русских» никак не могут поставить себя рядом с безумным богатством «новых русских». Они не готовы ассоциировать себя с тем, что в их представлениях абсолютно несправедливо: с таким положением вещей, когда национальные богатства захвачены небольшой группой лиц, интересы которой, по большому счету, не связаны с интересами страны.

Иными словами, у нас имеет место конфликт интересов, образов жизни значительной части элиты и большей части народа. Вообще-то это типичная для России ситуация, она характеризовала нашу страну на протяжении столетий. Вспомним дворянство, которое говорило по-французски, но при этом регулярно пороло своих крепостных на конюшнях. Никогда, однако, разрыв между элитой и остальным социумом не был таким разительным и таким чудовищным. Наше общество расколото, в нем сосуществуют несколько разных обществ. Та Россия, которая владеет большей частью российских активов, живет интересами, весьма далекими от интересов остальной России. И потому многим россиянам сложно ощущать себя патриотами той, первой части их родины.

4

Следует понимать, что без формирования позитивной коллективной идентичности невозможно говорить о развитии страны. И дело не только в создании некоего интегрирующего кода. Позитивная коллективная идентичность позволяет существенно увеличить энергетический потенциал социума, помогает аккумулировать новую, дополнительную энергию, заряженную на успех.

Человеческая энергия, выражающаяся в действиях, поступках людей, всегда носит направленный характер — это вектор. Энергия любого человека выходит за границы его физического тела. Способы передачи и распространения человеческой энергии разнообразны. У каждого социума есть собственное энергетическое поле, совокупность векторов и потенциалов всех его членов. В результате объединения этого запаса общая энергетическая составляющая системы может как увеличиваться, так и уменьшаться. Сложение противостоящих и разнонаправленных величин приводит к «вычитанию», снижению общего энергетического потенциала. А сложение синхронизирующихся, однонаправленных потенциалов способно спровоцировать настоящий синэнергетический скачок.

Включение в национальную коллективную идентичность всегда означает рост энергетической заряженности человека. Личность, испытывающая патриотические чувства, гордится своей сопричастностью, она переживает эмоциональный подъем. Такого человека отличает готовность отдавать, он готов помогать своей отчизне, идти на жертвы ради нее и даже погибать за нее. В современной России говорить и писать о таких вещах как-то неудобно, а многим подобные рассуждения вообще кажутся малопонятными. Мы напрочь забыли, что такое массовый патриотизм, не говоря уже о просвещенном патриотизме.

Стоит обратить, однако, внимание на то, что во времена испытаний патриотические чувства растут практически спонтанно: включается саморегулирующийся механизм выживания нации. И тогда ее представители, лидеры в том числе, снова вспоминают, что все они братья и сестры.

Формирование патриотизма как продуктивной национальной идентичности требует, чтобы в эту самую идентичность были включены нормы некоего социального договора, в частности требования справедливости и свободы. Возможно, на первый взгляд это кажется несбыточным. Но, повторяю, в конечном итоге все определяется формами интеграции, формами включения человека в социум, формами отражения этого в коллективной идентичности и идентичности индивида. Включенность — вот ключевое слово.

Огромные возможности в этом смысле предоставляет работа на местном уровне, а именно — развитие местного патриотизма. Ведь коллективная идентичность имеет несколько уровней, среди которых национальность очень важный, но не единственный уровень. Каждому человеку присущ целый набор идентичностей. В этом списке есть признаки первостепенные и второстепенные. Поведение же человека определяется прежде всего той частью идентичности, которая представляется наиболее значимой в конкретных обстоятельствах. И вот тут оказывается, что для любого из нас таковыми выступают местные вопросы и проблемы. Люди живут не в бесконечных пространствах страны, а на своей малой родине. Именно на местном уровне наиболее реально добиться настоящей включенности человека в жизнь социума. Поэтому, перефразируя известное высказывание, можно сказать: «Любой настоящий патриотизм — местный».

*Алексей Макаркин,
вице-президент Центра
политических технологий*

Эксперт при полуавторитаризме*

В современной России возрождается жанр политических дискуссий. Представители власти и оппозиции, выдвигая политические тезисы, апеллируют к сфере, которая традиционно относилась к экспертному знанию, понимая, что сугубо пропагандистские, не опирающиеся на серьезный фундамент лозунги воспринимаются обществом все с большим недоверием. Другое дело — тезисы, изложенные с привлечением внушительных цифр и исторических сравнений, вызывающих доверие к их авторам, которые предстают в качестве не только политиков, но и экспертов.

Проблема ангажированности

В связи с этим возникает необходимость отделить политическую составляющую от экспертной, ангажированные рассуждения — от основанных на объективных данных. Иными словами, функции политика и эксперта должны быть по возможности разделены.

По возможности, потому что никто не может запретить эксперту иметь свою гражданскую позицию. Эксперт это не компьютер, не робот, а человек со своими эмоциями, человеческими и политическими пристрастиями. Он участвует в выборах не только как специалист, но и как обычный гражданин, голосующий таким же избирательным бюллетенем, как и другие российские граждане. Однако эксперт должен сознательно отделять личные взгляды от своих оценок, которые он представляет обществу. В противном случае он втягивается в политические игры и вольно или невольно дезинформирует потребителей своей аналитической продукции, рассчитывающих получить объективный документ, а не рафинированный вариант политической агитации.

** Первоначальный вариант этого текста был опубликован в электронном «Ежедневном журнале» (www.ej.ru) в виде двух статей под названиями "Тоталитаризм и полуавторитаризм — две большие разницы" и "Политики и эксперты".*

Означает ли это, что для эксперта не существует моральных ограничений его деятельности? Разумеется, нет. Эксперт, обосновывающий геноцид или провоцирующий конфликты на почве ксенофобии, не менее преступен, чем непосредственные участники этих преступлений. Эксперт, пропагандирующий тоталитарный режим с лагерями для инакомыслящих, безнравствен — он не может прикрыть свое соучастие в злодействе принципом плюрализма мнений. Точно так же эксперт не может оправдывать террористов, какими бы высокими целями они ни прикрывали свои деяния.

В то же время для эксперта не может быть ложно понятого патриотизма или столь же ложно понятого следования либеральным принципам. Понимаю, что российскому гражданину очень трудно описывать некоторые социально-политические процессы в России так, словно речь идет об Уганде или Буркина-Фасо, но это не означает и права умалчивать о тех обстоятельствах, которые противоречат интересам власти или оппозиции (в зависимости от того, с кем отождествляет себя эксперт). Эксперт не может с доверием относиться к недоказанным суждениям, пусть даже они и соответствуют его внутреннему убеждению, — будь то обвинения в адрес Михаила Ходорковского в том, что он хотел сдать американцам российское ядерное оружие, или версии о вине Владимира Путина во взрывах московских домов осенью 1999 года.

В отличие от политика эксперт не стремится к власти в государстве, в субъекте Федерации, в городе или поселке. Политик, который декларирует, что не имеет честолюбивых намерений, а лишь вносит конструктивные предложения, дабы власти предрержащие их учли, насколько возможно, лишь имитирует деятельность, а зачастую и вводит избирателей в заблуждение (отсюда феномен так называемых спойлеров, отбирающих голоса у реальных участников политического процесса). Для того чтобы получить шанс оказаться у власти, политик должен быть убедительным для своих сторонников, поэтому он не может, как эксперт, долго рассуждать в стиле «с одной стороны, с другой стороны». Политик должен иметь четкие ответы на многие вопросы, чаще говорить «да» и «нет», чем «может быть». Политик может полемически заострять вопросы, значимые для его избирателей; он воздействует на сферу эмоций не реже, а иногда и чаще, чем на разум тех, к кому обращается. Вспомним ставший уже хрестоматийным лозунг «голосуй сердцем» на выборах 1996 года, который побуждал к поддержке Бориса Ельцина тех людей, которые на рациональном уровне не были готовы голосовать за первого российского президента, утратившего к тому времени большую часть своей популярности.

Более того, для политика есть вопросы, которые относятся к числу неудобных или несвоевременных, направления дискуссий, относящиеся к числу «неполезных» как вообще, так и в данное время, исходя из конкретных интересов. Есть темы, объективистское рассмотрение которых может принести пользу оппонентам, — в этом случае политик вряд ли будет концентрировать на них свое внимание. В современной Америке демократы не востребуют данные о стабилизации в Ираке, тогда как для республиканцев командующий американ-

скими силами в Ираке генерал Дэвид Петреус выглядит спасителем, способным помочь им победить на ноябрьских выборах. Можно упрекать политиков за ангажированность, но это бессмысленно: между политическим ристалищем и научно-исследовательским институтом существует принципиальная разница.

Может ли политик быть одновременно экспертом? Однозначный ответ на этот вопрос, наверное, невозможен. Известно немало случаев, когда эксперты приходили в политику, о чем свидетельствует немало примеров из американского опыта: от Вудро Вильсона, единственного профессора на посту президента США, до Мадлен Олбрайт, в течение второго президентского срока Билла Клинтона являвшейся государственным секретарем. При этом Олбрайт (равно как и Збигнев Бжезинский, и Генри Киссинджер, и многие другие) после окончания периода своей политической деятельности вернулась в экспертное сообщество, что не является для западного мира чем-то необычным.

В современной России известен феномен экспертов, которые в начале 1990-х годов стали политиками, что неудивительно, так как до этого времени в России просто не было публичной политической деятельности. Таким образом, экспертное сообщество, хотя бы теоретически знакомое с проблемами политики в демократическом обществе, стало одним из источников рекрутирования новой политической элиты. При этом некоторые из этих политиков, пройдя испытание выборами (и не одними) сохранили качества экспертов высшей квалификации, как, например, Виктор Шейнис или Владимир Рыжков.

Однако большинство политиков лишь апеллируют к экспертным заключениям, часто используя их в собственных интересах и давая им выгодные с политической (часто сиюминутной) точки зрения трактовки. Рассмотрим пример, связанный со ставшим уже банальным для российской оппозиции сравнением нынешнего российского режима с фашистским и экспертной оценкой этой точки зрения.

Тоталитаризм или авторитаризм?

Строгие дефиниции фашизма или тоталитаризма могут рассматриваться в углубленной научной дискуссии, но в политической полемике эти термины часто используются абсолютно произвольно. «Фашистом» в этом случае может стать и американский республиканец рейгановского типа, и латиноамериканский лидер авторитарного типа (Перон или Варгас в XX веке), и испанец Франко, и сторонник Владимира Путина в современной России. Все зависит от угла зрения и степени эмоциональности человека, высказывающего ту или иную точку зрения.

Проводя историческую аналогию, политик, к примеру, подобно Гарри Каспарову* во время дискуссии, проходившей в начале 2008 года, может походя обличить участников заговора против Гитлера, кото-

* См.: *Ежедневный журнал*. 5 марта 2008.

рые мирились с тоталитарным режимом, пока он действовал эффективно, и выступили против Гитлера только перед крахом (этот стереотип был распространен еще в советское время). Эксперт же не может не подойти к этим событиям столь однозначно: были, конечно, и приспособленцы, пытавшиеся выйти сухими из воды при любом развитии событий, но были и Гёрделер, ушедший в отставку в знак протеста против сноса штурмовиками памятника «неарийцу» Мендельсону, и Вицлебен, готовивший военный переворот еще осенью 38-го, задолго до Сталинграда и Курска. Не получилось, так как Англия и Франция пошли на сговор с Гитлером в Мюнхене, фюрер стал национальным героем, никакой переворот стал невозможен.

Кроме того, вопрос о характере режима в данном случае является одним из важнейших для определения своего отношения к нему. Как уже отмечалось выше, делать карьеру при тоталитарном режиме, который уничтожает свой и чужие народы, безнравственно. Что же до авторитарного, и тем более полуавторитарного, то здесь все сложнее: есть не только черные и белые, но и большое количество серых оттенков, которых, как правило, большинство. Политик может создавать сугубо «черно-белую» картину, более убедительную для его сторонников, а для эксперта этого явно недостаточно.

Действительно, в нацистской Германии все люди, занимавшие мало-мальски заметное положение в государственных и полугосударственных структурах, могли в любой момент оказаться в положении преступников. Впрочем, слово «могли» не означало фатальной неизбежности: Гёрделер мог оставаться порядочным человеком, являясь до 1937-го обер-бургомистром Лейпцига, Шуленбург — занимая до 1941-го пост посла в СССР (и имея в кармане партийный билет НСДАП!), а Вицлебен — будучи до 1942-го командующим армией. Свою порядочность они подтвердили смертью по приговору нацистского «народного суда» после неудачной попытки покушения на Гитлера. Однако многие действительно вовлекались в преступную деятельность, становясь сообщниками убийц. Солдат мог быть привлечен к уничтожению «расово неполноценных» лиц (если не в качестве непосредственного убийцы, то как пособника — постоять в карауле, например, чтобы евреи не бежали до приезда зондеркоманды); экономист — к подсчету прибылей и издержек от рабского труда; чиновник — к чистке своего ведомства от неблагонадежных элементов; поэт — к воспеванию величия фюрера. При этом прямой отказ от участия в подобных акциях или даже проявление сочувствия к жертвам репрессий были чреваты серьезными неприятностями.

Теперь сравним нацистскую Германию с современной Россией. Где инициированная государством дискриминация отдельных групп населения? Где тотальный запрет на оппозиционную деятельность? Где сколько-нибудь серьезные попытки внедрить в общество официальную идеологию? Где аналоги СС и гестапо? Где внешняя политика, направленная на захват соседних государств? Если рассуждать спокойно, а не апеллировать к эмоциям людей, то становится ясно, что речь идет о совершенно разных политических системах. С одной сто-

роны, свирепый тоталитаризм, природа которого была ясна еще до холокоста, который стал закономерным завершением его эволюции. С другой — даже не классический пиночетовский авторитаризм, а «промежуточный» полуавторитарный режим, «управляемая демократия», к которой может быть масса претензий, но сравнивать ее с тоталитаризмом крайне некорректно. Равно как у людей, работающих в рамках полуавторитарного режима, есть немало возможностей для того, чтобы менять его в лучшую сторону, реализуя в том числе вполне либеральные меры.

Понимая всю сложность сравнений, я бы напомнил о малоизвестном в России опыте франкистской Испании, которая в 1960-е годы была авторитарным государством; от современной полуавторитарной России ее отличали, в частности, отсутствие многопартийности и значительно более жесткий контроль над СМИ. В 1962 году министром информации и туризма в этой стране стал Мануэль Фрага Ирибарне, разумеется, член франкистской партии, успешно делавший карьеру в рамках режима. За семь лет руководства министерством он превратил Испанию в туристическую страну, значительно более открытую для внешних либеральных влияний. Кроме того, он добился принятия в 1966 году Закона о печати, который сделал несколько более свободной испанскую прессу.

Как оценивать итоги его деятельности? Многие критики режима относились к нему с явной неприязнью — ведь он много работал над улучшением имиджа авторитарного режима (иначе не удалось бы привлечь в страну туристов из европейских демократий), а отмена предварительной цензуры не лишила государство массы других рычагов по обузданию неугодных журналистов. Они считали, что Фрага лицемерно стремится продлить существование франкизма, не меняя его диктаторской сущности, и этим даже более опасен, чем одиозные представители репрессивных структур. При этом определенные основания для таких оценок были: например, Фрага как чиновник высшего эшелона должен был оправдывать весьма одиозные деяния режима вроде казни в 1963 году коммуниста Хулиана Гримау (в его память названа московская улица), о помиловании которого просили Хрушев, Елизавета II и представители высшей иерархии Ватикана.

Однако история показала принципиальную ошибочность подобных суждений и оценила позитивную роль Фраги как в деле либерализации франкистского режима, так и в ходе демократического процесса 70–80-х годов, когда он сыграл ключевую роль в процессе адаптации бывших франкистов к ценностям политической свободы, создав консервативную Народную партию, почетным председателем которой остается до сих пор.

Еще один важный момент — характеристика эволюции режима. Для оппозиционного политика режим всегда эволюционирует в негативную сторону, деградирует, совершает массу ошибок. В пределе, конечно, он может превратиться и в тоталитарный. Факты, противоречащие этой «железной закономерности», отвергаются, что вполне понятно с политической точки зрения. Если рассмотреть ситуацию в

современной России, то действительно можно найти массу доказательств роста авторитарных тенденций в политической сфере и «огосударствления» экономики. Но доходят ли они до уровня, за которым начинается безусловный авторитаризм, не говоря уже о тоталитаризме? Разумеется, нет — в отличие от франкистской Испании или пиночетовского Чили существует многопартийность (пусть и ограниченная), отменять которую никто не намеревается. Попытки выработать единую идеологию также, мягко говоря, выглядят не слишком убедительно.

Отметим также, что общий вектор развития государства лучше видится на расстоянии. Вряд ли испанские оппозиционеры франкистскому режиму считали, что их страна поступательно развивается в направлении либерализации после очередного приведения в исполнение смертного приговора или назначения премьером сторонника жесткой линии на сохранение репрессивной системы Наварро, как это произошло в 1973 году, за пару лет до кончины Франко. Равно как и сейчас российская радикальная оппозиция не придает особого значения фактам, которые противоречат общей удручающей картине, например, сворачиванию деятельности российских «хунвейбинов» или возобновлению обсуждения вопроса об избирательной системе. В связи с последним обратим внимание на публикацию в правительственной «Российской газете» статьи Михаила Горбачева о необходимости вернуться к выборам по одномандатным округам и к прямому избранию губернаторов. Вряд ли стоит предаваться завышенным ожиданиям, но сам факт такой публикации в подобном издании свидетельствует о том, что не все в этой сфере решено до конца и в ней возможны эволюционные изменения. Отметим и неудачную попытку закрытия Европейского университета в Петербурге, и дело «яблочника» Максима Резника (арест, а затем освобождение под подписку о невыезде после активных протестов со стороны оппозиции).

На первый взгляд кажется, что речь идет о не слишком значимых событиях. Но приведу «франкистскую» аналогию (она примечательна, даже при всем различии авторитарных и полуавторитарных режимов). В 1969 году вновь назначенный министр — генеральный секретарь Национального движения («фаланги») Торкуато Фернандес-Миранда пришел в свое ведомство не в голубой (традиционно фалангистской), а в нейтральной белой рубашке. Тогда оппозиция расценила это событие как незначущую мимикрию режима, хотя спустя некоторое время выяснилось, что оно стало одним из символических этапов «угасания» франкистской партии, той самой либерализации режима, о котором сейчас — с немалого исторического расстояния — много и справедливо написано.

И в заключение приведу еще одну небольшую аналогию. Представляется, что эксперта можно сравнить с врачом, объективистский диагноз которого может оказаться недостаточно приятным для пациента (то есть для его аудитории). Но это уже не проблема эксперта, который должен стараться быть объективным, вне зависимости от своих политических симпатий или антипатий.

Тоби Гати родилась в Нью-Йорке, в Бруклине. Став бакалавром в Пенсильванском университете в Филадельфии, степень магистра она получила в Колумбийском университете в Нью-Йорке, окончив его по двум специальностям: международным отношениям и русскому языку и литературе. В 1976–1989 годах работала в ведущих американских новостных агентствах; именно в этот период она приобрела репутацию одного из лучших в США знатоков проблем Советского Союза. В 1989–1993 годах Тоби Гати была ответственным сотрудником американской Ассоциации содействия ООН; именно отсюда в 1993 году ее пригласили на работу в администрацию Президента США. В 1997 году она ушла в бизнес, и сегодня является старшим консультантом по международным вопросам известной юридической фирмы «Akin Gump Strauss Hauer & Feld

LLP». В круг ее обязанностей входит оказание юридической поддержки транснациональному бизнесу в странах СНГ. Она заслуженно остается одним из ведущих американских экспертов по России. Тоби Гати — член международного Попечительского совета Московской школы политических исследований.

Ниже мы публикуем с небольшими сокращениями интервью Тоби Гати, которое было опубликовано в журнале «Международные процессы» (сентябрь — декабрь 2007). Вопросы задавал член редколлегии журнала М.А. Троицкий.

О государственной службе, политике и бизнесе: взгляд из Америки

Михаил Троицкий. За годы Вашей карьеры Вы перешли из неправительственной организации на государственную службу, а затем переместились в частный сектор. Как Вы оцениваете взаимодействие политической власти и деловых кругов? Склонны ли Вы сегодня критиковать власть за негибкость в отношении бизнеса или бизнес за нежелание (неумение) учитывать ожидания власти?

Тоби Гати. За время своей карьеры я сменила три разных сферы. Когда я работала в неправительственной организации в Нью-Йорке, мы часто привлекали бизнесменов для обсуждения внешней политики США. Я всегда положительно относилась к участию деловых кругов во внешнеполитическом процессе... Работая в правительственных органах, я тоже часто встречалась с деловыми людьми. Обычно именно

от них поступали предложения о встрече. Но и мы в Белом доме стремились знать, каковы интересы делового мира, что его представители думают об американской внешней политике и как внешняя политика затрагивает их интересы.

Бизнесмены способны влиять на внешнюю политику косвенно, в процессе обсуждения своих проблем с членами конгресса и представителями исполнительных органов власти. Деловые круги создают группы интересов и лоббистские структуры, которые имеют право, в соответствии с законом, жертвовать деньги на избирательные кампании. Чиновники обращают внимание на мнение бизнеса, но сложность в том, что мнения по одним и тем же вопросам разнятся. Деньги играют роль, хотя избиратели в основном воздействуют на конгресс своими голоса-

ми. Поэтому мы сами побуждали представителей делового мира высказываться по насущным проблемам.

Теперь, работая в частном секторе, я еще чаще встречаюсь с представителями транснационального бизнеса. Это клиенты нашей фирмы.

Прибегающие к нашим услугам бизнесмены хотят знать специфику стран, в которых намереваются работать. Им важно ориентироваться в особенностях правовых систем иностранных государств. Требуется оценить, в какой степени политика правительств соответствующих государств может сказаться на интересах иностранного бизнеса. Подобные озабоченности деловых кругов вполне оправданны — это следует понимать и законодателям стран, для которых важно присутствие иностранного капитала.

Диалог бизнеса и государства — признак здоровья государственной системы. Когда деловые круги имеют право голоса (например, в США), правительству приходится разъяснять мотивы проводимой им политики. Оно должно обосновать, что действует в интересах делового сообщества и государства в целом, а не просто помогает какой-то одной компании. Бизнесмены не просто люди, чья цель — заработать как можно больше денег.

Они — граждане своей страны и поэтому желают, чтобы Соединенные Штаты оставались сильным государством, способным защищать их деловые интересы в собственной стране и за ее пределами, а также обеспечить благополучие своих граждан.

М.Т. В США успешно функционирует механизм обмена кадрами между частным сектором и сферой государственного управления. Многие видные представители американской элиты преуспели и в бизнесе, и на государственной службе. Яркий пример — семья Бушей. Не могли бы Вы рассказать о том, каким образом в Со-

единенных Штатах обеспечивается беспристрастность государственных служащих — выходцев из делового мира? Что мешает им пользоваться служебным положением в интересах семейного бизнеса?

Т.Г. В США приняты весьма строгие законы, регулирующие поведение государственных служащих. Прежде чем поступить на государственную службу, я прошла подробный инструктаж на предмет того, что дозволено, а что — нет. Из этих «курсов по этике» я узнала о существовании множества запретов для госслужащих. Однако регламентировать все и вся невозможно. Да и нельзя бороться с коррупцией при помощи одного только страха перед наказанием за проступок. Если государство слишком увлечется таким способом профилактики коррупции, то достойные люди просто откажутся от перспективы пойти на государственную службу. Вряд ли кому-либо может прийти по душе, что его постоянно подозревают, что за ним следят и стремятся поймать на малейшей оплошности, особенно когда присутствует искреннее желание принести пользу своей стране. Я знаю очень мало чиновников, соблюдающих моральные принципы на службе только из-за страха перед наказанием.

Ограничителем коррупции в США служит сам престиж государственной службы. Предполагается, что люди, занимающие высокие посты, соответствуют тем высоким этическим стандартам, которые были заданы выдающимися американскими политическими деятелями прошлого. Их пример — ориентир для всех сотрудников администрации.

Этика также является дисциплинирующим фактором в других сферах, в том числе и в бизнесе. Если вы не придерживались жестких этических правил в деловом мире, то не сможете вести себя этично и на государственной

службе. Правда, большинству американских предпринимателей, как мне кажется, свойственны высокие этические стандарты. Они не стремятся обойти закон, а напротив, строго следят за законностью своего бизнеса.

Стоит еще сказать о «факторе стыда». В Америке мы называем его «тестом “Вашингтон пост”». Если ты хоть немного сомневаешься в предстоящей сделке, спроси себя, что ты станешь делать, если завтра о твоём поступке напишет «Вашингтон пост». Люди не любят, чтобы об их делишках писали газеты. Если в стране нет традиции журналистских расследований, то многие махинации богатых или влиятельных людей могут сойти им с рук. Вот почему так полезна свободная пресса, в которой нельзя купить хорошие или плохие статьи. Огласки недостойных поступков побаиваются почти все.

Честно говоря, мне даже никогда в голову не приходило использовать служебное положение в личных целях. Кто-то скажет, что за четыре года работы на государственной службе можно упустить выгоды. Я вспоминаю, что сотрудникам администрации, например, не разрешалось обедать или путешествовать за чужой счет, принимать в подарок книги, не говоря о более ценных предметах. В печати публиковались сведения о доходах, которые получали супруги и дети чиновников. Все государственные служащие и сегодня находятся под неусыпным надзором общественности. Хотя все равно, конечно, некоторые использовали и используют служебное положение для личного обогащения...

В условиях открытости и мощного общественного контроля государственный аппарат вынужден сам себя контролировать и давать соответствующие объяснения. Правительство поясняет

свои цели гражданам — бизнесменам или представителям других сфер. Оно стремится постоянно совершенствовать политику таким образом, чтобы она служила интересам не только предпринимателей, но и других групп населения.

Нередко говорят, что бизнес дурно влияет на государство. Такое случается, если механизмы влияния скрыты от общества, являются неписаными. Но если в государстве все группы бизнеса могут свободно заявлять о своих претензиях, то ущемить интересы кого-то одного трудно: все оказываются причастными к процессу выработки политики. Слово «лоббизм» стало почти ругательным. Им называют действия, идущие во вред интересам страны. Однако не понятно, каким образом государство может быть сильным, если в нем нет мощного, независимого делового сообщества. Другой фактор — наличие независимой судебной системы, роль которой — выступать арбитром.

Если ты «политический назначенец», то есть не профессиональный чиновник, желающий оставаться всю жизнь на государственной службе, то работать во власти непросто. Думаю, очень хорошо, что люди имеют возможность «мигрировать» из бизнеса во власть, и наоборот. Трудно всю жизнь работать в обстановке стресса, обычного для высоких государственных должностей. Ненормированный рабочий день, тяжкий груз ответственности за решение важнейших вопросов — лучше всего с такими проблемами бороться посредством ограничения сроков пребывания чиновников на своих должностях. Это позволяет принимать на государственную службу носителей новых идей. А они нужны любому правительству...

В сфере власти сталкиваются различные интересы (и разные политические партии), и чиновнику всегда приходится их учитывать. Политика нико-

гда полностью не определяется интересами какой-то одной группы. Для успеха в политике надо уметь соответствовать запросам разных людей и разных групп. Бизнесменам не стоит надеяться на то, что в сфере государственной службы им будет легко сохранять свои привычки и осуществлять честолюбивые замыслы. Мне случалось видеть, сколь плачевно заканчивались иногда подобные попытки.

Главное — использовать свои профессиональные навыки там, где они действительно могут пригодиться. Бизнесмены нередко приносят во власть свежую струю, по-новому подходят к решению старых проблем. Но опытные государственные служащие, профессиональные бюрократы тоже нужны. Они понимают необходимость учитывать в политике не только запросы американских избирателей, но и интересы других стран.

М.Т. Похожа ли деятельность по налаживанию американо-российских контактов в сфере бизнеса на работу дипломата?

Т.Г. Бизнес может дать миру политики много полезного. По природе бизнесмен — оптимист. Ему свойственны уверенность в собственных силах и новаторский подход к решению проблем. Деловые люди обычно склонны думать, что смогут преодолеть сложности, обеспечить улучшение качества жизни, найти путь к процветанию. Политики в целом думают схожим образом, но им приходится работать в иной среде. Они должны думать не только о благоприятных, но и о неблагоприятных сценариях. Худший сценарий для дипломата и бизнесмена далеко не одно и то же. Для второго таковым может оказаться уход из бизнеса. Для первого — международный конфликт и даже война. Политикам

всегда нужно думать об угрозе кризиса. Ведь бизнесмены, которые только и делают, что говорят о ненужности правительств, при всяком кризисе бегут к своему правительству с просьбой о помощи. Очевидно, что отношения

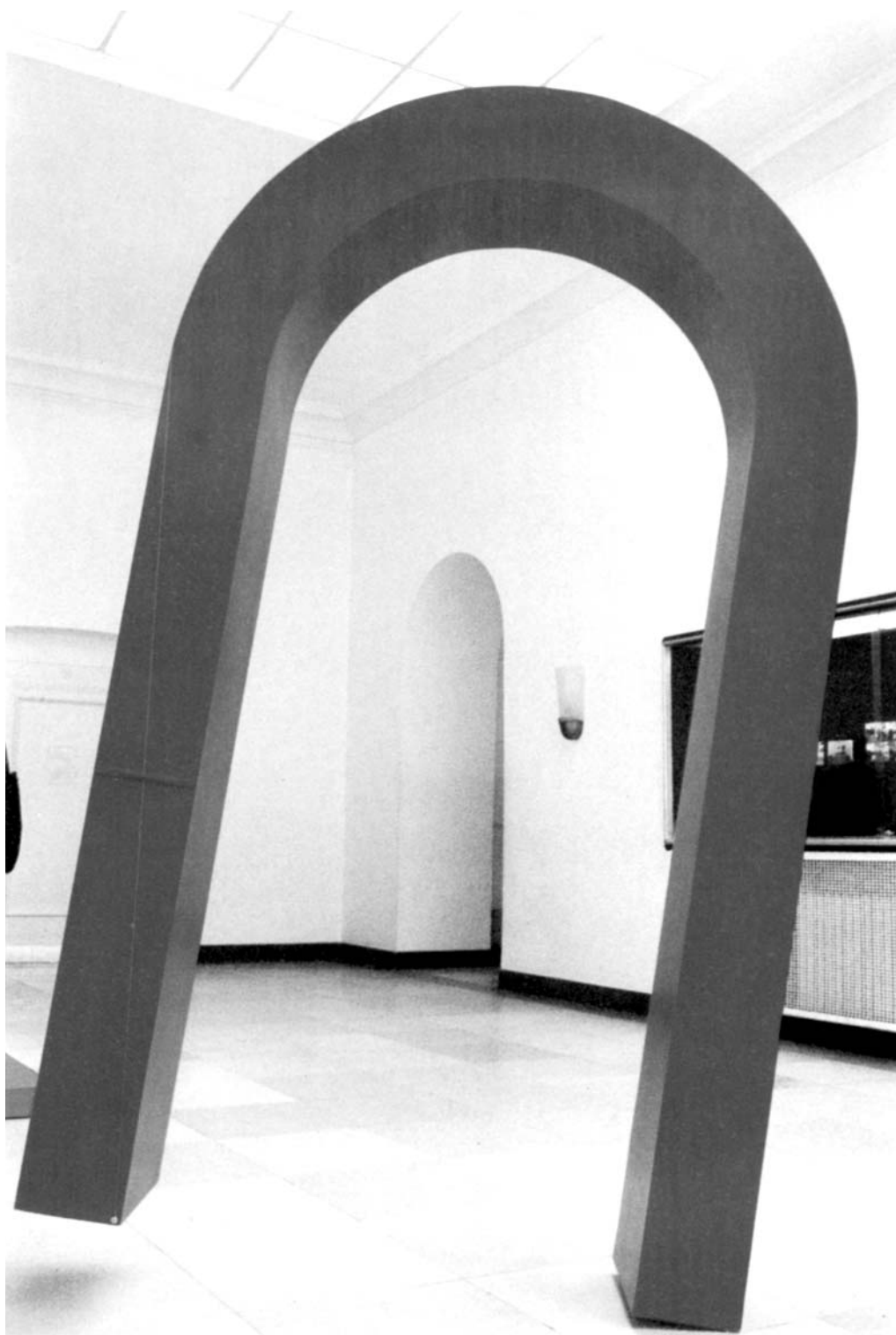
Если в стране нет традиции журналистских расследований, то многие махинации богатых или влиятельных людей могут сойти им с рук

бизнеса с государством довольно сложны.

М.Т. Правда ли, что деловые круги России и США налаживают сотрудничество успешнее политиков?

Т.Г. Американские политические и деловые круги неодинаково смотрят на Россию. Бизнесмены чувствуют, что в России хорошие возможности для извлечения прибыли. Их не особенно волнует политическая ситуация, хотя именно она вызывает озабоченность у американских политиков. Люди бизнеса привыкли вести дела в странах разного типа. Они работают как в демократических, так и в недемократических государствах и умеют хорошо адаптироваться практически к любой ситуации.

Американские предприниматели хотят предсказуемости и прозрачности деловой среды в России. Они хотят вступления России в ВТО, что, по их мнению, благоприятно отразится на российско-американских экономических отношениях. Они выступают за укрепление в России верховенства закона, независимых судебных органов, структур гражданского общества. В их интересах функционирование ответственной исполнительной власти, поскольку все это способствует большей предсказуемости и улучшает жизнь людей и состояние бизнеса. Политики же склонны концентрироваться на

Моника фон Ведель. Без названия. 1988

безопасности, где у России и США остается много расхождений, хотя есть и немало общих интересов. Чиновники озабочены проблематикой переговоров на высоком уровне — вроде повестки дня «Группы восьми». К сожалению, деловые люди и политики не всегда дают понять, что существует связь между более открытым, предсказуемым обществом и деловым успехом.

М.Т. Скажите, а не становится больше бизнесменов, заинтересованных в новых российско-американских деловых проектах?

Т.Г. Многие американские компании не работают в России просто потому, что никогда об этом всерьез не задумывались. Но есть и такие, которые изучили российский рынок и приняли решение не выходить на него, считая такое предприятие слишком рискованным. Свою роль сыграли разговоры о том, как мало российские власти считаются с интересами предпринимателей, о вмешательстве политических соображений в законы бизнеса, о коррупции. У наблюдателя рождается впечатление, что для бизнеса в России еще не пришло время. Негативный опыт столкновения с российской властью бизнесом не афишируется. Его обсуждают в кулуарах. Предприниматели не хотят, чтобы об их трудностях узнали конкуренты. Да и свои проблемы им легче урегулировать без лишней огласки.

Прежде всего пугает отношение к бизнесу со стороны властей, включая таможенные, налоговые и правоохранительные органы. Мне кажется, что главные препятствия на пути увеличения потока иностранных инвестиций в Россию лежат в сфере взаимоотношений иностранного бизнеса с властью. Достаточно взглянуть на масштаб американо-китайских деловых связей,

чтобы понять, насколько велик потенциал активности американского бизнеса за пределами США. В России есть немало привлекательных для американцев проектов. Да и американский рынок интересен российскому

*Главные препятствия на пути увеличения
потока иностранных инвестиций
в Россию лежат в сфере взаимоотношений
иностранного бизнеса с властью*

бизнес-сообществу. Обеим сторонам есть над чем подумать. Кроме того, и России, и США приходится иметь дело с воздействием глобализации на их экономики.

М.Т. Какие области, по-Вашему, наиболее перспективны с точки зрения взаимных инвестиций?

Т.Г. Россия и США имеют огромный потенциал партнерства в энергетике. Он, к сожалению, пока не соответствует масштабам начатого несколько лет назад энергетического диалога и многих совместных проектов. На протяжении ряда лет в российском энергетическом секторе шли процессы реструктуризации, которые его существенно преобразили. Большие компании могли сыграть важную роль в налаживании сотрудничества с США. После ареста М. Ходорковского в 2003 году динамика российско-американского энергетического диалога значительно понизилась. Однако объективно сохраняется обоюдная заинтересованность России и США в энергетическом партнерстве друг с другом...

М.Т. Возможно ли развитие российско-американских экономических связей до уровня, сопоставимого с экономическим обменом между Россией и странами Европейского союза?

Т.Г. Не думаю, что уместно сравнивать уровень торговли России с ЕС и с Соединенными Штатами. Отношения с

соседями обычно теснее, чем с отдаленными странами. К соседям проще ездить и им легче поставлять товары. Соседям проще найти общий подход к правилам поведения на рынке. Правда, проблемы отношений России с ЕС показывают, что соседство не гарантирует высокий уровень отношений. Между Евросоюзом и Россией достаточно политических и экономических сложностей. Более интенсивное развитие российско-американских экономических отношений — одна из упущенных возможностей 1990-х годов. Прочное деловое партнерство могло бы помочь сгладить политические противоречия. Сегодня шаги в этом направлении можно только приветствовать.

М.Т. Все больше квалифицированных менеджеров — выходцев из России, на протяжении ряда лет обучавшихся или работавших в странах Запада, принимают решение вернуться в Россию. Влияет ли это на практику ведения бизнеса в России?

Т.Г. Хорошо, что все больше россиян работают в западных компаниях и затем возвращаются в Россию. С одной стороны, наличие российских сотрудников в западных компаниях позволяет избавиться от ряда стереотипных представлений о России. К примеру, о том, что большинство россиян стремятся навсегда покинуть свою страну, равно как и о том, что их менталитет так сильно отличается от западного, что Россия никогда не сможет построить демократию и рыночную экономику.

С другой стороны, работая в западных структурах, российские менеджеры лучше понимают западные способы ведения бизнеса. Они видят не только, что и как делается в западной компании, но и почему это происходит. Некоторые западные нормы и практики переносятся на российскую почву, что само по себе не плохо. В юридической фирме, где работаю я, много сотрудников россиян. Некоторые из них яв-

ляются полноценными партнерами фирмы. Они талантливы и входят в число наших лучших юристов. Если они захотят перейти на работу в российскую компанию, это принесет пользу России и российско-американским экономическим связям.

М.Т. Происходит ли сегодня, на Ваш взгляд, сближение российской деловой культуры с американской?

Т.Г. Я уверена, что российская деловая культура сближается с западной. Сближение будет продолжаться до тех пор, пока в России сохраняются возможности для карьерного роста людей, желающих обеспечить характерный для Запада уровень открытости и прозрачности. Было бы трагедией, если навыки, приобретенные россиянами на Западе, остались бы без применения на российском рынке. Современный бизнес глобален. Его прозрачность и открытость благотворны не только для самого бизнеса, но для стран его происхождения — будь то Америка или Россия.

М.Т. Некоторые полагают, что Соединенные Штаты стоят на пороге краха — внешнеполитического и финансового.

Т.Г. Америка сталкивается с серьезными экономическими проблемами. Многие сознают их тяжесть. С такими проблемами сложно начать бороться, пока не наступит кризис. В демократическом обществе требуется консенсус относительно не только оценки степени серьезности проблемы, но и того, как ее решать. Без подобного консенсуса руководство не может приступить к решительным действиям. Между тем я не стала бы преувеличивать сегодняшние проблемы США. Соединенные Штаты обладают огромной диверсифицированной экономикой, а американское руководство, когда это действительно необходимо, способно проявлять известную изобретательность.

Иногда телевидение в России подает дело так, будто российская и американская экономики участвуют в некотором соревновании, в котором побеждает Россия, поскольку рубль укрепляется, а российские золотовалютные резервы растут, в то время как американский доллар ослабевает, а США страдают от крупного дефицита торгового баланса. Подобные рассуждения, возможно, радуют кого-то из политиков. Но экономическую силу стоит оценивать конкретно.

Истинный критерий прочности национальной экономики — ее способность справляться с регулярно возникающими трудностями роста, особенно в такие непростые времена, как сегодня. Возможно, американская экономика стоит перед испытаниями в виде бюджетного дефицита или кризиса на рынке ипотеки. Но и российскую экономику впереди ожидает неизбежный «момент истины».

Дадут о себе знать инфляция, необходимость предоставлять гражданам жилье по доступным ценам, перебои с качественным медицинским обслуживанием. Придется решать демографические проблемы, финансировать модернизацию инфраструктуры. Как у нас говорят: «Легко выглядеть умным, когда нефть стоит сто долларов за баррель»...

М.Т. Мне доводилось слышать полусуточные прогнозы о том, что американские спортсмены могут бойкотировать Зимние олимпийские игры в Сочи в 2014 году.

Т.Г. Короткий ответ на вопрос о возможности бойкота — нет. Не вижу никаких причин или смысла бойкотировать Олимпийские игры в Сочи. Вообще, мне не нравится, когда одной из сторон пытаются приписать намерения нанести ущерб другой стороне.

Обе наши страны должны быть заинтересованы в стабильности международной системы.

Некоторые политические лидеры и в США, и в России полагают, что могут поднять свою популярность, играя на

Заметную помощь политикам могут оказывать не только деловые круги, но и неправительственные организации, заинтересованные в строительстве прочного гражданского общества

образе врага. Однако, на мой взгляд, это контрпродуктивно. Мы слишком зависим друг от друга во многих сферах, нравится нам это или нет. Мы взаимозависимы благодаря нашей заинтересованности не только в экономическом взаимодействии, но и в стабильном мировом порядке, успешном решении проблем XXI века, включая борьбу с терроризмом и распространением оружия массового поражения. Нас объединяет желание обеспечить лучшие условия существования для наших народов.

Бизнес обязан участвовать в политическом процессе, четко заявлять о своих интересах и работать на потепление политического климата и в своих странах, и в российско-американских отношениях. Заметную помощь политикам могут оказывать не только деловые круги, но и неправительственные организации, заинтересованные в строительстве прочного гражданского общества. Российскому бизнесу стоит поддерживать независимые неправительственные организации, которые содействуют развитию гражданского общества. Свой вклад могут также вносить граждане обеих стран, осознающие взаимозависимость современного мира, важнейшей составляющей которого выступают тесные отношения между Россией и США.

Институты

Понятие «институты» в современной политической науке

Один из популярных в России политологических учебников определяет институт как «совокупность фундаментальных форм или структур общественной организации, установленных законом или обычаями конкретного человеческого общества»*. На наш взгляд, в типовых дефинициях подобного рода имеет место серьезная методологическая проблема: политический институт предстает одновременно и как организация, и как набор установлений, согласно которым она функционирует. Соответственно, специалисты нередко интерпретируют институты, предпочитая однозначность и игнорируя конкурирующие трактовки. Если, например, для одних авторов политические институты есть совокупность учреждений, «которые формулируют и воплощают в жизнь коллективные цели общества или существующих в нем групп», то для других институт — это «свод установлений и правил, обеспечивающих правильное и предсказуемое поведение»**.

Наиболее весомый вклад в понимание природы институтов и процесса институционального развития внес лауреат Нобелевской премии в области экономики Дуглас Норт (р. 1920), который в своей работе «Институты, институциональные изменения и функционирование экономики» (1990) определил институты как «созданные человеком ограничительные рамки, которые организуют взаимоотношения между людьми»***. Согласно этому автору, институты задают структуру побудительных мотивов человеческого поведения — в экономике, политике, социальной сфере. Их определяющая функция заключается в том, что они упорядочивают жизнь, определяя и ограничивая набор альтернатив, которые имеются у каждого человека, и тем самым *снижая риски*. «Институты существуют для уменьшения неопределенностей, сопровождающих взаимодействие между людьми», — говорит Норт****. При этом он проводит принципиальное различие между институтами и организациями. Подобно первым, вторые тоже структурируют взаимоотношения между людьми. Однако если институты являются *правилами* в «игре», то организации — это сами *игроки*. Иными словами, всякая организация есть «группа людей, объединенных стремлением сообща достичь какой-либо цели»*. Роль таких групп в том, что именно они реализуют и воплощают институциональные установления и правила.

* Мельвиль А. Ю. (ред.). *Категории политической науки*. М.: РОССПЭН, 2002. С. 261.

** См.: Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. *Сравнительная политология сегодня: мировой обзор. Учебное пособие*. М.: Аспект Пресс, 2002. С. 38; Хейвуд Э. *Политология*. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. С. 19.

*** Норт Д. *Институты, институциональные изменения и функционирование экономики*. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. С. 17.

**** Там же. С. 43.

Разграничение институтов, понимаемых как «правила игры», и организаций, функционирование которых задается этими правилами, вообще стало отличительной особенностью *неоинституционализма* — теоретического направления, сформировавшегося и популярного в последней четверти XX века, к которому принадлежит и сам Норт. Именно в данный период появилось множество работ, в которых функционирование и роль институтов изучались с помощью положений макроэкономики и теории игр. По мнению неоинституционалистов, оба феномена — институты и организации — структурируют социальную жизнь. Они тесно взаимосвязаны, что формирует превратное представление об их единстве, но в конечном счете нормативные установления все-таки обладают приоритетом по отношению к политическим организациям.

Политические институты и институциональный анализ

Применяя понятие института к сфере политики, можно сказать, что политические институты представляют собой разновидность устойчивого социального взаимодействия, регулирующего отношения, которые складываются в обществе по поводу политической власти. Устойчивость политического института обеспечивается с помощью связанных с ним норм, санкций и привычек — атрибутов института, которые делают его объективным и самовоспроизводящимся целым, не зависящим от воли и желания отдельных индивидов. Вместе с тем о полном его отчуждении от людей в данном контексте говорить нельзя, ибо политические институты существуют *только* в действиях людей, воспроизводящих между собой соответствующий тип отношений. При таком подходе коллективные ассоциации с политическими целями и функциями будут выступать в роли субъектов политики — акторов, контролирующих власть или стремящихся к контролю над ней. Иными словами, если выборы являются политическим институтом, то партии выступают их субъектами, и это различные, хотя и взаимосвязанные политические феномены.

Вплоть до начала прошлого столетия концентрированным выражением понятия «политический институт» выступало государство, в котором видели прежде всего административные установления и правовые нормы. Основы такого подхода к институтам, получившего название *нормативно-юридического*, были заложены Томасом Гоббсом (1588–1679). В его рамках институциональное значение приобретали лишь те регулятивные механизмы, которые так или иначе были санкционированы государством, располагающим суверенитетом, — властью абсолютной и принудительной. Однако на рубеже XIX и XX веков в работах Эмиля Дюркгейма (1858–1917) и Макса Вебера (1864–1920) начало складываться альтернативное понимание политических институтов.

Этот подход, называемый *социологическим*, обогатил предшествующие трактовки сразу в нескольких отношениях. Во-первых, под «институтами» здесь имеется в виду не только практическое оформление политических взаимоотношений, но и их идеальный образ. Например, по

Дюркгейму, представление о том, как должно работать государство, фиксируется в юридических нормах и одновременно в мифологических представлениях и религиозных верованиях. Вебер, в свою очередь, полагал, что легитимность политического порядка гарантируется как правом, так и господствующей в обществе условностью. Вторых, соответственно, в числе равноценных политических институтов оказались как формальные, так и неформальные практики. Наконец, в-третьих, политические институты теперь не ограничивались ареалом государства, но включали в себя и те аспекты человеческих взаимоотношений, которые не регулировались государственной властью. Новая программа достигла максимума своего развития в деятельности французского «социального институционализма» в третьей четверти XX века. На смену именно этому направлению пришел неoinституционализм, о котором шла речь в предыдущем разделе.

В рамках упомянутых теорий сложились базовые постулаты институционального анализа как метода постижения политической реальности. Его отправным пунктом можно считать тезис о том, что «политические роли значат гораздо больше, чем люди их выполняющие»*. Иными словами, положение, занимаемое человеком в политической организации, во многом предопределяет его поведение. Обладая собственной историей, культурой и памятью, политические структуры предлагают вовлеченным в них лицам определенный набор норм и правил, вытекающих из места организации в политической системе и формирующих поведение конкретных персонажей. Согласно Норту, эта диалектика выглядит следующим образом: «Институты создаются людьми. Люди развивают и изменяют институты. В то же время ограничения, накладываемые институтами на человеческий выбор, оказывают влияние на самого индивида»**. При таком подходе политическое развитие того или иного общества можно представить в виде эволюции ключевых для него организаций и учреждений. Соответственно, институциональный анализ не приемлет избыточную персонификацию политики и постановку ее базовых характеристик в жесткую зависимость от персональных особенностей политических деятелей. Более того, непрестанно воспроизводимые попытки социума искать «правильных» лидеров, вместо того чтобы исправлять учреждения, свидетельствуют о непрочности доминирующих в данной системе институциональных устоев и торжестве в ней произвола. Стремление персонифицировать власть свидетельствует прежде всего об институциональной слабости социума.

Институциональные изменения

Из сказанного видно, что институты должны обеспечивать *устойчивые* взаимоотношения между людьми. «Основополагающей характеристикой институтов является длительность их существования: они

* Hague R., Harrop M. *Comparative Government and Politics: An Introduction*. 5th ed. London: Palgrave, 2001. P. 62.

** Норт Д. Указ. соч. С. 20.

Антонио Кателани. Типология. 1988

не могут быть изменены в одночасье по воле агентов. Это главный принцип всех школ институционального анализа»*. Вместе с тем это не означает, что они не способны *меняться*. Трансформации претерпевают все институты, как традиционные, так и формальные. Каким же образом происходят институциональные изменения?

Согласно Дугласу Норту, этот процесс обычно носит *инкрементальный* характер, то есть идет постепенно и поступательно, а не спонтанно и судорожно. Указанное обстоятельство объясняется в первую очередь тем, что неформальные ограничения, принимаемые на себя тем или иным обществом, весьма устойчивы. Если формальные правила можно изменить достаточно быстро, приняв новые законодательные решения, то неформальные традиции и обычаи оказываются гораздо менее восприимчивыми по отношению к сознательным человеческим

* Ротштейн Б. Политические институты: общие проблемы // Политическая наука: новые направления. М.: Вече, 1999. С. 167.

усилиям. «Неформальные ограничения, берущие начало в культуре, не могут сразу измениться в виде реакции на изменение формальных правил»*. Обосновывая такую позицию, Норт вводит специальный термин «эффект блокировки», который отражает блокирующую роль институтов при попытках повлиять на характер социальных изменений, а также указывает на способность общества к сохранению основной траектории социального развития за счет присущей ему институциональной структуры. Таким образом, наличие данного эффекта означает, что, несмотря на непредсказуемость эволюции конкретного общества в краткосрочной перспективе, долгосрочный характер социальных изменений вполне можно предвидеть со значительной долей вероятности. Для этого, правда, необходимо знать о его институциональных особенностях и разбираться в специфике институтов**.

Исходя из преемственности институтов и их способности к самовосстановлению, неинституционализм пересматривает привычную трактовку революций, сложившуюся в эпоху модерна. Именно в его русле в последние десятилетия XX века оформилась гипотеза *path dependence* (зависимость от пройденного пути, *англ.*), согласно которой траектории общественного развития довольно жестко предопределены предшествующей жизнью общества, точнее говоря, его институциональными устоями и обычкновениями. Принимая эту предпосылку, необходимо соглашаться и с тем, что институты не должны, по возможности, меняться дискретно; всякая подлинная революция предполагает восстановление исторической преемственности и очищение институциональной структуры социума от чуждых наслоений и заимствований. Хорошим примером, на который обычно ссылаются в этой связи, служат преобразования Мэйдзи, развернувшиеся в Японии в конце 1860-х годов.

Идеи Норты, а также его предшественников и последователей, о характере институциональных изменений крайне важны для объяснения причин удач или поражений демократических транзитов, в ходе которых делается сознательная попытка изменить институты не инкрементально, а, напротив, дискретно. Как известно, в процессе перехода к демократии обычно выделяют три стадии — либерализацию, демократизацию и консолидацию. Центральной выступает вторая из этих стадий, суть которой состоит в *институционализации*, то есть в выборе и внедрении новых политических институтов. Конечно, в зависимости от сигналов, посылаемых обществом, каждая политическая система выбирает тот набор демократических институтов, который позволит, как предполагается, решить ее основные проблемы. Однако институты, во-первых, создаются человеческими руками и, во-вторых, несут неизбежный отпечаток исторической традиции, поэтому зачастую не соответствуют тем надеждам, которые с ними связываются. Более того, «институты не обязательно — и даже далеко не всегда — создаются для того, чтобы быть социально эффективными;

* Норт Д. Указ. соч. С. 66.

** См.: Кирдина С.Г. Социальные изменения // Социологическая энциклопедия. Т. 2. М.: Мысль, 2003. С. 480–483.

институты, или, по крайней мере, формальные правила, создаются скорее для того, чтобы служить интересам тех, кто занимает позиции, позволяющие влиять на формирование новых правил»*.

Иначе говоря, формальное воспроизведение политических субъектов, наличествующих при демократии (партии, парламент, президент, конституционный суд, муниципальное самоуправление), не гарантирует благополучного переноса и последующей устойчивости определенной политической модели. Подобная имплементация должна дополняться усвоением *всей полноты институциональной структуры*, включая столь деликатный аспект социальных отношений, как приверженность большинства членов социума определенному набору сопутствующих демократии ценностей. Огромную роль в этом процессе играют политические элиты. По сути, именно они управляют институционализацией как процессом, посредством которого правила, нормы и процедуры, присущие демократии, приобретают устойчивость и воспринимаются основными субъектами политического процесса как единственно допустимые. По замечанию Норта, организации, вдохновляемые и направляемые элитами, выступают в роли «агентов институциональных изменений», что вновь обнаруживает взаимообусловленность институтов и субъектов политического действия.

Институциональный анализ и Россия

Политическая и экономическая эволюция нашей страны за последнюю четверть века в полной мере подтверждает основные выводы институционального направления в политической науке.

Во-первых, явный провал демократического транзита и сопутствующих ему проектов — перехода к подлинному федерализму, утверждения независимого суда, становления дееспособного гражданского общества и т.п., — во многом был запрограммирован историческим опытом России, ее неспособностью и неготовностью избавиться от институционального наследия прошлого. Стихийное и непрерывное воспроизведение одного и того же типа властных отношений, характеризуемого патологическим сплавом власти и собственности, поддерживаемым единоличной властью, которая остается, по сути, самодержавной независимо от типа политического режима, влечет за собой параллельное существование *двух управленческих систем*. В первой из них представлены институты в том смысле слова, какой и является единственно верным: это более или менее стабильные и более или менее соблюдаемые правила социальных взаимоотношений, которые, собственно, и позволяют пока именовать Россию демократической и рыночной страной. Но одновременно наличествует еще одна, неформализованная система управления, всецело базирующаяся на доминировании на политической арене узкого круга акторов**. Она, разумеется, блокирует вызрева-

* Норт Д. Указ. соч. С. 33.

** См.: Пивоваров Ю. *Полная гибель всерьез: избранные работы*. — М.: РОССПЭН, 2004.

ние институтов, которые в потенции могли бы ее ограничить или даже упразднить.

Во-вторых, отечественный опыт подтверждает тезис о том, что проведение институциональных преобразований не инкрементальным, но спонтанным образом негативно сказывается на развитии социума, на долгие десятилетия лишая его прочных и эффективных институтов. По степени и глубине разрушения социальной ткани русская революция 1917 года не имела прецедентов в истории. Более того, в силу принципа *path dependence* она и сегодня, по прошествии без малого ста лет, продолжает предопределять многие аспекты политического, социального и даже экономического развития России. О том, что выстроенная большевиками и их последователями система поведенческих и ценностных норм, принципов, установок жива и поныне, свидетельствует весьма лояльное отношение преобладающей части нынешних россиян к сталинской и в более широком смысле к советской эпохе. Институциональная преемственность между коммунистической и посткоммунистической Россией столь же наглядно прослеживается и в функционировании государственно-бюрократического аппарата в нашей стране, неизменно отдающего государству и государственным интересам приоритет над правами и свободами отдельной личности.

В-третьих, формирование политических институтов сообразно интересам ограниченного круга акторов существенно сузило и обеднило институциональное пространство. Правила «политической игры», которые были заданы Конституцией 1993 года, разработанной и адаптированной под запросы одного, пусть и достаточно сильного политического актора, отнюдь не были равнодействующей интересов наиболее значимых социальных и политических групп. Отсутствие в институциональной ткани широкого консенсуса снижает эффективность институтов и повышает риски внутренней нестабильности системы.

*Ирина Бусыгина,
Андрей Захаров*

ЛИТЕРАТУРА

Капелюшников Р. Неоинституционализм // Отечественные записки. 2004. № 6 (21). С. 82–87.

Новый общественно-политический словарь. М.: Московская школа политических исследований, 2008. Статьи «Инкрементализм», «Неоинституционализм», «Создание и изменение институтов».

Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997.

Политическая наука: новые направления. М.: Вече, 1999. Главы 4–7.

Харрисон Л., Хантингтон С. (ред.). Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу. М.: Московская школа политических исследований, 2002.

March J., Olsen J. Rediscovering Institutions: The Organizational Basis of Politics. New York: Free Press, 1989.

Ostrom E. Governing the Commons: The Evolution of Institutions for Collective Actions. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.

Scott R.W. Institutions and Organizations. London: Sage, 1995.

Продолжаем знакомить читателя с нашими свежими изданиями, публикуя аннотации и фрагменты текста, дающие представление о книгах, а также сведения об авторах.

БИБЛИОТЕКА МОСКОВСКОЙ ШКОЛЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Новый общественно-политический словарь. Составление: Лори Буссаге, Софи Жако, Полин Равинэ. Предисловие П. Мюллера. / Пер. с франц. В.И. Божовича.

Анализ публичной политики приобрел во Франции в последние десятилетия впечатляющий размах. По словам автора предисловия П. Мюллера, эта дисциплина сегодня наверстывает свое отставание в стране. Поэтому возникла потребность в обобщающей работе, предлагающей набор инструментов (терминов и понятий), используемых для анализа публичной политики. Словарь дает представление не только о старых понятиях, таких как администрация, государство, капитализм, экспертиза, группа интересов и т. д., и о современных теоретических и методологических спорах по поводу их содержания и смысла, но и возможность познакомиться с новыми концептами, такими как воздействие информации, европеизация, оценка, новый публичный менеджмент и др. Словарь содержит около 60 терминов и понятий, позволяя составить достаточно полное представление об изменении способа «мыслить государство», то есть понять перемены в сфере организации общественно-политической жизни в странах западной демократии в контексте европеизации, глобализации и изменившихся отношений между администрацией и гражданским обществом. Его авторы — специалисты из разных европейских стран и Северной Америки.*

* Выход словаря состоится в сентябре 2008 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Анализ разных сфер политики как международная дисциплина

Недавно возникшая дисциплина, *анализ публичной политики*, является среди политических наук наименее “французской”. С самого начала она сформировалась на основе понятий североамериканского происхождения, принятие которых разбило вдребезги французскую традицию изучения административных отношений на основе гражданского права. Огромная заслуга нового подхода состоит в том, что он вскрыл “черный ящик” Государства, сделав предметом исследования содержание программ публичной деятельности, поставив вопрос именно о происхождении рассматриваемых проблем и зарождении принимаемых решений. В то же время он поставил под сомнение понятие “решение” и, следовательно, идею единственного и идентифицируемого лица, “принимающего решение”, вплоть до того, что само существование такого лица оказалось под вопросом. Опираясь на труды по социологии организаций, этот подход также показал, что осуществление правительственных программ, весьма не похожее на спокойную череду мероприятий, осуществляемых *sine ira ac studio** согласно веберовской модели, может таить для наших правителей серьезные неожиданности. Все это рисует нам образ правительства и администрации, за уверенностью которых часто скрывается сомнительность способов осуществления выбора решений и ограниченная рациональность действий. С этой точки зрения следует всячески рекомендовать чтение данного труда нашим высшим чиновникам, для которых сегодня анализ публичной политики все еще остается экзотической дисциплиной.

Включенность этого труда в контекст международных исследований выражается также в наличии в нем понятий, которые оказываются в центре академических споров в международных журналах и на международных встречах: вопрос управляемости, неинституциональные подходы, поиски инструментов публичной политики. Наличие среди авторов многих иностранных коллег свидетельствует о такой интернациональной открытости.

Перспективный взгляд на французскую специфику

Установка на включенность в международный научный контекст не мешает данному труду подчеркивать оригинальность определенного числа французских исследований. В отличие от международного мейнстрима, где существенно преобладают подходы, основанные на рациональном выборе, — а такие подходы совершенно необходимо знать во Франции, — мы встречаем в статьях словаря изложение то-

* *Без гнева и пристрастия (лат.).*

чек зрения, менее распространенных в мире и являющихся элементами оригинального вклада французских университетских ученых в изучение публичной деятельности. Так, мы можем сослаться на подходы, выраженные в терминах публичной *контроверзы* (столкновения мнений) и *интерпретации*, дающие иную трактовку отношений между творцами и “адресатами” политических решений, исследований взаимодействия между различными ветвями публичной политики и территориями, контрактных отношений и когнитивных подходов, предлагающих рамки анализа, основанного на интерпретации политик как конструирования того или иного видения мира.

Все эти подходы, разумеется, используются не только во Франции, но здесь они разрабатываются более интенсивно, и словарь открывает перспективу сопоставления их с взглядами, распространенными в международной литературе. Цель этого труда будет достигнута, если он поможет интеграции французских исследований в международный контекст, особенно благодаря участию молодых ученых, подчеркивая оригинальность исследований, ведущихся в нашей стране.

Установка на теоретическую и методологическую открытость

Мы переходим, таким образом, к третьей особенности этого словаря. В противоположность многочисленным работам, для которых характерна приверженность к определенной проблематике и определенной школе, составители данного издания предпочли как можно шире открыть двери для разнообразных и даже противоположных подходов (когнитивных, экономических, организационных, социоисторических, социологических, связанных с публичной деятельностью). Это позволяет, по мере возможности, дать реальное представление о нынешнем состоянии живой научной дисциплины, пронизанной разногласиями и спорами. Однако, хотя читатель действительно получит, как было сказано, “набор инструментов” для анализа публичной политики, это не означает, что он найдет здесь инструкцию для понимания деятельности правительств. Он сам должен будет, в каком-то смысле, выбирать свой лагерь, дополняя краткие статьи словаря материалами из приводимой библиографии.

Можно усмотреть связь между этой установкой на открытость и не декларированным, а реально существующим стремлением рассматривать анализ публичных политик не в качестве самоцели и в отрыве от других областей политического знания, но как еще один взгляд на политику и Государство, еще один способ исследовать политический объект, чтобы разобраться в его функционировании. С этой точки зрения книга просто насыщена спорами, иногда очень острыми, но, будем надеяться, плодотворными, которые специалисты по публичной политике ведут со своими коллегами, работающими в сфере представительства и мобилизации в публичном пространстве.

Пьер Мюллер

Советское детство по-английски

Kelly C. Children's World: Growing Up in Russia, 1890-1991. — New Haven and London: Yale University Press, 2007. — XXII, 714 p.

О британской исследовательнице Кэтрионе Келли в нашей стране заговорили после того, как она несколько лет назад опубликовала книжку, посвященную одному из наиболее трагических персонажей пантеона советской пропаганды — уральскому мальчику Павлику Морозову*. Неудивительно, что детальное изучение биографии этого странного ребенка, ценившего классовые идеалы выше преданности собственным родителям, поставило перед автором закономерный вопрос: а откуда, собственно, берутся *такие* дети? Попытка ответить на него произвела на свет внушительный том, предлагающий читателю панораму российского детства за целый век — начиная с последних десятилетий царской России и заканчивая крахом Советского Союза. Основное внимание, разумеется, уделяется детству в СССР.

По мнению госпожи Келли, взаимоотношения государства и мира детства в стране Советов всегда были особенными. Советская власть любила подчеркивать, что ее юные граждане счастливы как нигде в мире. Этим была обусловлена уникальность положения детей в социальной системе СССР: гарантом их благополучия выступали не столько родители или общество в целом, сколько само всемогущее государство. А это накладывало специфичный отпечаток на официальные интерпретации детства, поскольку миф о

безбрежном блаженстве и благополучии всех без исключения советских малышей вынуждал видеть в иных вариантах советского детства лишь искажения или извращения этого высокого стандарта (с. 7). Вместе с тем практика советской жизни была богата не просто на иные *интерпретации* реальности, но и таила в себе обширную *иную реальность* — именно в ней жили беспризорные и лагерные дети, дети спецпереселенцев и «врагов народа». Другими словами, далеко не всякое детство в Советском Союзе было безоблачным, несмотря на однозначно признаваемые автором достижения коммунистического режима в медицинском, образовательном, культурном обслуживании юных граждан.

Однако в центре этого повествования — не политика государства в сфере детства и не история институтов, обслуживающих нужды подрастающего поколения. Это, по словам автора, «история повседневной жизни, переживаемой российскими детьми на протяжении XX столетия» (с. 13). Такой установкой, собственно, предопределена и структура книги. Первая часть — «Воображая детство» — задает рамку восприятия детей обществом, представляющую разнообразные репрезентации темы ребенка в досоветской и советской культуре. Во второй, а также в третьей части угол зрения смещается: именно здесь анализируется повседневная жизнь детей как таковая. Причем, углубляясь в этот аспект, Кэтриона Келли посвящает отдельные главы, с одной стороны, беспризорным и безнадзорным детям, а с другой стороны, де-

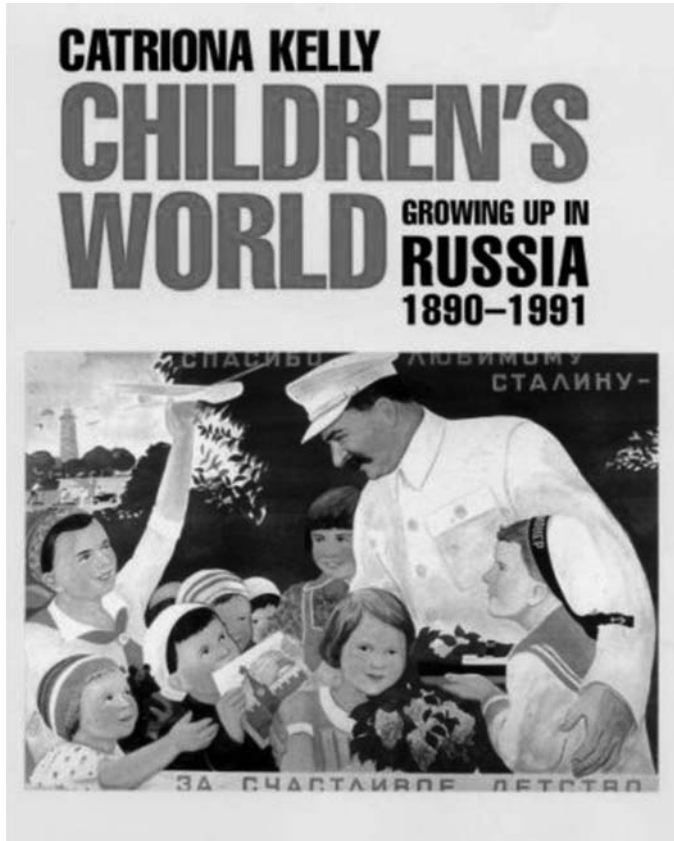
* *Kelly C. Comrade Pavlik: The Rise and Fall of a Soviet Boy Hero. London: Granta, 2005.*

тям, воспитывавшимся в собственных семьях. Соответственно, вторая часть называется «Дети сами по себе», а третья — «Семейные дети».

Несомненно, британская исследовательница проделала огромную работу. Читая ее внушительную книгу, постоянно запинаешься за мысль о том, что вырасти в России — нелегкое, а иногда и просто мучительное дело. Субъективистские рассуждения, согласно которым любое детство есть счастливое детство, а обесценить его не могут никакие правители или режимы, ни в коем случае не отменяют той объективной истины, что в одних социально-политических контек-

стах быть маленьким человеком гораздо труднее, чем в других. Положение детей — точнейший индикатор, позволяющий фиксировать степень здоровья или, напротив, недомогания общества. И, кстати, нынешнее состояние этого индикатора по-прежнему вселяет тревогу, во многом проясняемую повествованием Келли.

Россия — страна редкостной культурной, социальной, политической преемственности, мы с тягостным упорством на протяжении столетий воспроизводим одно и то же. И ничто не характеризует эту особенность более наглядно, нежели исследование повседневной жизни людей. Мир детства есть важнейший кусочек повседневности, в котором, как в зеркале, отражаются и свершения социума, и его пороки. Поэтому книжки, подобные рецензируемому фундаментальному исследованию, крайне важны. Это,

впрочем, не избавило труд британского исследователя от собственной ложки дегтя, о которой нельзя не упомянуть в рецензии. Работая с источниками, автор порой допускает удивительную небрежность. Путаются имена, географические названия и даты. Искажаются наименования официальных документов. Неточно указываются цитатные ссылки. Сказанное, безусловно, не красит публикацию, библиографический аппарат которой явно претендует на серьезность, составляя более ста страниц. Совокупный эффект подобных «мелочей» состоит в том, что сама ценность проделанной автором огромной и важной работы девальвируется. И это плохо, поскольку о проблемах, поднимаемых в книге, обязательно нужно говорить, говорить сегодня — и чем громче, тем лучше.

Андрей Захаров

Александр Архангельский

Контрапункт

РОССИЯ И МИР

Россия и мир. Новая эпоха. 12 лет, которые могут все изменить / Отв. ред. и руководитель авторского коллектива С. А. Караганов. М.: АСТ: Русь-Олимп, 2008. — 444 с.

Когда разговариваешь с российскими политиками, даже самыми умными, поражает полное совпадение — по крайней мере, в одном пункте. Независимо от личных взглядов, партийных установок, степени приближения к власти или удаления от нее, регионального или столичного происхождения, почти все они зациклены на местном и локальном; их интересует ближайшее в контексте сиюминутного; попытка же поговорить о широкой перспективе, о мире в целом, о человечестве как таковом и о России как части глобального мира натывается на вежливое равнодушие. Да-да, знаем-знаем. Ну-ну, помним-помним. А знаете ли вы, как Вася Пупкин интриговал при утверждении пункта семь подпункта девять, примечание шесть в бюджетном кодексе соседнего района? О! вот это тема для большой дискуссии. Никогда не забуду массового скепсиса в отношении публичной лекции Генри Киссинджера, пару лет назад организованной Московской школой политических исследований. Симпатичные и очень умные ребята, реально управляющие регионами, заседающие в Думе, владеющие бизнесами и действующие в медиа, с интересом, но вежливо и отстраненно наблюдали за тем, как скептический, однако бодрый старичок подслеповато смотрит на политическую карту мира и рассуждает о вещах абстрактных и чрезмерно общих. Вот здесь намечается... лет через двадцать... надо будет об этом подумать сейчас. «Зачем сейчас? через двадцать и подумаем! Скажите лучше, как решать проблемы грузинского противостояния России, учитывая геополитические особенности Панкисского ущелья». Киссинджер тогда ответил: «Вы знаете, я приехал из страны, где государство Грузия путают со штатом Джорджия; я не знаю, где находится Панкисси, и в чем его особое значение; посмотрите лучше на Китай — я говорю вам, через двадцать лет...».

Так орел высоко взлетает над долиной, и, не различая мелочей, следит за главным: как движется по тонким линиям дорог обоз, где пасутся стада, откуда берется пища. А что это за точка там, внизу: менгальская она или эстонская, неважно.

В последние годы местечковый взгляд на мир восторжествовал и в российской политической элите. Она не просто различает карликовые образования и объявляет их серьезными врагами, с которыми имеет смысл разбираться по-крупному; она, что гораздо хуже и опасней, мыслит о глобальном мире в индустриальных категориях и в соответствии со своим приземленным взглядом ищет плоские решения объемных и многофигурных задач.

В этом смысле книга «Россия и мир» под редакцией Сергея Караганова слишком хороша и слишком стратегична, чтобы к ее выводам прислушались нынешние российские политики. Скорее уж ее изучат западные политологи и консультанты, доложат своему политическому руководству, которое обдумает грядущие вопросы. Наши же элиты будут двигаться на ощупь, вслед за своим поводом. А ведь карагановский замысел весьма патриотичен: здесь явлена попытка достучаться до высокого начальства — не для того чтобы получить заслуженные награды, не для того чтобы заработать повышение, а только для того чтобы Россия успешно подготовилась к вызовам наступающего времени, имея преимущества превентивного знания о самой себе и о глобальной реальности, взаимодействующей с нами — и требующей ответного взаимодействия с нею. Не тактических вихляний в зависимости от текущей темы, а долгосрочного планирования и координации настоящего — с будущим.

При этом сам Сергей Караганов, равно как и его единомышленники, отказывается от позитивистской росписи событий по сценариям: «нейтральному», «положительному» и «отрицательному»; просчитывая разные варианты, он исходит из модели *будущего с российским уклоном*; лично для него картина надвигающегося грядущего — вплоть до 20-х годов XXI столетия — не катастрофична, а именно что проблемна. Он использует применительно к политическим, экономическим, военным реалиям (реалиям пока что ирреальным, складывающимся) метод мягкого ситуационного анализа, принятый в консалтинговом бизнесе. И за счет этого перенесения бизнес-приема в пространство политологического анализа получает очевидные преимущества. Во-первых, чтобы провести такой анализ, ты должен видеть жизнь во всех ее ракурсах — сразу. Умеренно-оптимистичные прогнозы развития мировой экономики даны с поправкой на перспективу снижения роста Китая и постепенного усиления Индии, а значит, нужно опасаться «экономической ксенофобии» со стороны ведущих постиндустриальных стран, которые вряд ли вернут себе прежнюю доходность и полноценную динамику развития. Вопрос о судьбе доллара и возможности его жесткой просадки сам собой ведет нас к теме потенциальных военных угроз, связанных с финансовыми кризисами. Судьба Ирана, чье

ядерное саморазвитие вряд ли будет остановлено (мировое сообщество непоправимо запоздало; Америка наносить превентивные удары пока не готова), осмысляется в контексте глобальной гонки вооружений. Но тут не обойдешься без обсуждения американского присутствия в Афганистане, без анализа состояния природных ресурсов и возможностей взаимодействия России и ЕС (в этой сфере авторы прогнозируют «точку роста» после 2011–2013 гг.)...

Вот в таких обстоятельствах и предстоит, видимо, России отыгрывать свои ситуационные преимущества, которые сложились после долгого периода потрясений и неурядиц. Но будут ли ситуационные преимущества преобразованы в цивилизационную незыблемость? Ответ на этот вопрос нужно спрашивать не у дальнозоркого стратега, а у современного российского политика, которому давно пора прописывать очки от близорукости.

МИР И РОССИЯ

Даниел Белл, Владислав Иноземцев. Эпоха разобщенности: Размышления о мире XXI века. М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2007. — 304 с.

Даниел Белл — один из самых авторитетных американских аналитиков и (осторожно используем этот термин) футурологов старшего поколения. Владислав Иноземцев — один из самых ярких экономико-политических исследователей новой российской генерации. Они познакомились и начали общаться в тот момент, когда Владислав Иноземцев (было ему тогда 29 лет) затеял перевод и издание книги 80-летнего Белла «Грядущее постиндустриальное общество». С 1997-го прошло 11 лет; издатель и автор продолжили общение, результатом чего стала книга-диалог, выпущенная журналом «Свободная мысль» и «Центром исследований постиндустриального общества».

Соавторы (точнее, собеседники) проходят круг за кругом практически весь основной набор ключевых тем мировой политики XXI века — от взаимоотношений Запада и Востока до судьбы религиозных конфликтов и роли идеологий в новом планетарном раскладе; они спокойно и детально обсуждают тему прав человека в контексте мирового порядка. Им не кажется, что разговор о глобализации по определению банален и бессодержателен — они же не бойкие журналисты, чтобы скатиться к штампам, им очевидно, что процесс глобализации бросил вызов именно странам, его породившим, и эти страны начинают болезненно реагировать на перспективу собственного проигрыша. Точно так же судьба демократии в Китае не представляется им очевидной: Иноземцев сомневается, что китайцы медленно движутся навстречу новому, непривычному для них измерению политического самоуправления, скорее они балансируют на опасном краю...

И снова, как в труде «Россия и мир», мы сталкиваемся здесь с предельным уровнем интеллектуального обобщения — притом что методы анализа восходят не к консалтинговым практикам, а к очень давней

традиции актуального философствования. И посылки авторов здесь совершенно иные; да и внутри своего крохотного двухсоставного «коллектива» они вовсе не единомысленны. Главное в данном случае даже не то, что именно говорят соавторы-собеседники, а то, как они видят политическую и экономическую жизнь. А видят они ее не плоско-стно, не одномоментно; всякое явление берется в обширном контексте, футурологическом и историческом. Недаром первая глава открывается соображениями Даниела Белла о моменте возникновения «истории» как общего и подлежащего описанию явления и о том, почему это именно западное изобретение. Но при таком подходе не всякое явление может быть взято в рассмотрение; мелочи, как шелуха, отлетают в сторону, и в центре внимания оказывается только существенное. Иными словами, предельно повышенная планка разговора сама собой превращается в инструмент естественного отбора, иерархическую классификацию явлений и тенденций сегодняшней жизни; то, что уместно обсуждать в рамках глобальной модели, и есть настоящее, а то, что не проходит этого испытания на масштаб, — второстепенно.

Всего лишь одна цитата из рассуждений Даниела Белла — хотя аналогичные мысли можно найти и в репликах Владислава Иноземцева: «В истории крайне важен вопрос о сроках; о том, какой запас времени есть у общества для того, чтобы противостоять разрушительным процессам или приспособиться к ним. ...Поэтому важно помнить: когда мы говорим об упадке, у нас не должно создаваться ощущения определенности и конечного результата. Упадок — это всегда относительное понятие. Он никогда не бывает абсолютным. ...Мне давно уже приходится подчеркивать: делая определенные прогнозы, мы всегда должны говорить лишь о структурных изменениях, но никогда — об отдельных конкретных событиях».

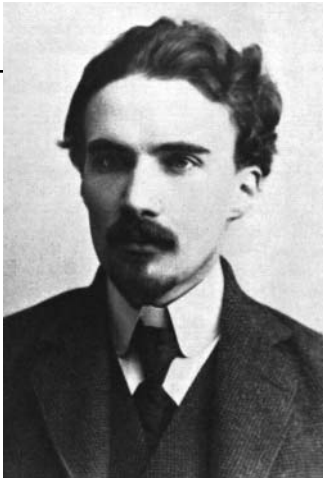
Так что если рассуждение Владислава Иноземцева о резком росте националистической агрессии в успешных и многонациональных российских мегаполисах вписывается в установленные рамки эпохальных тем, не воспринимается как снижение заявленной планки разговора, значит, тенденция эта и впрямь попадает в разряд безусловно-ключевых. Наряду с зависимостью ресурсной экономики от технологических решений, изменяющих структуру спроса на ресурсы. Наряду с перспективами российско-американских отношений. Наряду с проблемой фрагментации мира.

Только так и можно оценить реальную степень той или иной угрозы. Чего никак не хотят понять политики, отечественные и не только, которые заходят в любую проблему (в том числе в проблему торжества скинхедов) не сверху вниз, а снизу вверх. Через мелочи. Через подробности. Они в этих мелочах и подробностях увязают, тонут; проблемы остаются нерешенными; стратегии нереализованными, а перспектива — утраченной.

В 1940 году находившийся в эмиграции известный русский историк и религиозный мыслитель Георгий Петрович Федотов (1886–1951) опубликовал в парижской газете «Новое время» (№ 76–77) статью под заголовком «Федерация и Россия». Этот небольшой текст интересен своей необычайно живой переключкой с темами, которые волнуют нас сегодня. Столкнувшись с нарастающим натиском тоталитаризма, Европа 1930-х годов вновь и вновь возвращалась к проблеме политического объединения. Сегодня мы знаем, что тогда задуманный и в итоге осуществившийся союз европейских демократий оправдал себя как минимум дважды: в борьбе с Гитлером и, чуть позже, в создании Европейского союза — демократической политики невиданного ранее типа, вобравшей в себя почти весь континент. Между тем, согласно евразийцам, с которыми духовно боролся Федотов и которых, увы, столь много среди нас сейчас, «Россия ни хозяйственно, ни культурно в Европе не нуждается». 1940 год — как раз то время, когда безумец Сталин, к ужасу многих европейских наблюдателей, активно заигрывал с безумцем Гитлером. Это, кстати, тоже был своего рода «европейский выбор» — но выбор в пользу не демократической, а тоталитарной Европы. К счастью для нас, ныне живущих, в 1945 году победила вместе с Советским Союзом другая, демократическая и либеральная Европа. Однако, несмотря на все ее полувековые успехи и многократно подтвержденную историческую, политическую, экономическую состоятельность, наша Родина до сих пор так толком и не решила, готова ли она быть частью европейского целого. Речь, разумеется, не о географии и даже не о культуре, где более или менее все ясно. Геополитический выбор, который совершается Россией сегодня, — это выбор моральный, это предпочтение, отдаваемое одной системе ценностей перед лицом другой системы. Как пишет Федотов: «Загнать в Азию Россию еще никому не удавалось, не удастся это и самим русским, если бы они того захотели».

Андрей Захаров

Георгий Федотов

Федерация и Россия

Должна ли и может ли предполагаемая федерация народов включить Россию? Самый вопрос этот получает разный смысл, смотря по тому, ставится ли он с точки зрения Запада или России. Для западноевропейца он означает колебание осторожности, старую привычку к постепенности, к умеренным решениям: сначала попробуем объединить Запад, народы своей культуры, прежде чем будем раздвигать границы объединения на Восток. Всемирная федерация — это в плане утопии, европейская — в плане реальности. А Россия — в Европе ли?

С точки зрения русского, этот вопрос означает последнее убежище русского национализма. Объединяйтесь сами, если хотите. Может быть, Европа в самом деле переросла век национальных государств — особенно малых государств. Но Россия сама по себе целый союз народов, по территории — одна шестая света, не Европа, не Азия, а особый, себе довлеющий

мир. Недавняя историософия евразийства приходит на помощь этому националистическому рефлексу, чтобы доказать, что Россия ни хозяйственно, ни культурно в Европе не нуждается.

В противность этому, мы готовы утверждать, что как европейская федерация немыслима без России, так и культурная жизнь России немыслима без Европы.

Для Европы что проку в том, что она, покончив со своими вековыми распрями, разоружится и наладит мирное сожительство своих народов, если на Востоке она будет постоянно видеть перед собой стену штыков (или танков)? Сможет ли она вообще разоружиться, если Россия останется вооруженной? Как будут разрешаться конфликты, возникающие из территориальных, этнографических и стратегических отношений на западной границе России? Пусть Россия не чисто европейская держава. Но она, во всяком случае, и не чисто азиатская. На свое несчастье или счастье, она не имеет ни на Западе, ни на Востоке четких рубежей. Это предопределяет для нее необходимость политически жить в сложном мире как европейских, так и азиатских народов. Ее изоляция невозможна и нелепа. Еще в XVI веке, когда Москва культурно жила за искусственно созданной китайской стеной, политически она должна была войти в круг западных держав: искать дружбы с римским цесарем, с Данией, с Англией — хотя бы для того, чтобы обороняться от ближайших соседей-врагов. Балтийские, польские, даже балканские интересы России принадлежат не к искусственным «империалистическим» наростам на ее политике, а к органическим темам ее истории. Загнать в Азию Россию еще никому не удавалось, не удастся это и самим русским, если бы они то-

го захотели. Оставаясь в Европе и давя на нее всей своей огромной тяжестью, Россия может быть или страшной для нее опасностью, или одним из существенных элементов ее равновесия. С Петра Великого Россия жила общей жизнью с Европой, не раз в критические часы истории — 1813, 1914 годы — помогала спастись в общей беде. Неужели Ленин мог одним разом переломить тысячелетнюю историю России? Что этого не случилось, доказывает сам его преемник своим неожиданным выходом за западные рубежи. При всей гибельности разбойных приемов Сталина, самое направление его интересов доказывает, что об изоляции России не может быть и речи. Она остается, как была, неразрывно связанной со всем комплексом восточноевропейских политических сил.

Впрочем, можно поставить и другой вопрос: о какой федерации идет речь? О европейской ли? Пока вопрос о федерации ставится чисто теоретически, ее можно ограничивать как угодно: Европой, Западной Европой — и в этом ограничении видеть признак благоразумия. В действительности, идея федерации принадлежит Англии. Но Англия, точнее Британская Империя, это не чисто европейское государство. Ее доминионы и колонии раскинуты по всем частям света. Одной шестой — СССР с его 170 миллионами — она может противопоставить одну четвертую и 450 миллионов. Если большая часть этого политического тела находится вне Европы, можно ли говорить о европейском характере федерации? Но Англия уже сейчас надеется на участие в ней Соединенных Штатов Америки. Лорд Лотиан, британский посланник в Вашингтоне, является одним из творцов этого замысла. Наконец, эта самая Британская Империя в целом ряде то-

Лизетт Модел. Отражение. Нью-Йорк. 1950

чек соприкасается, географически или политически, с азиатскими владениями России: на Дальнем Востоке, в Афганистане, в Персии, на Черном море. Здесь находится источник бесконечных конфликтов — или основа для договорных отношений. Как показал опыт русско-английского сближения

при императоре Николае II, интересы двух мировых Империй не могут быть признаны непримиримыми. Англия будет договариваться с Россией в Азии, как она будет договариваться с ней же (в союзе с Францией) в делах Восточной Европы. Но время простых разговоров прошло, как проходит и

время вооруженных угроз. Наступает эпоха правового творчества, то есть властно обязывающих решений. Россия необходима для организации мира почти в такой же степени, как и Британская Империя.

Но нужна ли самой России организация мира, нужна ли России Европа? Россия сейчас в ссоре с Европой. И не Сталин, конечно, первый рассорил их. В Сталине эта ненависть к Европе лишь созрела до дьявольского

замысла: разжечь мировую войну, чтобы на пепелище Европы, среди пустынь былой христианской цивилизации, построить могущество русского красного царства. Но ссора началась задолго до Сталина и даже независимо от коммунизма. Ведь и коммунизм является, или являлся, гримасой русского европеизма, искажением русской боли за Европу. Ссора восходит к 1917 году и питается горечью русских унижений. Русское национальное чувство было уязвлено глубоко поражением, разделом, падением России и, не желая взять на себя ответственность, не имея мужества покаяния, стало искать виновника вне себя — на Западе, недавно еще связанном с Россией круговой порукой войны. Это извращение русской боли за Россию одним из первых выразил Блок в своих «Скифах», чудесные стихи которых должны были подсластить измену — не Западу, а самой русской идее: славянской, христианской, культурной традиции России. С тех пор русское скифство гуляет по ту и другую сторону рубежа. Оно совершенно подобно тому отречению от Европы, которое, на почве того же унижения и бессильной злобы, совершили две дочери уже западной (римской) Европы: Италия и Германия. В свете этих скифских настроений мно-

гим казалось, что Россия может жить как Россия и пережив Европу и что ей вообще незначает связывать свое будущее с обреченным миром.

Безумное ослепление, самоубийственная мысль!

Оставаясь в Европе и давая на нее всей своей огромной тяжестью, Россия может быть или страшной для нее опасностью, или одним из существенных элементов ее равновесия

Автаркия России может быть оправдываема, на худой конец, лишь экономически. Подобно Соединенным Штатам, российский материк представляет условия, почти удовлетворяющие требованиям хозяйственного самодовления. Но разве об этом сейчас речь?

Разве от экономической только неурядицы погибает мир? Но уже политическая автаркия России, как мы видели выше, является вредной утопией. И на Западе, и на Востоке Россия вросла всеми своими членами глубоко в другие политические миры. Ее нельзя оторвать от мировых силовых систем, как нельзя разрубить сиамиских близнецов.

Что же сказать об автаркии культурной? О перспективах русского будущего в случае гибели Европы? Тяжело говорить об этом сложнейшем вопросе в нескольких строках. Но надо выразить свое убеждение, основанное на опыте тысячелетней истории. Вот оно. Россия и Запад имеют не совсем тождественные истоки; это определяет, вероятно навсегда, особенность двух христианских миров. Но и Византия, и Рим восходят к той же Греции. Это объясняет сравнительно легкую возможность общения и взаимного оп-

лодотворения. Петровская Россия была не изменой — или не только изменой, — но и обретением собственной сущности в заимствованных формах культуры. Лишь благодаря Западу Россия могла выговорить свое слово.

И на Западе, и на Востоке Россия вросла всеми своими членами глубоко в другие политические миры. Ее нельзя оторвать от мировых силовых систем

В своей московской традиции она не могла найти тех элементов духа (Логоса), без которых все творческие богатства останутся заколдованной грезой. С Европой она проснулась и, мужая, работая, борясь, до конца опиралась на опыт и разум западной сестры, которой уже начала щедро платить за науку. Ныне эта связь жестоко порвана вместе с истреблением целого культурного слоя, бывшего хранителя этой связи. Результатом было общее оскудение и опошление. Первым роковым признаком недуга было падение литературы — последний демонстрируется в лесах Финляндии, в разгроме русских дивизий.

С этой интерпретацией можно спорить, можно искать других причин русских поражений и русского упадка под коммунистической властью. Эти другие причины существуют, смешно было бы отрицать их. Думается только, что и после освобождения России от сталинизма ей не жить цветущей культурной жизнью, если она сохранит китайскую стену, отделяющую ее от Запада, или если этот Запад погибнет как культурный мир.

Есть один элемент христианской культуры, нам всем дорогой, любовно выращенный в петербургский период нашей истории и теперь выкорчеванный

без остатка. Это свобода, которая с таким трудом пробивалась в крепостнически-самодержавном царстве, но наконец сделалась неотъемлемой частью русской жизни. Эта свобода целиком выросла на почве западной культуры как результат сложного воздействия духовных сил. В византийско-московской традиции у нее не было никаких корней. В этом и состояла трагедия русского славянофильства и вообще рус-

ского национального свободолюбия. Вот почему с такой невероятной легкостью свобода могла быть выкорчевана из сознания русских масс, лишенных общения с внешним миром, принесших в марксистскую школу лишь древние инстинкты Московии. Коммунизм стинет вместе со своими идеологическими катехизисами. Но Московия останется. Останется тоталитарное государство, крепкое не только полицейской силой, но и тысячетлетними инстинктами рабства. Разбить его может лишь новый — столь же тоталитарный, то есть религиозный — идеал свободы, который некогда разложил и старую Московию. Но сейчас свобода жива лишь на христианском Западе и ведет отчаянную борьбу с обступившими ее силами тьмы. Война ведется не только на полях сражений, но и на всех участках культурного фронта: в искусстве, в философии, в теологии. От исхода этой борьбы зависит участь мира на много веков. От нее зависит и участь России. Судьбы России решаются на линии Мажино, в Атлантическом океане, в снегах Финляндии. Странно, дико сложилась история. Русские войска умирают за свое собственное рабство. Финны сражаются не только за свою свободу, но и за свободу России.

МОСКОВСКАЯ ШКОЛА ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ГОТОВЯТСЯ К ИЗДАНИЮ

Андрей Захаров. Унитарная федерация. Пять этюдов о российском федерализме (август 2008).

Автор обращает внимание на парадокс, характеризующий модель современной российской государственности. В годы президентства В.В. Путина российская власть зримо тянулась к восстановлению утраченного статуса «великой державы», недвусмысленно намекая на то, что Россия — империя не только в прошлом, но, возможно, и в будущем. При этом страна продолжала и продолжает представляться в качестве «Российской Федерации», хотя федеративный порядок, основанный на договоре, координации и демократии, не слишком вяжется с имперским строем, базирующимся на жесткой субординации и авторитаризме. На чем же держится противоречивая политическая конструкция, именуемая автором «унитарной федерацией»? Очерки, составившие эту небольшую книгу, именно об этом. Почему в России федерация оказалась столь похожей на империю? Какие задачи решает это нарочитое «переодевание» имперского государства в федеративные одежды? Как выглядит российский опыт федеративного строительства в контексте европейского опыта? Почему выборы, проводимые исключительно по партийным спискам, противоречат духу федерализма? Действительно ли федерализм ослабляет демократию, или, напротив, он укрепляет ее?

Новый общественно-политический словарь. Пер. с франц. (сентябрь 2008).

Анализ публичной политики приобрел во Франции в последние десятилетия впечатляющий размах. По словам французского ре-

дактора Словаря, эта дисциплина сегодня наверстывает свое отставание в стране. Поэтому возникла потребность в обобщающей работе, предлагающей набор инструментов (терминов и понятий), используемых для анализа публичной политики. Словарь дает представление не только о старых понятиях, таких как *администрация, государство, капитализм, экспертиза, группа интересов* и т. д., и о современных теоретических и методологических спорах по их поводу, но и возможность познакомиться с новыми концептами, такими как *воздействие информации, европеизация, оценка, новый публичный менеджмент*. Словарь содержит около 60 терминов и понятий, позволяя составить достаточно полное представление об изменении способа «мыслить государство», то есть понять изменение роли правительственных инстанций в странах западной демократии в контексте европеизации, глобализации и изменившихся отношений между администрацией и гражданским обществом.

Юрий Пуцаев. Политика и дружба
(октябрь 2008).

Книга о том, как в наши дни политика ставит людей, и не просто людей, а настоящих друзей, по разные стороны баррикад, о том, что гражданская война в стране еще не совсем окончена, а также о том, какое место может занимать дружба в политике и политических отношениях. В этих контекстах анализируется как настоящее (включая переписку в Живом журнале между современными публицистами), так и прошлое: античность (теория дружбы Аристотеля), особенность революционного сознания, гражданская война в России, коллективизация, Сталин и сталинские репрессии. По жанру это нечто среднее между политической публицистикой и философией политики. Автор — редактор отдела ж-ла «Вопросы философии».

Вадим Бондарь. Коррупция и местное сообщество
(ноябрь 2008).

Эта книга — результат серии семинаров, проведенных в различных регионах России, и основана на результатах серии социологических исследований, на изучении множества случаев коррупционных правонарушений из судебной практики и практики работы органов МВД и прокуратуры, на обобщении опыта противо-

действия коррупции на муниципальном и региональном уровнях. Исследование предназначено в первую очередь местным депутатам, главам муниципалитетов, активным гражданам, представителям бизнеса, юристам — тем, кто инициирует разработку местных программ противодействия коррупции, а также муниципальным служащим и сотрудникам региональных администраций, ответственным за сферы безопасности и организацию системы государственной и муниципальной службы, сотрудникам правоохранительных органов. Она может быть также полезной студентам, обучающимся по специальностям «государственное и муниципальное управление» и «политология», студентам юридических специальностей и всем гражданам, неравнодушным к делам своего местного сообщества.

Артем Марченков. Правозащитный карасс в Ювенильном море (март 2009).

Эссе о смене поколений в «третьем секторе» и о точках пересечения идеологии прав, свобод и достоинства человека с различными типами самоутверждения, успеха и эмансипации, свойственными современной российской молодежи. Интрига грядущего поколения показана не в плоскости хрестоматийного конфликта «отцов и детей», а во внутр поколенческой конкуренции взаимоисключающих сценариев будущего, отраженных в стилевых, мобилизационных, проективных образах «космонавта», «растиньяка», «бумера» и «ушельца». Каждое из описанных поколенческих течений содержит как новые возможности для правозащитного движения, так и скрытые угрозы его идентичности, вносит в повестку дня тему «правозащитной Реформации» и сопутствующих ей рисков.

Роберт Даль. О политическом равенстве. Пер. с англ. (март 2009).

Автор этой книги, американский политолог, профессор Йельского университета, давно и довольно хорошо известен в России. Исследуемая автором проблема политического равенства граждан актуальна не только для Соединенных Штатов, но и для России. Как сочетать потребность в политическом равенстве, жизненно важном для демократических систем, с нарастающим имущественным неравенством? Обозревая признаки потенциального упадка демократии, он с тревогой отмечает, что сохранение либе-

ральных демократических систем отнюдь не гарантировано даже в тех странах, которые традиционно считались пионерами в этой области. В XXI веке демократия испытывает серьезнейшие стрессы. Что нужно делать, чтобы предотвратить ее дальнейшую деградацию? Именно об этом эта интереснейшая книга.

Ютта Шеррер. Германия, Франция, Россия: в поисках идентичности. Пер. с нем.
(май 2009).

Не только постсоветская Россия, но и все западное общество, по словам автора, переживают в настоящее время кризис системы ценностей и нуждаются в смене парадигмы. В книге рассматривается проблема взаимосвязи памяти, истории и забвения в историческом контексте поиска идентичности в таких разных культурах, как немецкая, французская и российская. Автор считает, что только универсальная категория ответственности в качестве обобщающего фактора способна объединить названные культуры, и выступает за культуру ответственности, в которой решающая роль, по ее словам, принадлежит гражданскому обществу.

Рональд Инглхарт, Кристиан Вельцель. Модернизация, культурные сдвиги и демократия. Пер. с англ.
(август 2009).

Авторы этой книги давно и плодотворно занимаются изучением социальных ценностей, способствующих утверждению и поддержанию демократического порядка. Рассматривая политическую и экономическую модернизацию как процесс, радикально трансформирующий ценностные ориентиры людей, они противопоставляют «ценности выживания», доминирующие в традиционных обществах, и «ценности самовыражения», преобладающие в обществах передовых. Доказывая, что бедность и демократия не совместимы друг с другом, авторы обосновывают наличие взаимосвязи между индивидуализмом, «ценностями самовыражения» и демократическим порядком. Взаимосвязь между ценностной системой социума и порождаемыми им институтами доказывается ими не только теоретически, но и с привлечением обширного эмпирического материала. Особое внимание в книге уделяется формированию гражданской культуры участия в демократическом процессе.

CONTENTS

To Our Reader	5
Seminar	
The Political Resurgence of Religion in the XXIst century <i>Christopher Coker</i>	7
Discussion	17
Theme of the Issue	
«National Images of the Past» <i>Address of the International Society Memorial</i>	26
Results of Putin's Presidency	
Myth of the New Cold War <i>Stephen Kotkin</i>	33
Concept	
The Problem of Corruption in a Local Community <i>Vadim Bondar'</i>	47
Discussion	
The «National Leader» as Political Phenomenon <i>Andrei Zakharov</i>	56
«I disagree...» <i>Leonid Smirnyagin</i>	61
Reflections about the «National Leader» <i>Irina Busygina</i>	64
Patriotism, Identity and Politics <i>Gleb Tyurin</i>	68
Viewpoint	
Being an Expert under Soft Authoritarianism <i>Alexei Makarkin</i>	74
Religion and Values: On Relationship between Religion and Politics <i>Claus Mertes</i>	80
Russian Reforms and Social Solidarity <i>Aleksander Sogomonov</i>	85
A Life in the Profession	
The Civil Service, Politics and Business: A View from America <i>Toby Gati</i>	90

Ideas and Notions

Institutions

*Irina Busygina**Andrei Zakharov* 98**Announcement**

New Social-Political Dictionary

Foreword

Pierre Muller 105**Books**

A Soviet Childhood in English

Andrei Zakharov 108

Counter-Point

Aleksander Arkhangelski 110**Nota bene**

Federation and Russia

Georgiy Fedotov 114

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Главная тема:

ЦЕННОСТИ И СОВРЕМЕННАЯ ДЕМОКРАТИЯ

СЕМИНАР

(Голицыно, июнь 2008)

Наши авторы:

Александр Архангельский

Александр Аузан

Андрей Захаров

Константин Косачев

Владимир Лукин

Виталий Найшуль

Ирина Прохорова

Владимир Рыжков

Альваро Хиль-Роблес

Московская школа политических исследований

Sapere aude!

ИМЕЙ МУЖЕСТВО

МЫСЛИТЬ!

Вам помогут

наши книги

В СЕРИЯХ

- **БИБЛИОТЕКА МОСКОВСКОЙ ШКОЛЫ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**
Проблемы общества и демократии
- **КУЛЬТУРА. ПОЛИТИКА. ФИЛОСОФИЯ**
Исторический опыт и политическая практика
- **СВОЕВРЕМЕННАЯ МЫСЛЬ**
Вызовы XXI века

наш журнал

- **ОБЩАЯ ТЕТРАДЬ**
Вестник Московской школы политических исследований

Заказать книги и подписаться на журнал
можно по тел.: (495) 202-85-01

Эл. почта: msps@msps.su

Почтовый адрес:
123104 Москва, Большой Козихинский пер., д. 7, стр. 2, оф. 30

Получить информацию о книгах вы можете
на сайте Школы www.msps.ru

квитанция кассир	<p><u>АНО «Московская школа политических исследований»</u> (получатель платежа) ИНН 7703153998 КПП 770101001 Сч. № 40703810900001002316 в ОАО «НК Банк» г. Москва БИК 044579278 Сч. № 30101810900000000278</p> <hr/> <p>(Ф.И.О., адрес плательщика, с индексом) <u>Подписка на журнал «Общая тетрадь» на 2008 г. (4 выпуска)</u> (наименование платежа) Сумма платежа 800 рублей</p> <p>Дата _____ Подпись плательщика _____</p>
квитанция кассир	<p><u>АНО «Московская школа политических исследований»</u> (получатель платежа) ИНН 7703153998 КПП 770101001 Сч. № 40703810900001002316 в ОАО «НК Банк» г. Москва БИК 044579278 Сч. № 30101810900000000278</p> <hr/> <p>(Ф.И.О., адрес плательщика, с индексом) <u>Подписка на журнал «Общая тетрадь» на 2008 г. (4 выпуска)</u> (наименование платежа) Сумма платежа 800 рублей</p> <p>Дата _____ Подпись плательщика _____</p>

**Оформить подписку на журнал «Общая тетрадь»
можно следующим образом:**

- 1. Заполните квитанцию.** Укажите Ф.И.О., адрес с индексом, на который будет приходить бандероль с журналом.
- 2. Оплатите квитанцию в любом отделении Сбербанка РФ.** Копию оплаченной квитанции отправьте нам по факсу (495)202-85-01 или по эл. почте msps@msps.su
В цену подписки не включена комиссия Сбербанка.
- 3. Подписка для юридических лиц оформляется на основании заявки и оплаты выставленного счета.** Оформить заявку вы можете по эл. почте msps@msps.su или по тел. (495)202-85-01.

Подписано в печать 23.06.2008.

Формат 70×108/16.

Бумага мелованная.

Гарнитура Newton.

Усл.-печ. л. 8.

Тираж 1000 экз.

Заказ №

Московская школа

политических исследований

123104, Москва,

Б. Козихинский пер., д. 7, стр. 2, оф. 30.

e-mail: mmps@mmps.su

<http://www.mmps.ru>

ЛР № 00972 от 14.02.2000.

Отпечатано с готовых диапозитивов

